

УЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

8
1975

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

ЎЗБЕКИСТОН ССР ФАНЛАР АКАДЕМИЯСИ
АКАДЕМИЯ НАУК УЗБЕКСКОЙ ССР

ЎЗБЕКИСТОНДА
ИЖТИМОЙ
ФАНЛАР

Журнал 1957 йилдан чиқа бошлаган

8

1975

ОБЩЕСТВЕННЫЕ
НАУКИ
В УЗБЕКИСТАНЕ

Журнал издается с 1957 года

Редакционная коллегия

акад. АН УзССР М. К. НУРМУХАМЕДОВ (*редактор*), акад. АН УзССР Я. Г. ГУЛЯМОВ, акад. АН УзССР Қ. Е. ЖИТОВ, акад. АН УзССР С.-К. ЗИЯДУЛЛАЕВ, акад. АН УзССР Ш. Ш. ШААБДУРАХМАНОВ, акад. АН УзССР М. Ю. ЮЛДАШЕВ, член-корр. АН УзССР Г. А. АБДУРАХМАНОВ, член-корр. АН УзССР Р. Х. АМИНОВА, член-корр. АН УзССР О. Б. ДЖАМАЛОВ, член-корр. АН УзССР И. И. ИСКАНДЕРОВ, член-корр. АН УзССР Ш. З. УРАЗАЕВ, член-корр. АН УзССР М. М. ХАЙРУЛЛАЕВ, доктор ист. наук С. А. АЗИМДЖАНОВА, доктор ист. наук М. А. АХУНОВА, доктор филол. наук М. К. КОШЧАНОВ, доктор ист. наук Б. В. ЛУНИН (*зам. редактора*), доктор филол. наук Х. С. СУЛЕЙМАНОВ, доктор экон. наук А. Х. ХИКМАТОВ, канд. ист. наук А. А. АСКАРОВ, канд. филос. наук Н. Г. ГАЙБОВ (*зам. редактора*), Б. И. КНОПОВ (*отв. секретарь*).

К Международному году женщины

М. АХУНОВА, Р. УБАЙДУЛЛАЕВА

**ЖЕНЩИНЫ УЗБЕКИСТАНА НАВСТРЕЧУ
МЕЖДУНАРОДНОМУ ГОДУ ЖЕНЩИНЫ**

По инициативе Международной демократической федерации женщин, 1975 г. провозглашен XXVII сессией Генеральной Ассамблеи ООН Международным годом женщины. Это убедительное признание растущей роли женщин-тружениц в современном обществе, их упорной борьбы за подлинное равноправие женщин в странах несоциалистического мира.

В приветствии ЦК КПСС советским женщинам в связи с Международным женским днем 8 Марта 1975 г. говорится: «1975 год отмечается на всей планете как Международный год женщины. Его благородный девиз — обеспечение равноправия, широкого участия женщины в экономическом, социальном и культурном развитии своих стран, всемерное повышение их роли в укреплении мира, в утверждении отношений дружбы и сотрудничества между народами»¹.

Эти высокие гуманные идеалы особенно близки и дороги женщинам нашей страны, где Великий Октябрь, победа социализма, мудрая политика КПСС и Советского государства, последовательно претворяющих в жизнь ленинские идеи равноправия женщин, воплотили в явь многовековую мечту миллионов тружениц.

Борьба за раскрепощение женщины-труженицы неразрывно связана с именем великого Ленина. В. И. Ленин глубоко раскрыл объективные и субъективные факторы радикального решения женского вопроса, рассматривая его как одну из важнейших задач социалистической революции. В. И. Ленин указывал, что только социализм обеспечит подлинное равенство женщины с мужчиной, и вместе с тем подчеркивал, что сама победа пролетарской революции и успешное построение социалистического общества возможны лишь при активнейшем участии миллионных масс трудящихся женщин.

Социализм, навсегда избавив женские массы нашей страны от всякого гнета и эксплуатации, обеспечил неуклонно растущее участие их во всех сферах хозяйственной, общественно-политической и культурной жизни советского общества.

Вместе со всем советским народом наши женщины активно участвовали в установлении и упрочении Советской власти, построении социализма, защите завоеваний Великого Октября, на полях сражений Великой Отечественной войны, а ныне вносят весомый вклад в общее дело строительства коммунизма.

Круто изменились и судьбы женщин Советского Востока, в том числе Узбекистана. В прошлом угнетенные, забытые, темные рабыни, лишен-

¹ Правда, 8 марта 1975 г.

ные элементарных прав в обществе и семье, они получили при Советской власти подлинное юридическое и политическое равноправие, ликвидировали унаследованное от колониально-феодалного прошлого фактическое (экономическое и культурное) неравенство, стали хозяйками своей судьбы и своей страны, сознательными, активными участницами строительства социализма и коммунизма.

В речи при вручении Узбекской ССР 24 сентября 1973 г. ордена Дружбы народов Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул, что, «оценивая глубокие и многогранные социальные достижения Узбекистана, нельзя не сказать особо о раскрепощении женщин..., известно, что здесь, на Востоке, женщина была особенно закабалена и бесправна. Поэтому все мы с гордостью отмечаем как большое достижение то, что сегодня узбекские женщины активно участвуют в строительстве коммунизма, что из их среды вышли десятки и сотни героев труда, учителя, врачи, видные ученые и деятели культуры»².

Сейчас нет такой сферы экономической, социально-политической и культурной жизни республики, где бы не трудились вдохновенно, самоотверженно и творчески наши славные женщины.

На долю женщин приходится до 43% всех работников народного хозяйства Узбекской ССР, в том числе свыше 46% в промышленности в целом, а в машиностроении — 41%, в кожевенно-меховой и обувной промышленности — 68, в текстильной — 72, в швейной — 84, в пищевой промышленности, торговле, общественном питании, материально-техническом снабжении и заготовительной системе — 44% и т. д.

Научно-техническая революция коренным образом меняет условия труда женщин, стимулирует рост их общеобразовательного уровня и квалификации. Создание новых видов производства, внедрение новой техники влекут за собой перераспределение женского труда. Растет удельный вес женщин в таких передовых современных производствах, как машиностроение, приборостроение, электротехника и т. д.

Мы с гордостью отмечаем тот факт, что в машиностроении республики ныне работает до 40 тыс. женщин. Это славный отряд рабочего класса Узбекистана, ряды которого неуклонно пополняют и женщины местных национальностей.

Повышению роли женщин на производстве во многом способствует улучшение условий их труда. Так, за 1965—1973 гг. только в легкой промышленности республики около 1000 женщин переведены с участков, отличавшихся тяжелым ручным трудом, на более легкие работы. Решающую роль в облегчении условий труда женщин играют научно-технический прогресс, механизация и автоматизация производственных процессов, внедрение более совершенной технологии. Большая работа ведется также по линии охраны труда и техники безопасности.

У нас созданы все условия для роста квалификации женщин, работающих на производстве. Так, в машиностроении УзССР за последние 5 лет количество работниц, имеющих IV разряд и выше, выросло на 1192 человека, в легкой промышленности такие разряды имеют уже 22 тыс. женщин и т. д.

Партийные, советские, хозяйственные, общественные организации делают все необходимое для повышения творческих начал труда наших женщин, поощряя их ценную инициативу и смелый почин. Могучим фактором здесь служит массовое социалистическое соревнование, в том числе движение за коммунистическое отношение к труду, в котором широко участвуют и труженицы городов и сел нашей республики.

² Верность великому Союзу братских республик. Ташкент, 1973, стр. 24.

Лучшие наши труженицы выступают застрельщиками замечательных патриотических начинаний, ищут и находят новые резервы роста производительности труда, экономии средств, материалов, энергии, снижения себестоимости продукции, улучшения ее качества, повышения эффективности общественного производства.

Имена многих замечательных дочерей Узбекистана занесены в славную трудовую летопись республики. Успешно завершает, например, свою вторую пятилетку прядильница Ташкентского текстильного комбината, Герой Социалистического Труда, кавалер ордена Ленина Буолма Джураева, ставшая наставницей многих молодых прядильниц. Доярка колхоза «50 лет УзССР» Орджоникидзевского района Мунавар Исхакова за большие трудовые успехи удостоена звания Героя Социалистического Труда, избрана депутатом Верховного Совета УзССР. Слесарь-сборщик Андижанского завода «Электроаппарат», руководитель бригады коммунистического труда Минажатхон Касимова освоила 22 операции на конвейере. Внедрение только двух ее рационализаторских предложений позволило за год сэкономить 2,5 тыс.руб. Можно привести множество подобных примеров, свидетельствующих о творческом, подлинно коммунистическом отношении к труду тысяч и тысяч наших женщин в промышленности, на строительстве, транспорте, в сельском хозяйстве и на других участках производства.

Огромный вклад вносят наши женщины — колхозницы, работницы совхозов, механизаторы, специалисты сельского хозяйства в развитие хлопководства и других отраслей земледелия и животноводства Узбекистана. Далеко за пределами республики известны имена Турсунной Ахуновой и Светланы Продан, Любви Ли и Анастасии Чудной, Чини-хол Худояровой и многих других передовиков сельского хозяйства. Только в 1974 г. на уборке хлопка работало 2547 девушек-механизаторов, наших замечательных «турсунючи» — последовательниц Героя Социалистического Труда Т. Ахуновой, первой из узбечек севшей за штурвал «голубого корабля».

Трудолюбивые женские руки с помощью современной техники, в создании которой также участвуют наши женщины — рабочие, техники, инженеры, конструкторы, — выращивают и собирают большую часть урожая «белого золота» и других культур, добиваются повышения продуктивности животноводства, обеспечивают общий подъем экономики колхозно-совхозного производства.

В нашей стране права женщины на труд, экономическое равенство с мужчиной не просто провозглашены, а реально обеспечиваются надежными гарантиями — равной оплатой за равный труд, широкими возможностями для выбора профессии, повышения образовательного, общекультурного уровня и производственной квалификации, продвижения по службе и т. д.

Огромная работа КПСС и Советского государства по развитию женского образования в Узбекистане, как и других республиках Советского Востока, дала поразительные результаты. По данным переписи населения 1897 г., на территории бывшего Туркестанского края было зафиксировано 1,25% грамотных женщин в возрасте 9—49 лет, а по переписи населения Узбекской ССР 1970 г., грамотность женщин республики составила 99,6%. По последним данным, 73% взрослых женщин УзССР имеют высшее или среднее (полное и неполное) образование.

На долю женщин приходится около 30% инженеров, занятых в народном хозяйстве УзССР, 42% агрономов, зоотехников и ветврачей, 46% экономистов, 58% врачей, 30% техников и т. д. Среди специалистов с высшим и средним специальным образованием в республике на-

считывается 327 тыс. женщин, из них 175 тыс. инженеров и техников. Сейчас в целом по УзССР из каждых 100 женщин трудоспособного возраста примерно 80 работают или учатся.

Высококвалифицированные женские кадры играют ведущую роль во многих отраслях культуры. Достаточно сказать, например, что среди работников просвещения УзССР доля женщины составляет 53,5%, а в системе здравоохранения — 73,3%⁴.

Высок и удельный вес женщин в науке. Среди ученых Узбекистана — 10,5 тыс. женщин, из них до 80 докторов и почти 2300 кандидатов наук.

Больших успехов добились наши женщины и в развитии литературы и искусства. Почетного звания народных артистов СССР удостоены 6 женщин нашей республики, народных артистов УзССР — 74, заслуженных артистов республики — 225 женщин. Тысячи талантливых дочерей Узбекистана с успехом выступают в народных театрах и коллективах художественной самодеятельности.

Наши женщины активно участвуют в общественно-политической жизни страны, управлении делами общества и государства. Неуклонно растут ряды женщин — членов ленинской партии, комсомола, массовых общественных организаций. Лучшие из них выдвигаются на руководящие посты в партийном, государственном, хозяйственном аппарате.

Мы горды тем, что в составе Верховного Совета СССР девятого созыва есть и 27 женщин из Узбекистана. Свыше 40 тыс. женщин избраны во время состоявшихся 15 июня 1975 г. очередных выборов в депутаты Верховных Советов УзССР и КК АССР, а также местных Советов республики. Так, в составе Верховного Совета УзССР ныне насчитывается 34,9% женщин (164 человека), в составе Верховного Совета КК АССР — 34,5%, а в местных Советах республики — 47,5%⁴.

Среди депутатов Верховного Совета СССР можно назвать, например, ударника коммунистического труда, прядильщицу Намаганского комбината шелковых и костюмных тканей Дилару Ташпулатову, выполнявшую уже два личных пятилетних плана; разметчицу Ташкентского авиационно-производственного объединения им. В. П. Чкалова Татьяну Кузьминичну Ляшко, члена КПСС, ударника коммунистического труда; передовую доярку колхоза «Коммунизм» Бухарской области, члена КПСС Мухтарам Гаффарову; высококвалифицированную дистилляторщицу Каттакурганского масложиркомбината Розию Рашидову, члена ВЛКСМ, ударника коммунистического труда, руководителя передового звена механизаторов совхоза «Малек» Сырдарьинского района, коммунистку Тухтахон Киргизбаеву; знатного шелковод колхоза им. Ахунбаева Ленинградского района, члена КПСС Хамраhon Турдимуратову; швей-мотористку Ургенческой швейной фабрики им. В. И. Ленина, комсомолку Султанпашу Хаджиеву и др. Все они не только отлично трудятся на производстве, но и активно участвуют в общественно-политической жизни, достойно несут высокое и ответственное звание советского депутата.

Женщины у нас играют все более активную роль в руководстве народным хозяйством, управлении делами общества и государства. Так, 1200 женщин Узбекистана являются видными партийными и советскими работниками, 47 — руководителями колхозов и совхозов; почти каждый третий судья в республике — женщина; многие женщины руководят крупными научными и учебными учреждениями и т. д.

³ Ш. Р. Рашидов. Торжество ленинской национальной политики, Ташкент, 1974, стр. 100.

⁴ Известия, 19, 20 июня 1975 г.

Коммунистическая партия и Советское государство высоко ценят самоотверженный творческий труд наших женщин. Свыше 56 тыс. тружениц Узбекистана награждены орденами и медалями СССР, а 109 из них удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Всенародной заботой и вниманием окружена у нас женщина-мать. Свыше 30 тыс. женщин Узбекистана гордо носят почетное звание «Мать-героиня», а более 2,2 млн. женщин награждены орденом «Материнская слава» и «Медалью материнства».

Партия и правительство проявляют неустанную заботу об улучшении условий жизни и быта тружениц города и села. «Цель политики партии,— говорил Л. И. Брежнев на XXIV съезде КПСС,— состоит в том, чтобы советская женщина получила новые возможности для большего участия в общественной жизни, отдыхе и учебе, для более широкого приобщения к благам культуры»⁵.

В создании реальных условий для гармоничного сочетания творческого труда женщин, их активного участия в общественно-политической жизни, приобщения к достижениям культуры и счастливого материнства огромную роль играет рост сети медицинских и детских учреждений.

Только за последние 10 лет государственные организации, совхозы и колхозы УзССР построили и ввели в эксплуатацию детских дошкольных учреждений на 316 тыс. мест. В республике функционируют 922 женские консультации, детские поликлиники и амбулатории. Если в дореволюционном Туркестане только от родов ежегодно умирало до 30 тыс. женщин, то ныне в Узбекистане смертность от родов почти полностью ликвидирована.

За последнее время установлен ряд новых льгот для работающих женщин-матерей, в том числе 100% оплата отпуска по беременности и родам всем трудящимся женщинам, независимо от стажа работы. Введена ежемесячная выплата пособий на детей в малообеспеченных семьях. Эти и другие факты ярко свидетельствуют об огромной заботе партии и правительства о женщине-матери и детях.

Наши женщины, как и весь советский народ, горячо одобряют и единодушно поддерживают мудрую ленинскую политику КПСС и Советского государства, вдохновляющую Программу мира, принятую XXIV съездом КПСС и последовательно претворяемую в жизнь.

Советские женщины выражают свою солидарность с народами братских социалистических стран, международным коммунистическим и рабочим движением, движением борцов за мир, национально-освободительной борьбой народов против империализма, колониализма, неоколониализма, агрессии и расизма. Наши женщины активно участвуют в деятельности Международной демократической федерации женщин и других международных демократических организаций.

В Обращении ЦК КПСС к советским женщинам, посвященном Дню 8 Марта 1975 г., говорится: «...Убежденные поборницы дружбы народов, советские женщины идут в первых рядах международного женского демократического движения. Неразрывными узлами солидарности они связаны с трудящимися женщинами мира в общей борьбе против империализма и эксплуатации, против всякой дискриминации и порабощения, колониализма и расизма, за мир, национальное освобождение, демократию и социализм»⁶.

Воспитанные нашей партией в духе социалистического интернационализма, советские женщины решительно выступают против любых про-

⁵ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 75.

⁶ Правда, 8 марта 1975 г.

исков международной реакции, империалистических сил и их пособников. Миллионы советских женщин выражали свою солидарность с народами Индокитая, горячо приветствовали историческую победу патриотов Южного Вьетнама, успехи национально-патриотических сил в Лаосе и Камбодже. Женщины Узбекистана активно участвовали и участвуют в кампаниях поддержки справедливой борьбы народов Кипра и Арабского Востока, Африки и Чили, Испании и Португалии, Греции и Северной Ирландии.

Общезвестно тяжелое положение трудящихся женщин в капиталистических странах. Как правило, их последними принимают на работу, но зато первыми увольняют. Уделом миллионов тружениц в странах капитала остаются жестокая эксплуатация, фактическое бесправие и тяжелые лишения. Во многих капиталистических странах женщины лишены или ограничены в гражданских и политических правах. Далеко не везде они могут избирать или быть избранными в представительные органы. В США, например, из 535 членов палаты представителей конгресса — лишь 18 женщин, а в сенате нет ни одной представительницы женской половины населения этой крупнейшей капиталистической страны.

Буржуазное общество знает немало форм прямой или скрытой дискриминации женщин. В большинстве капиталистических стран, например, лишены права на работу пожилые женщины, а также замужние и имеющие детей. Материнство там становится подлинной трагедией для трудящихся женщин. Средняя заработная плата женщин в США и Англии вдвое ниже, чем у мужчин. В ФРГ лишь 9% работающих женщин заняты квалифицированным трудом, а 45% выполняют подсобные работы⁷ и т. д.

Все это хорошо известно советским женщинам, которые широко поддерживают растущую борьбу трудящихся женщин несоциалистических стран за подлинное равноправие и свободу, за мир и счастье детей.

Женщины Узбекистана активно участвуют в мероприятиях, организуемых Союзной и республиканской Комиссиями по проведению Международного года женщины. Повсеместно проходят лекции, доклады, собрания, конференции и другие мероприятия в рамках Международного года женщины. Представительные делегации советских женщин участвуют в международных форумах женщин. На них достойно представлены и женщины Советского Востока, в том числе Узбекистана. Они с гордостью рассказывают о достижениях своей Родины, огромной заботе партии и правительства о советских женщинах, их самоотверженном творческом труде. Женский актив Узбекистана, как и всей страны, деятельно готовится к предстоящему в октябре 1975 г. Всемирному конгрессу женщин в столице ГДР — Берлине.

Таким образом, вместе со всеми женщинами Страны Советов славные дочери Советского Узбекистана отмечают Международный год женщины новыми успехами на всех участках строительства коммунизма в нашей стране и борьбы за мир, демократию и социальный прогресс во всем мире.

⁷ Работница, 1971, № 7, стр. 7.

М. АЛИМОВ

К РАЗРАБОТКЕ ЭКОНОМИКО-МАТЕМАТИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ ЗАДАЧИ ОПТИМИЗАЦИИ РЕКОНСТРУКЦИИ ПРЕДПРИЯТИЙ В ХЛОПЧАТУБУМАЖНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Главная задача девятой пятилетки, как подчеркивается в материалах XXIV съезда КПСС, состоит в том, чтобы обеспечить значительный подъем материального и культурного уровня жизни народа на основе высоких темпов развития социалистического производства, повышения его эффективности, внедрения достижений научно-технического прогресса и ускорения роста производительности труда.

В настоящее время созданы реальные возможности для роста производства предметов потребления более высокими темпами по сравнению с производством средств производства. Уже в текущей пятилетке производство предметов потребления увеличится на 44—48%, а выпуск средств производства — на 41—45%.

Девятым пятилетним планом развития народного хозяйства страны было предусмотрено довести в 1975 г. выпуск всех видов тканей на текстильных предприятиях страны до 10,5—11 млрд. м², т. е. прирост их производства за пятилетку составит по Союзу 25%, а в районах Средней Азии и Казахстана — 80%.

Намеченный рост объема производства тканей обеспечивается за счет строительства новых, расширения и реконструкции действующих предприятий. При этом за счет ввода новых мощностей по Союзу в целом выпуск хлопчатобумажных тканей увеличится на 507 млн. м² (7%), шерстяных — на 155 млн. м² (17,6%), шелковых — на 216 млн. м² (12,8%).

В текстильной промышленности страны ныне занято более 2 млн. работников, а стоимость основных промышленно-производственных фондов достигает 4,5 млрд. руб. Из них в хлопчатобумажной отрасли сконцентрировано 40% промышленно-производственного персонала и 45% стоимости основных фондов. В Узбекской ССР в текстильной промышленности занято около 70 тыс. работников, и на долю этой отрасли приходится 7,5% (по стоимости) промышленно-производственных фондов республики.

Ассортимент продукции хлопчатобумажной промышленности весьма разнообразен. Основное же место в ней занимают пряжа, суровые и готовые ткани. Хлопчатобумажная пряжа различается, как известно, по номерам, способу производства (кардная и гребенная) и по назначению (основная и уточная). Примерно 89% хлопчатобумажной пряжи вырабатывается кардным способом прядения; доля основной пряжи в общем объеме выпуска составляет 65%, уточной — 35%.

Пряжа — основное сырье для ткачества — потребляется также трикотажной, текстильно-галантерейной промышленностью и производством нетканых материалов, развитие которых требует неуклонного роста производства пряжи различных видов и номеров.

В этой связи следует отметить, что, хотя наша республика выступает основной базой производства хлопка-волокна в СССР, выпуск хлопчатобумажных тканей на душу населения здесь по сравнению со среднесоюзным показателем находится еще на низком уровне. Действующие мощности хлопчатобумажного производства в УзССР обеспечивают выпуск тканей на одного человека примерно в пределах 40% от рациональной нормы потребления на душу населения, которая составляет 34,4 м.

Поэтому партия и правительство принимают действенные меры к ускорению развития легкой промышленности в Узбекистане. Особенно важное значение приобретает развитие хлопчатобумажной промышленности в свете решений XXIV съезда КПСС, поставившего задачу дальнейшего подъема благосостояния трудящихся. При этом выпуск хлопчатобумажной пряжи должен опережать по темпам рост производства хлопчатобумажных тканей. Если за 1970—1975 гг. производство хлопчатобумажных тканей увеличится на 47%, то выпуск пряжи возрастет на 65,3%.

Для увеличения производства хлопчатобумажной пряжи в республике уже в девятой пятилетке будет введено 149,9 тыс. прядильных веретен, а в дальнейшем их число еще более возрастет, причем необходимо учитывать постепенное повышение среднего номера пряжи, позволяющее снизить норму расхода пряжи по весу на выработку 100 м суровья.

Наряду с созданием новых мощностей, для повышения эффективности производства и увеличения выпуска пряжи важное значение имеют дальнейшая реконструкция и расширение действующих мощностей. Изучение этого вопроса требует учета специфики производства хлопчатобумажной пряжи.

Важная особенность прядильного производства состоит в том, что прядильные фабрики создаются в основном в составе текстильных комбинатов (в виде законченного цикла) ввиду нерентабельности транспортировки пряжи. Таким образом, транспортный фактор не оказывает особого влияния на развитие хлопкопрядильного производства.

Технология изготовления пряжи весьма сложна. Чтобы из массы хаотически расположенных волокон хлопка создать непрерывную, ровную, тонкую и прочную нить, эти волокна сортируют, смешивают, разрыхляют, очищают от примесей, формируют в холст, затем снова разрыхляют это первое формообразование. Далее в результате чесания волокна распрямляют, параллелизуют, создают первый непрерывный полуфабрикат — ленту и, складывая несколько лент для выравнивания, утолщают их, а вытягивая ленту для утонения, увеличивают ее неровность.

Процесс изготовления пряжи содержит большое число переходов, стадий, приводящих к периодическим перерывам в работе машин для съема созданной продукции. При этом из-за несовпадения уровня производительности машин затрудняется создание автоматических поточных линий, и часть продукции отлеживается, что ведет к ухудшению ее физико-механических свойств.

Кардная система включает в себя разрыхлительно-трепальный агрегат (состоящий из машин 10—11 наименований), чесальную машину, два перехода ленточных машин, лентосоединительную и ленточную машину высокой вытяжки, ровничную и прядильную машину. При гребенной системе прядения полуфабрикат после чесальной машины проходит через ленточные, лентосоединительные, гребнечесальные, два перехода ленточных и ровничных машин и далее — прядильную машину.

Нынешний уровень технической оснащенности производства хлопчатобумажной пряжи в республике характеризуется еще значительной отсталостью. На предприятиях используется много морально и физически устаревшего оборудования, значительно уступающего по технико-экономическим показателям лучшим образцам машин отечественного и зарубежного производства.

Старое оборудование эксплуатируется параллельно или в совокупности с новым, препятствуя полному использованию последнего, быстрому росту производительности труда и высоким темпам технического прогресса.

Например, разрыхлительно-трепальные агрегаты с очищающей способностью 25—40%, которыми оснащено большинство фабрик, еще только заменяются современными, где степень очистки хлопка достигает 55—60%. В условиях расширения поставок хлопка машинного сбора очистка хлопка-волокна от сора и примесей обрела особую актуальность. Обновление процесса очистки хлопка будет достигнуто внедрением нового типа разрыхлительно-трепального агрегата на базе применения батареи питателей-смесителей или АПК-250-3 со смешивающей машиной и колковой очистителем. Агрегат имеет две трепальные машины Т-16 при общей производительности 360 кг/час с эффектом очистки 50—60%. В последующем предполагается довести очистительный эффект до 75% на базе применения однокипных и двухкипных рыхлителей с дозирующими бункерами и заменой очистителей.

Действующие на прядильных фабриках республики чесальные машины в силу недостаточной точности изготовления, частого биения главных барабанов, неровной расположенности шляпочных колосников и низкого качества гарнитур не могут обеспечить полноту очистки от узелков в процессе чесания, что повышает обрывность в прядении. Низкий технический уровень этих машин становится особенно заметным при внедрении пневмомеханического прядения. Поэтому необходимо обновление парка чесальных машин малогабаритными машинами производительностью 20—40 кг/час с последующим агрегированием разрыхлительно-трепальной машины с чесальными, т. е. создание поточной линии «кипа—ленты» с питателем ПР-2, контролирующим и поддерживающим постоянную плотность хлопка с помощью радиоизотопного датчика и регулятора степени рыхления.

На многих фабриках вместо новых высокоскоростных ленточных машин используется устаревшая система прядения с применением лентосоединительных и ленточных машин высокой вытяжки, но обеспечивающая полную выравнивание ленты по номеру и должную прочность нити, что приводит к увеличению обрывности, составляющей 120—150 случаев на 1000 вер./час против 30—40 случаев на производстве, оснащенном прогрессивной техникой.

Для повышения эффективности процесса прядения необходимо внедрение ленточных машин, снабженных автосъемом и автоматическим регулированием номера ленты на базе применения радиоизотопного датчика, со скоростью выпуска ленты 260 м/мин, а затем до 350—400 и даже до 500 м/мин.

С переоснащением гребенной системы прядения в дальнейших переходах ровничные машины сохраняются, но необходимо увеличение паков до 2,5 кг.

Прядильные машины кольцевого прядения следует заменить безретенными прядильными машинами с доведением скорости кружек до 45 тыс., 60 тыс. и 90 тыс. об./мин.

Для выработки низких номеров пряжи намечается использование электростатического и аэродинамического прядения.

Замена какой-либо машины на более совершенную может сопровождаться изменением в технологической цепочке; меняются также технические параметры внутри переходов и соотношение оборудования между переходами. При этом каждая технологическая цепочка характеризуется соответствующими показателями (себестоимость пряжи, капиталоемкость, энергоемкость, трудоемкость и т. д.).

Если учесть, что в кардной системе прядения имеется 4 перехода и используется 6—7 наименований машин, а в гребенной системе — 5 переходов и 9—10 наименований машин, то для замены каждой машины на более прогрессивную необходимо оценить множество технологических, технических и экономических показателей целого ряда вариантов технологических цепочек.

Проблему реконструкции и расширения хлопкопрядильного производства надо рассматривать не только в пределах отдельного предприятия, производящего пряжу, но и во всей совокупности действующих прядильных фабрик республики, а также с учетом строительства новых предприятий и отдельных производств.

В результате эффективное решение данного вопроса становится исключительно сложным с точки зрения обработки соответствующей информации. Отсюда вытекает необходимость экономико-математического моделирования процесса расширения и реконструкции хлопкопрядильного производства республики с решением этой модели на ЭВМ.

Экономическая постановка задачи оптимизации направлений реконструкции хлопкопрядильного производства республики сводится к определению оптимального варианта технологической цепочки на каждой действующей фабрике, учитывая замену каждой машины на более прогрессивную, с тем, чтобы суммарная прибыль от деятельности всех фабрик была максимальной и полностью удовлетворяла потребности хлопчатобумажной, трикотажной промышленности и производства нетканых материалов при соблюдении ограничений на затраты капитальных вложений, энергетических и трудовых ресурсов и обеспечении высокого качества пряжи.

Для математического описания модели задачи нами приняты следующие обозначения:

Индексы:

i — фабрика,

q — варианты технологических цепочек оборудования,

j — номер пряжи.

Технико-экономические показатели:

M_{iqj} — производство j -го номера пряжи на i -й фабрике по q му варианту (технологической цепочки оборудования);

K_{iqj} — капитальные затраты на i -й фабрике по q -му варианту для производства тонны j -го номера пряжи;

t_{iqj} — суммарные затраты труда на i -й фабрике по q -му варианту для производства тонны j -го номера пряжи;

S_{iqj} — суммарные затраты электроэнергии на i -й фабрике по q -му варианту для производства тонны j -го номера пряжи;

C_{iqj} — себестоимость тонны j -го номера пряжи на i -й фабрике по q -му варианту;

Z_j — оптовая цена тонны j -го номера пряжи;

F_{iq} — значение функционала на i -й фабрике по q -му варианту:

$$F_{iq} = \sum_j (Z_j - C_{iqj}) M_{iqj};$$

B_j — объем потребности по республике в j -м номере пряжи;

K — объем капитальных вложений на реконструкцию и расширение хлопкопрядильного производства республики;

S — количество электроэнергии, необходимой для хлопкопрядильного производства республики;

T — общие затраты труда в хлопкопрядильном производстве республики;

X_{iq} — интенсивность способа реконструкции на i -й фабрике по q -му варианту.

Технико-экономические показатели $(K_{iqj}, t_{iqj}, S_{iqj})$ i -й фабрики по каждому варианту ее реконструкции определяются из специально разработанной таблицы, где определены типы и марки машин для каждого варианта, их стоимость, удельные затраты труда и электроэнергии на производство j -го номера пряжи.

При указанной экономической постановке задачи оптимизации направлений реконструкции хлопкопрядильного производства ее экономико-математическая модель выражается следующим образом.

Определим множество неизвестных $\{X_{iq}\}$ с достижением максимума прибыли:

$$\max \sum_i \sum_q F_{iq} = \sum_i \sum_q \sum_j (Z_j - C_{iqj}) M_{iqj} X_{iq}$$

при соблюдении условий:

$$\sum_i \sum_q M_{iqj} X_{iq} B_j \quad (1)$$

$$\sum_i \sum_q \sum_j K_{iqj} M_{iqj} X_{iq} \leq K \quad (2)$$

$$\sum_i \sum_q \sum_j t_{iqj} M_{iqj} X_{iq} \leq T \quad (3)$$

$$\sum_i \sum_q \sum_j S_{iqj} M_{iqj} X_{iq} \leq S \quad (4)$$

$$X_{iq} = 0 \text{ или } 1 \quad (5)$$

В приведенной модели основной производственной единицей взяты типы и марки машин, которые могут быть заменены на более прогрессивные.

При этом каждая машина характеризуется такими экономическими показателями, как стоимость (затраты на приобретение и монтаж с учетом затрат на демонтаж заменяемого оборудования), трудоемкость вырабатываемой на ней продукции или полуфабриката, электроемкость на тонну вырабатываемой пряжи, затраты на ремонт и содержание занимаемой машиной производственной площади.

Вместе с тем различные типы и марки машин могут применяться в определенном сочетании с другими в технологической цепочке, предусматриваемой данным вариантом реконструкции предприятия.

При определении вариантов реконструкции пряядильных фабрик учитываются их производственная площадь, пути ее наилучшего использования и возможности дальнейшего расширения. Затраты на реконструкцию или расширение производственных площадей учитываются в сумме капитальных затрат — K_{iqj} . Наиболее характерным выражением оптимального варианта по критерию экономической эффективности служат себестоимость и рентабельность при данном объеме и ассортименте выпускаемой пряжи.

Выработка пряжи может быть экономически наиболее эффективной, когда выбранные машины и технологическая цепочка обеспечивают оптимально результативный уровень технико-экономических показателей. К тому же сравнительную себестоимость и рентабельность для заданного объема выпуска пряжи можно определить только в масштабе законченного цикла технологии.

При определении таких технико-экономических показателей, как себестоимость и рентабельность выпускаемой продукции, для каждой машины или отдельного технологического перехода снижается достоверность, что особенно характерно для совершенно новых типов машин.

Для практического решения задачи оптимизации направлений реконструкции хлопкопряядильного производства надо обследовать все действующие в данном экономическом районе или республике фабрики, выпускающие хлопчатобумажную пряжу более или менее сравнимого ассортимента.

При этом устанавливаются различные типы и марки машин в технологических переходах и характеризующие их экономические показатели. Кроме того, для сравнения вариантов необходимы данные о новых прогрессивных типах и марках машин.

Чем больше вариантов технологических цепочек определяется по каждой фабрике, тем реальнее возможность нахождения лучшего, оптимального варианта реконструкции.

Решение данного вопроса по приведенной выше экономико-математической задаче позволяет улучшить эффективную технологическую цепочку для реконструируемой фабрики с определенными видами и марками машин, а также основные показатели выбранной технологической цепочки: объем капиталовложений, потребности в производственной площади, уровень трудовых затрат, расход электроэнергии, себестоимость и рентабельность продукции в среднем по производству и по отдельным номерам, суммарную прибыль.

Практическое решение задачи оптимизации направлений реконструкции хлопкопряядильного производства по указанной экономико-математической модели будет способствовать более эффективному развитию данной отрасли народного хозяйства Узбекистана.

М. Алимов

ПАХТА ТОЗАЛАШ САНОАТИДА ҚОРХОНАЛАР РЕКОНСТРУКЦИЯСИНИ
ОПТИМАЛЛАШ МАСАЛАСИНИ ИҚТИСОДИЙ-МАТЕМАТИК МОДЕЛИНИ
ИШЛАБ ЧИҚАРИШГА ДОИР

Ушбу мақола муҳим илмий ва амалий проблемасига — пахта тозалаш санотида қорхоналар реконструкциясини оптималлаш масаласини иқтисодий-математик моделини ишлаб чиқаришга — бағишланган.

К. ФАЙЗИЕВА, С. ХАЛПАЕВА

О СОЗДАНИИ АВТОМАТИЗИРОВАННОЙ СИСТЕМЫ НОРМАТИВОВ И ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ В ПРОДУКЦИИ

Одно из главных направлений повышения научного уровня и дальнейшего совершенствования планирования материально-технического снабжения — детальное изучение и определение потребностей народного хозяйства в материальных ресурсах. Однако при современных масштабах производства и все усложняющихся связях между отдельными отраслями и предприятиями действующие методика и порядок определения потребности в продукции перестали отвечать возросшим запросам рационального ведения хозяйства.

В настоящее время определение потребности в продукции производственно-технического назначения в республике все еще базируется на сложной многоступенчатой системе сбора предварительных заявок. При этом значительная часть информации, содержащейся в заявках, остается не использованной, ибо потребность во многих случаях определяется по данным за отчетный период, которые зачастую не учитывают технического прогресс. Трудность проблемы, непрерывное усложнение системы межотраслевых связей и обусловленный этим рост объемов информации в сфере материально-технического снабжения объективно подсказывают необходимость использования в указанных целях современных средств электронно-вычислительной техники.

Создание автоматизированной системы нормативов (АСН) и определение потребностей в продукции составляют важнейший раздел научного исследования предусмотренных координационным планом мероприятий по разработке автоматизированной системы плановых расчетов (АСПР) республики, одобренных постановлением Госплана СССР и направленных на обеспечение АСПР необходимой нормативной базой.

Автоматизация расчета потребности в продукции отрасли с применением ЭВМ открывает новые возможности, особенно если учесть, что создание АСПР предполагает разработку экономико-математических моделей и принятие оптимальных решений и что без проведения расчетов потребности в продукции немисливо само планирование развития отрасли. В этих условиях расчеты потребностей в продукции сочетаются с расчетами потребностей промышленности в материальных ресурсах и будут функционировать в одной подсистеме АСПР.

Наиболее рационально начать работу с автоматизации расчетов потребностей в материальных ресурсах, ибо они широко практикуются, и планирующими органами накоплен большой опыт в этом деле.

Надо сказать, что расчет потребностей в ресурсах все еще остается одним из самых сложных в плановой практике, поскольку он связан с обработкой огромного количества информации. Для проведения его необходимо прежде всего проанализировать обеспеченность материаль-

выми ресурсами отраслей в отчетном периоде. До сих пор такой расчет осуществляется различными методами, в частности методом прямого счета. Основная трудность в расчете связана с нормами расходов. Кроме того, в практикуемых ныне расчетах наблюдаются такие недостатки, как дублирование расчетов на разных уровнях; отсутствие принципиально организованной системы поступления информации; слишком узкая номенклатура рассчитываемых показателей и т. д.

Эти и другие недостатки отрицательно влияют на правильное и своевременное определение потребности промышленного производства в материальных ресурсах. Внедрение новой техники и технологии, т. е. создание АСН, поможет во многом устранить указанные недостатки.

Автоматизированная система позволит не только упорядочить всю первичную нормативную информацию, но и механизировать ее обработку с использованием общесоюзных классификаторов, накапливать нормативные данные за предшествующее время и по их динамике прогнозировать нормативы на плановый период.

Развернутая в республике работа по созданию автоматизированной системы нормативов уже дает первые плоды. Инициативу внедрения АСН взяли на себя Информационно-вычислительный центр и отдел норм и нормативов Госплана УзССР.

Чтобы получить ощутимый эффект от внедрения новой техники, следует совершенствовать систему нормативной информации. Было бы целесообразным вести эту работу во всех отраслевых министерствах и ведомствах республики. Все это позволит освободить нормативную базу от указанных выше недостатков.

Создание новой, совершенной системы нормативов в сферах управления министерств и ведомств республики требует тщательного исследования ряда вопросов существующей системы нормативного хозяйства и теоретической разработки таких проблем, как:

— связь нормативной информации с методологией народнохозяйственного планирования;

— обеспечение единства требований к разрабатываемым нормативам;

— исследование взаимодействия отдельных нормативов в рамках автоматизированной системы сбора, накопления и обновления норм и нормативов и ее подсистем;

— обеспечение взаимосвязи АСН с АСПР и АСУ при решении задач в сфере планирования и управления.

Следует учитывать, что в условиях автоматизированной системы нормативов значительно расширяются и углубляются требования как к методологии планирования, так и к системе нормативного хозяйства. Для АСН характерен комплексный и взаимоувязанный подход к разработке плана. Система нормативов зависит от концепции, закладываемой при проведении плановых расчетов.

В условиях АСН решающее значение приобретают нормативы, обеспечивающие переход от частичной разнородной информации к систематизированной, и своевременное взаимодействие нормативной информации при решении оптимизационных задач.

Эффективное использование нормативов достигается при единстве принципов и методов их составления, воплощении требований научно-технического прогресса. Все нормативы целесообразно пересматривать в связи с изменениями норм и достижениями научно-технического прогресса.

Практическое внедрение в систему нормативной информации министерств и ведомств автоматизированной системы сбора, накопления и

обновления нормативов даст значительный эффект народному хозяйству, позволив своевременно и рационально обеспечивать потребность предприятий и объединений в материалах и сырье.

Так, автоматизированный расчет подетальных норм расхода материалов с применением ЭВМ имеет следующие преимущества по сравнению с расчетом вручную:

- 1) время, затрачиваемое на расчет изделий, сокращается в 5—6 раз;
- 2) исключаются арифметические ошибки, неизбежные при ручном счете;
- 3) увеличивается удельный вес деталей, планируемых к изготовлению из отходов;
- 4) значительно облегчается труд работников, участвующих в расчете.

Практическую значимость АСН можно проследить на примере определения критерия эффективности использования ЭВМ при расчете средневзвешенных норм расхода материальных ресурсов на капитальное строительство.

Подобные расчеты, как правило, характеризуются большой трудоемкостью переработки информации и весьма сложным взаимодействием факторов, влияющих на искомые решения. В этой связи критерий эффективности в экономике при использовании средств вычислительной техники обретает важную роль.

Например, для расчета средневзвешенных норм расхода материальных ресурсов на капитальное строительство в Госплане УзССР можно принять в качестве критерия эффективности коэффициента использования ЭВМ машину «Минск-22». На проведении указанной операции в Госплане УзССР заняты следующие работники:

начальник отдела с заработной платой 280 руб. в месяц
главный специалист — 180 руб.
старший экономист — 150 руб.
экономист — 120 руб.

Итого — 730 руб. в месяц.

Эти работники затрачивают на проведение упомянутых расчетов 900 часов (5 мес. $\times$ 180 час. в месяц), т. е. общий объем работ составляет (900 час. $\times$ 4 чел.) 3,6 тыс. чел.-час.

На выполнении той же работы в ИВЦ Госплана УзССР заняты:

зав. сектором — 170 руб. в месяц (без ученой степени)
программист — 120 руб.
оператор — 80 руб.
инженер — 130 руб.

Итого — 500 руб. в месяц.

Они выполняют указанную работу за 360 часов (2 мес. $\times$ 180 час. в месяц), т. е. общий объем работ составляет (360 час. $\times$ 4 чел.) 1,44 тыс. чел.-час.

Таким образом, критерий эффективности использования ЭВМ «Минск-22» в практике планирования только на один упомянутый расчет по времени составляет (1,44 : 3,6 $\times$ 100) 40%.

Расчеты показывают, что в рассматриваемом примере условная прямая экономия в денежном выражении составит: (730 руб. $\times$ 5 мес.) — (500 руб. $\times$ 2 мес.) = 2,65 тыс. руб.

По положению, в республиканских ВЦ годовая средневзвешенная загрузка ЭВМ «Минск-22» должна быть не менее 15 маш.-час. В ИВЦ

Госплана УзССР годовая среднесуточная загрузка в 1973 г. на ЭВМ «Минск-22» составила 12 маш.-час. Следовательно, коэффициент использования машины «Минск-22» там равен:

$$K = \frac{12}{15} = 0,8.$$

Как видим, широкое внедрение автоматизированной системы нормативов при эффективном использовании электронно-вычислительных машин будет иметь большое практическое значение для нашего народного хозяйства.

К. Файзиева, С. Холпоева

**НОРМАТИВЛАРНИНГ АВТОМАТЛАШГАН СИСТЕМАСИНИ ЯРАТИШ
ВА МАҲСУЛОТГА БУЛГАН ЭҲТИЕЖИНИ АНИҚЛАШ**

Мақолада нормативларнинг автоматлашган системасини яратиш ва маҳсулотга бўлган эҳтиёжини аниқлаш ҳақида гап боради.

Ш. АБДУЛЛАЕВ

УЗБЕКИСТАН В СОВЕТСКО-ЧЕХОСЛОВАЦКОМ
КУЛЬТУРНОМ СОТРУДНИЧЕСТВЕ

В процессе укрепления мировой системы социализма происходит неуклонное совершенствование братского сотрудничества социалистических стран. Расширение масштабов разносторонних связей между ними служит ярким выражением отмеченной В. И. Лениным объективной тенденции интернационализации всей хозяйственной, политической и духовной жизни человечества, которая получает наиболее зримое проявление при социализме¹.

Составной органической частью многопланового сотрудничества СССР с другими социалистическими странами выступает культурное сотрудничество. Как говорится в Программе КПСС, одна из основных задач коммунистических партий всех социалистических стран — «постоянное развитие всех форм культурного сотрудничества и общения народов социалистических стран, взаимного обмена культурными достижениями, поощрение совместной творческой деятельности работников науки, литературы и искусства; активное содействие взаимообогащению национальных культур, сближению жизненного и духовного склада социалистических наций»².

За последнее время дальнейшее расширение и развитие получило культурное сотрудничество двух братских социалистических государств — Советского Союза и Чехословацкой Социалистической Республики.

Формы советско-чехословацких культурных связей весьма разнообразны и носят активный характер. Это проведение месячников культуры, фестивалей, выставок, обмен кинофильмами, литературой, периодическими изданиями, теле- и радиопередачами, творческое сотрудничество деятелей литературы, искусства, связи между учреждениями культпросвета, науки, спорта, гастрольные поездки театров, ансамблей и т. д.

Подобные формы культурных связей создают исключительно благоприятную почву для интернационального воспитания советского и чехословацкого народов, укрепления дружбы между ними.

В своем обращении к Союзу чехословацко-советской дружбы в связи с 50-летием его основания Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев писал: «Нас глубоко радует, что год от года крепнет наше политическое и экономическое сотрудничество, углубляются духовные связи трудящихся СССР и ЧССР, становится все более многогранной нерушимая чехословацко-советская дружба»³.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 318.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1974, стр. 135.

³ Правда, 2 марта 1975 г.

Изучение и обобщение вопросов культурного сотрудничества стран социалистического лагеря имеет большое научное и политическое значение, тем более, что эти вопросы подвергаются всевозможной фальсификации в буржуазной и реформистской историографии Запада.

Советские историки многое сделали в сфере научного обобщения богатого опыта разностороннего сотрудничества СССР с социалистической Чехословакией. Но ряд аспектов этого многогранного сотрудничества остаются еще малоизученными. В частности, совершенно недостаточно освещены вопросы активного участия Узбекистана в советско-чехословацком культурном сотрудничестве.

Как и другие союзные республики нашей многонациональной Родины, Узбекистан вносит достойный вклад в развитие и укрепление советско-чехословацкого сотрудничества.

Одна из наиболее распространенных форм неуклонно растущих связей Советского Узбекистана и ЧССР — широкий обмен в области искусства. С большим радушием принимает узбекский зритель посланцев социалистического искусства Чехословакии. Их выступления неизменно проходят при переполненных концертных залах.

Крупнейшим событием в культурной жизни Ташкента назвала республиканская пресса выступления лауреата Государственной премии, ордена Республики Государственного симфонического оркестра Чешской филармонии, создателем и первым руководителем которого был величайший чешский композитор Антонин Дворжак⁴. Заметным явлением в музыкальной жизни столицы республики стало выступление лауреата Государственной премии ЧССР Эдуарда Гакена⁵. Всего за 1959—1974 гг. в Узбекистане побывало более 80 мастеров различных видов чехословацкого искусства⁶.

В то же время на основе перспективного плана советско-чехословацкого культурного обмена десятки мастеров различных жанров узбекского советского искусства выступают на сценах чехословацких театров и концертных залов.

Великолепным, захватывающим зрелищем назвала чехословацкая пресса выступления артистов узбекского цирка во время их больших гастрольных поездок по городам ЧССР⁷. Только в трех словацких городах: Кошице, Зволене и Братиславе — на этих представлениях побывало свыше 110 тыс. человек⁸.

Высокую оценку получил ансамбль «Ялла», который гастролеровал по ЧССР в рамках советско-чехословацкого культурного сотрудничества и выступил вне конкурса на международном фестивале популярной музыки «Братиславская лира». Широко распространенный не только в ЧССР, но и других странах Европы музыкальный ежемесячник «Мелодия» писал в одном из номеров: «В настоящее время «Ялла» стала вывозным эталоном советской музыкальной сцены, и она доказала это еще раз своими блестящими выступлениями на нынешней «Братиславской лире»⁹.

Узы давнего творческого сотрудничества соединяют театры Ташкента и Праги. Так, в театральном сезоне 1959 г. Государственный русский драматический театр им. Горького познакомил ташкентского зри-

⁴ Правда Востока, 4 декабря 1959 г.

⁵ Правда Востока, 13 ноября 1965 г.

⁶ Подсчитано по материалам текущего архива Главного Управления искусств при Министерстве культуры УзССР за 1959—1974 гг.

⁷ Правда Востока, 10 октября 1967 г.

⁸ Правда Востока, 5 сентября 1967 г.

⁹ Мелодия, 1974, № 9, стр. 260.

теля с произведением чешского драматурга Павла Когоута. Его пьеса «Такая любовь» была первым произведением тогда еще молодой драматургии народной Чехословакии, поставленным на театральной сцене Узбекистана. Она вызвала живой интерес руководителей и артистов театра им. Горького к творчеству чехословацких драматургов. По инициативе руководства театра в редакцию пражского иллюстрированного журнала «Кветы» («Цветы») было направлено письмо с просьбой присылать новинки чехословацкой драматургии в обмен на пьесы русских и узбекских писателей, впервые поставленные в театре им. Горького¹⁰. Так было положено начало тесной дружбе коллективов ташкентского театра им. Горького и двух крупнейших пражских театров — Камерного, — «Тайна паранджи» Хамзы (первая постановка в русском переводе театры.

Формы их творческого сотрудничества разнообразны. Это и обмен репертуарами, и личная переписка между режиссерами, художниками, отдельными артистами, в процессе которой они делятся опытом, творческими замыслами, рассказывают о работе над постановками пьес, созданием сценических образов. На ташкентской сцене с большим успехом идут произведения чехословацкой драматургии, а в пражских театрах — те пьесы, которые впервые увидели свет в театре им. Горького, — «Тайна паранджи» Хамзы (первая постановка в русском переводе), «История пустой души» по Горькому, «Дракон и солнце» по мотивам узбекских народных сказок¹¹.

Между Узбекистаном и ЧССР налажен широкий обмен выставками художников, книжными и фотовыставками, командировками творческих работников. Например, Союз советских художников Узбекистана и Союз художников Чехословакии организовали в Ташкенте крупную выставку книжной графики Чехословакии. Экспонаты этой выставки, впервые демонстрировавшиеся в СССР, стали даром чехословацких художников узбекским коллегам. На выставке были представлены около 500 работ 48 крупнейших чехословацких графиков¹². Их осмотрели свыше 18 тыс. человек¹³.

В целом за 1959—1974 гг. в Узбекистане было организовано 18 выставок чехословацкой книги и изобразительного искусства¹⁴.

В то же время Узбекское общество дружбы и культурных связей с зарубежными странами активно содействует организации выставок изобразительного искусства Узбекистана в ЧССР. С этой целью в адрес комитетов Союза чехословацко-советской дружбы в Брно, Братиславе, Острове и других городах Чехословакии регулярно направляются справочные, информационные материалы, произведения мастеров изобразительного искусства и фотоподборки для различных выставок о Советском Узбекистане¹⁵.

В Чехословакии, как и других социалистических странах, широко отмечалось 50-летие УзССР и КПУз, в частности путем освещения жизни и достижений чашей республики в прессе, по радио, телевидению, экспонирования различных выставок и др. Около двух месяцев в центре старой Праги, в музее им. Напртека, работала выставка, посвященная полувековому юбилею Узбекской ССР¹⁶. На стендах и витринах ее

¹⁰ Правда Востока, 10 октября 1959 г.

¹¹ Текущий архив Узбекского Общества дружбы и культурных связей с зарубежными странами (далее — ТА УзОДКС) за 1971—1974 гг.

¹² Правда Востока, 26 мая 1959 г.

¹³ ЦГА УзССР, ф. Р-2661, оп. 1, д. 60, л. 149.

¹⁴ Подсчитано по материалам республиканской прессы за 1959—1974 гг.

¹⁵ ЦГА УзССР, ф. Р-2661, оп. 1, д. 157, л. 304—306.

¹⁶ Правда Востока, 29 ноября 1974 г.

демонстрировались фотографии, копии документов, книги, рассказывавшие об истории социалистической революции в Туркестане, успехах в экономике и культуре узбекского народа за годы Советской власти. В залах музея были выставлены книги узбекских писателей, переведенные на чешский и словацкий языки, произведения литераторов Чехословакии, изданные в Узбекистане. Выставку посетили тысячи жителей и гостей Праги.

Одна из самых результативных форм культурного сотрудничества Узбекистана и Чехословакии — литературный обмен. За 1959—1974 гг. Узбекскую ССР посетило около 70 чехословацких литераторов и журналистов¹⁷. Например, в 1961 г. большую поездку по республике совершил главный редактор газеты «Правда» (орган ЦК Компартии Словакии) О. Клопоч. В ходе поездки он посетил Бухару, Самарканд и ряд других городов, выступал перед партийным и советским активом с циклом лекций по проблемам идеологического воспитания трудящихся. В Ташкенте О. Клопоч встретился с ведущими журналистами города и провел с ними беседу, в ходе которой поделился своим опытом и остановился на проблемах организации печатного дела в Чехословакии¹⁸.

Целью поездки журналиста Яна Талны — специального корреспондента журнала «Свет социализма» (печатный орган Союза чехословако-советской дружбы) был сбор материалов для публикации в связи с 50-летием СССР цикла статей о современном Узбекистане¹⁹.

Из года в год растут тиражи издаваемых в нашей республике в переводе на узбекский и каракалпакский языки произведений видных чехословацких писателей: «Репортаж с петлей на шее» Ю. Фучика, «Положение бравого солдата Швейка» Я. Гашека, «Мать» К. Чапека и др.

В то же время в ЧССР издаются произведения узбекских писателей, публикуются материалы о Советском Узбекистане. Так, в 1959 г. пражское издательство «Лидова демокрацие» выпустило в свет роман Айбека «Навои» на чешском языке. Ранее он был издан на словацком языке²⁰.

Значительные события в духовной жизни Узбекистана также находят отражение на страницах чехословацкой прессы. Например, в дни празднования 525-летия великого сына узбекского народа Алишера Навои в ряде ведущих журналов Чехословакии, как «Свет Совету», «Живош» и других, были опубликованы статьи проф. Л. Каюмова о великом мыслителе-гуманисте XV в.²¹ Эти статьи помогли ознакомлению чехословацкой общественности с жизнью и творчеством гениального узбекского ученого-энциклопедиста и государственного деятеля.

Важное место в культурном сотрудничестве УзССР и ЧССР занимает обмен в области кинематографии. Узбекский зритель с большим интересом принимает новые чехословацкие фильмы, как «На боевой повозке Жижки», «Вешние воды», «Человек не одинок» и другие, которые знакомят с героической историей чешского и словацкого народов, дают яркую картину современной чехословацкой действительности.

Всего за 1959—1974 гг. в кинотеатрах Узбекистана демонстрировалось 120 полнометражных чехословацких художественных кинофильмов²².

¹⁷ Подсчет произведен нами на основании материалов ЦГА УзССР (ф. Р-2661, оп. 1) и ТА УзОДКС за 1971—1974 гг.

¹⁸ Правда Востока, 29 мая 1961 г.

¹⁹ ТА УзОДКС за 1972 г.

²⁰ Правда Востока, 19 августа 1959 г.

²¹ ЦГА УзССР, ф. Р-2661, оп. 1, д. 187, л. 71.

²² Подсчитано по материалам текущего архива Узбекской конторы по прокату фильмов за 1959—1974 гг.

Только Кокандское межрайонное отделение кинопроката в 1966—1974 гг. выпустило на экраны 61 чехословацкий художественный фильм, которые за 25 тыс. экранных дней просмотрело свыше 1 млн. человек²³.

Чехословацкий зритель тепло встречает фильмы киностудии «Узбекфильм», многие из которых становятся значительными событиями в культурной жизни братской страны. Например, известный чехословацкий кинорежиссер, член ЦК Союза кинороботников Чехословакии М. Сливка дал весьма высокую оценку узбекскому кинематографу. Так, фильм молодого узбекского кинорежиссера Э. Ишмухаммедова «Нежность» он назвал человечным и интернациональным фильмом, чувства героев которого понятны жителю любой страны. Об узбекских документальных кинофильмах М. Сливка сказал, что их отличает «высокое мастерство» и «они — сама реальность, показанная ярко, предельно просто, человечно»²⁴.

За последнее время все шире практикуется новая, очень эффективная форма культурного обмена — организация поездок специализированных туристических групп. Так, в марте 1972 г. УзОДКС организовал поездку специализированной туристической группы в ЧССР в соответствии с планом советско-чехословацкого культурного сотрудничества на 1972 г. и в связи с днями Узбекской ССР в Чехословакии, проводившимися представительством Союза советских обществ дружбы (ССОД) в ЧССР в честь 50-летия СССР.

Туристы из Узбекистана побывали в 15 городах ЧССР. За это время было проведено 18 мероприятий, в том числе: участие в районной конференции Союза чехословацко-советской дружбы в г. Кладно, встречи с трудящимися (шахтерами Кладно, Ословани, работниками сельхозкооператива «Дружба» в Орехово-Потонь), чехословацкими воинами и т. д.²⁵

Когда 21 марта 1972 г. состоялось официальное открытие дней Узбекистана, в Доме советской науки и культуры в Праге была развернута большая выставка, посвященная Узбекистану. На открытии ее присутствовали представители Союза чехословацко-советской дружбы, ССОД, корреспонденты «Правды», чехословацких газет, радио, телевидения²⁶.

Таких фактов можно привести очень много. Они наглядно свидетельствуют о том, что Советский Узбекистан совместно с другими союзными республиками активно и успешно осуществляет многостороннее культурное сотрудничество с социалистической Чехословакией, которое служит свидетельством крепнущей дружбы советского и чехословацкого народов и вносит весомый вклад в общий культурный прогресс братских социалистических стран.

Ш. Абдуллаев

ЎЗБЕКИСТОН СОВЕТ-ЧЕХОСЛОВАКИЯ МАДАНИЙ ҲАМКОРЛИГИДА

Ушбу мақолада конкрет мисоллар асосида Совет-Чехословакия маданият ҳамкорлигида Ўзбекистон ССРнинг роли ҳақида баён этилади.

²³ Подсчитано по материалам текущего архива Ферганской областной конторы по прокату фильмов за 1966—1974 гг.

²⁴ Правда Востока, 20 ноября 1969 г.

²⁵ ТА УзОДКС за 1972 г.

²⁶ Там же.

К 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова

В связи с 70-летием со дня рождения выдающегося советского писателя М. А. Шолохова Президиум АН УзССР, Отделение истории, языковедения и литературоведения, Институт языка и литературы им. А. С. Пушкина АН УзССР организовали и провели 21 мая 1975 г. юбилейную научную сессию. Участники сессии заслушали вступительное слово вице-президента АН УзССР, акад. АН УзССР М. К. Нурмухамедова, доклады докторов филол. наук М. Расули и Х. И. Якубова. Ниже приводятся их сокращенные тексты.

М. К. НУРМУХАМЕДОВ

СЛОВО О ШОЛОХОВЕ

Шолохов... Это имя нельзя произносить без волнения. Оно — всегда с нами, сопровождает нас, начиная со школьной скамьи до глубокой старости, оно живет вместе с нами.

О Шолохове говорить легко и трудно. Легко потому, что о нем много написано и сказано, трудно — тоже потому, что информации о нем очень много и сказать что-либо новое весьма затруднительно.

Но все же Шолохов, при одинаковой любви к нему миллионов читателей, воспринимается каждым по-своему. Я уверен в том, что любой человек в зависимости от своего жизненного опыта, силы воображения, степени образования, возраста и времени чтения шолоховских книг по-своему воспринимает творения Шолохова. Вспомните свою первую встречу с произведениями Шолохова, и вы найдете, что о ней рассказать.

Сошлюсь на свой пример. Впервые я прочитал «Тихий Дон» и «Поднятую целину» в школьные годы. Очень понравился Григорий Мелехов, смелый, решительный в бою и в своих отношениях с людьми; восхищался им, когда зримо ощущал, как Мелехов-левша рубил врагов с неожиданной для них стороны (что-то чапаевское находил я тогда в Мелехове). О сложном, противоречивом пути Григория Мелехова, о том, что его шашка поднималась иногда против белых, а иногда и против красных, стал думать позднее, в студенческие и последующие годы. «Поднятая целина» (по сравнению с «Тихим Доном») мне, школьнику, показалась несколько скучной книгой об обыденной жизни, лишенной героической романтики. Запомнились соленые словечки Щукаря и то, как женщины били Давыдова. То, что «Поднятая целина» была посвящена поднятю и обновлению глубоких пластов казачьего жизненного уклада в условиях новой, социалистической действительности, огромная художественная сила этого произведения, посвященного «скучной», на первый взгляд, теме коллективизации, — осознал я позднее.

Наверное, у всех есть своя эволюция восприятия Шолохова.

Темы произведений М. А. Шолохова — это вехи жизни нашей страны (революция, гражданская война, коллективизация, Великая Отечественная война). О них нам, возможно, расскажут докладчики.

Но вот несколько мыслей.

Не все литературные герои имеют своих прототипов в жизни, и, как мы знаем, наличие их — не обязательное условие художественного произведения. Но пусть простят нам нашу слабость — мы всегда или почти всегда с интересом читаем любую информацию о прототипах любимых литературных героев. 16 апреля 1975 г. в «Комсомольце Узбекистана» была помещена информация корреспондента АПН П. Ященко «Как создавался роман «Тихий Дон». В нем много интересных сведений о прототипах Григория Мелехова (казаке Евлампие Ермакове), Аксиньи и др., т. е. то, о чем мало пишется в учебниках, в печати вообще.

Почему мы интересуемся прототипами? Очевидно, потому, что произведение слишком жизненно и правдиво. Нам кажется, что оно взято из жизни, а портрет героя списан с кого-то, и мы хотим узнать, кто же этот человек, послуживший моделью для писателя. Поэтому, видимо, мы ищем прототипов литературных героев и поэтому, наверное, мы не интересуемся прототипами персонажей слабых произведений.

Чем больше читаешь Шолохова или думаешь о прочитанном о нем, тем больше открываешь для себя новое свечение тех или иных сторон творчества писателя.

Например, «Судьба человека» аккумулирует в себе столько событий, переживаний и жизненных картин, а идея гуманизма передана с такой потрясающей человека художественной силой что на время даже забываешь о жанре этого произведения. А если говорить о жанре, то Шолохов как бы еще раз подтвердил ту истину, что качество художественного произведения определяется не калибром литературного жанра. Этот рассказ стоит многих романов, вместе взятых.

Несколько дней назад я прочитал рассказ старшего современного английского писателя Сомерсета Моэма «Непокоренная»¹ — о французской женщине, чья безграничная ненависть к немецким оккупантам заставила ее утопить в речке только что рожденного ребенка (она стала матерью в результате насилья пьяных фашистских солдат). Сильный рассказ. Волнует читателя своей суровой патриотичностью.

Вчера в связи с этим невольно вспомнил «Донские рассказы» Шолохова. Красноармеец расстреливает любовницу главаря банды, а грудного ребенка оставляет себе, кормит, выхаживает («Шебалкино семя»).

Тоже патриотизм, чувство долга, ненависть к врагу. Но еще — великий гуманизм, вера в будущее и оптимизм, в отличие от рассказа английского писателя. Оба рассказа хороши, но кое в чем шолоховский лучше: его трагизм не угнетает читателя, а постепенно переходит к чувствам надежды и веры в лучшие времена.

М. А. Шолохов — великий писатель с мировым именем (в 1965 г. ему присуждена Нобелевская премия). Он — классик советской литературы, а если смотреть шире, то он давно уже стоит в ряду выдающихся русских писателей прошлого и настоящего — Тургенева, Толстого, Горького и др. Говорить так пока непривычно, но это так на самом деле.

«Тихий Дон» «Поднятая целина», «Они сражались за Родину», «Судьба человека»... — кажется, не так уж много. Но какие это произведения! Это — драгоценные кирпичики, которые уже легли на постоянно воздвигающиеся стены здания великой русской литературы. Некогда друзья Дениса Фонвизина после появления «Недоросля» восклицали: «Умри, Денис, лучше не напишешь!» Одного из вышеназванных произведений достаточно, чтобы имя Шолохова было бессмертным.

¹ Сомерсет Моэм. Дождь (рассказы), М., 1964, стр. 403—431.

Известный финский писатель Мартти Ларни еще в 1963 г. писал, что Шолохову «обеспечено постоянное место в академии бессмертных»². Рядом с «Войной и миром» Льва Толстого ставил «Тихий Дон» крупнейший бразильский писатель Жоржи Амаду³. Французы ищут сходство между донским казаком и гасконцем⁴, индусы сравнивают «Тихий Дон» с индийским эпосом «Махабхарата»⁵, семь раз переведен «Тихий Дон» на японский язык и т. д.

Имя Шолохова давно уже близко и дорого читателям всей нашей многонациональной Страны Советов; его произведения и их переводы глубоко изучают наши литераторы и языковеды, о чем свидетельствует и юбилейная научная сессия Академии наук Узбекской ССР.

---

² Вопросы литературы, 1975, № 4, стр. 11.

³ Там же, стр. 5.

⁴ Там же, стр. 14.

⁵ Вопросы литературы, 1975, № 4, стр. 6.

М. РАСУЛИ

ВЫДАЮЩИЙСЯ СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

Творческий опыт Михаила Александровича Шолохова, великого писателя наших дней, имеет всемирно-историческое значение. Его замечательные творения дают ярчайший пример глубокого, масштабного осмысления новой исторической эпохи, эпохи коренного перелома в судьбах всего человечества. В его произведениях воплощена всеобъемлющая художественная концепция мира и человека. Писатель изображает силу и мощь народных движений, говорит об ответственности личности за судьбу общего дела, о том, что только правильный выбор пути позволяет человеку стать активным создателем счастливого будущего, яркой, духовно богатой и многогранной личностью. Большие общечеловеческие проблемы нашего века раскрыты в произведениях Михаила Шолохова в своей живой конкретности, неповторимых характерах.

Творчество М. А. Шолохова берет начало в глубинах народной жизни, оно вдохновлено верой в торжество великого дела Коммунистической партии. Народ, его борьба с врагами — такова ведущая тема шолоховских произведений. В них изображены полные суровой правды и героики драматические картины революции и гражданской войны, ожесточенной классовой борьбы на Дону. Со страниц «Донских рассказов» предстают волнующие образы людей, борющихся за новую жизнь на земле. Уже в этих рассказах явственно проступали замечательные черты шолоховского дарования, которые затем глубоко и всесторонне раскрылись в его эпических романах.

Появление в 1928 г. первого тома «Тихого Дона» стало большим событием в литературной жизни страны и оказало сильное влияние на развитие советской литературы. Последний, четвертый том эпопеи напечатан в 1940 г. «Тихий Дон» запечатлел крушение старого мира. Широта и сила шолоховского романа состоит в том, что, изображая жизнь казачества, писатель показывает, как в событиях и сдвигах, происходивших тогда на Дону, отразились исторические процессы всемирного значения, великий революционный переворот в жизни целого народа. На конкретном примере художник эпически отобразил борьбу за новый, впервые в истории человечества утверждавшийся справедливый общественный строй и глубоко раскрыл всю тяжесть и драматизм борьбы народа против контрреволюции. Он с огромным художественным мастерством показал, как сложен процесс умирания старого мира и рождения нового уклада жизни. Тернистым путем шло казачество в годы революции и гражданской войны. Это объяснялось историческими особенностями и социальными условиями, сложившимися на Дону.

Писатель утверждает глубокую мысль о том, что личность поднимается и возвышается, если живет одной жизнью со своим народом,

посвящает себя служению общему делу. И, напротив, она разрушается, деградирует и в итоге терпит катастрофу, если человек отходит от народа, идет на неправо дело.

Великие перемены на Дону, как и во всей советской деревне, М. А. Шолохов отобразил в знаменитом романе «Поднятая целина». Его герои живут и действуют там же, на Дону, где пронесся ураган гражданской войны. В романе, как в фокусе, отразилась целая историческая эпоха в жизни нашего народа — коллективизация сельского хозяйства страны. Писатель создал яркие, сложные образы проводников государственной и партийной линии в деревне, представителей трудового крестьянства.

Великая Отечественная война с фашистскими захватчиками нашла волнующее отражение в ряде произведений М. Шолохова — романе «Они сражались за Родину», рассказах «Наука ненависти» и «Судьба человека». Писатель снова и снова говорит о самом главном в жизни народа, о том, как он сражался за Родину, о трагической «судьбе человека», о «науке ненависти» — необходимой, великой, гуманистической науке, которая вместе с тем не может быть усвоена без тяжелых испытаний.

Повествуя о страшной беде, обрушившейся на нашу страну, художник показывает, как в жестокой борьбе с коварным и лютым врагом — немецким фашизмом — крепили и мужали духовные силы народа. Андрей Соколов из рассказа «Судьба человека» в самых трудных обстоятельствах фашистского плена воспринимается как герой, ибо он ни на миг не утрачивает ощущения своей ответственности за судьбы Родины.

Роман «Они сражались за Родину» занимает центральное место в ряду произведений советской литературы, отображающих Великую Отечественную войну. Время действия романа — трагическое лето 1942 г., когда немецкие полчища наступали на Сталинград. В душах наших солдат и всех советских людей, несмотря на всю горечь отступления, жила твердая вера в победу над ненавистным врагом — и это великолепно показано в романе. Здесь глубоко постигается суть событий, исследуется нравственная чистота и стойкость советского характера, приведшего к победе. На основе этого произведения известный кинорежиссер Сергей Бондарчук создал прекрасный фильм, который вышел на экран к 30-летию нашей Победы, в дни, когда вся планета отдавала дань глубочайшей признательности советскому народу, выдержавшему основную тяжесть борьбы с фашизмом.

В книгах Шолохова находят наиболее полное и эстетически впечатляющее воплощение самые благородные идеалы современной эпохи, идеалы коммунизма. Произведения писателя — плоды большого художественного мастерства.

Образы, созданные М. А. Шолоховым, стали примером для многих советских писателей. Известно, что первооткрывателем и деятельным помощником в творческом освоении какой-либо темы, наряду с обязательным изучением реальной действительности, может быть в какой-то мере и опыт другого художника в постижении сходной темы. Творчество Шолохова оказывает живое и непосредственное влияние на развитие нашей многонациональной литературы. Эпопея «Тихий Дон» с ее подлинной народностью обогатила реалистические основы всей советской литературы, в том числе национальных литератур.

С «Поднятой целины» перекликается повесть из колхозной жизни «Абид Кетмень» узбекского писателя Абдуллы Кадьри, написанная в 1933 г. по горячим следам первых лет коллективизации сельского

хозяйства. Тема этой повести — вовлечение в колхоз середняка-деханнина, перестройка его психологии. Нелегко и не сразу становилось дехканство на путь социалистического хозяйствования. В кишлаках действовали враждебные силы, пытавшиеся скомпрометировать колхозный строй. Враги исподтишка плели интриги, направленные на подрыв коллективного труда. В произведении А. Кадыри показаны первые шаги объединения единоличных хозяйств в сельскохозяйственные артели, ожесточенная классовая борьба в кишлаке, укрепление и развитие коллективного хозяйства, повышение благосостояния дехкан. Писатель показывает глубочайшие сдвиги, происшедшие в кишлаке после революции, а затем в период коллективизации. Ярко обрисованы баи и муллы, переходившие от открытой борьбы против нового строя к подрывной деятельности методами «тихой сапы».

Главный герой повести — дехканин Абид, опытный земледелец, хороший хозяин. Это типичный образ середняка, колеблющегося, подверженного тысяче сомнений, боящегося ломки привычного уклада жизни. Прозвище «Кетмень» Абид получил за упорство в труде, за то, что с кетменем в руках вернул к жизни давно запущенный, почти непригодный для посева участок земли. Колхозники предложили ему вступить в колхоз и увлечь за собой других середняков. Но только взвесив все обстоятельства и поняв выгодность работы сообща, он вступает в колхоз.

История Абида Кетменя, перипетии его жизни, сомнения и колебания при вступлении в колхоз во многом напоминают судьбу Кондрата Майданникова, середняка-казака из «Поднятой целины» вступающего в новый, колхозный мир, подавляя «гадюку-жалость» к своей частной собственности.

Обращаясь к проблемам колхозного строительства, узбекские писатели, разумеется, используют прежде всего материал из жизни своего народа, но в раскрытии конфликтов и характеров они опираются на опыт Шолохова. Заметное воздействие «Поднятой целины» испытали узбекские романисты Хусаин Шамс («Враг»), Абдулла Каххар («Огни Кошчиная»), Хамид Гулям («Светоч») и др.

Важным событием в литературной жизни республики стало издание в начале 60-х годов тщательно подготовленного восьмитомного собрания сочинений М. А. Шолохова в переводе на узбекский язык.

Творчество М. А. Шолохова пользуется в Узбекистане исключительной популярностью. Наши литературоведы посвятили ему немало научных статей и специальные монографии. Широко отмечено в республике 70-летие выдающегося мастера слова. В школах и вузах, научно-исследовательских институтах и других учреждениях Узбекистана состоялись литературные вечера, научные сессии, конференции и иные мероприятия, посвященные жизни и творчеству любимого писателя советского народа.

Х. ЯКУБОВ

М. ШОЛОХОВ И УЗБЕКСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Творчество великого русского советского писателя Михаила Александровича Шолохова давно уже хорошо известно узбекскому читателю. На узбекском языке его произведения выходили в свет как отдельными изданиями, так и восьмитомным собранием, что позволяет относить Шолохова к числу наиболее часто переводимых в республике русских писателей. Творчество Шолохова обогащает духовный мир узбекского читателя, его мысли и чувства, воспитывает уважение к добру и справедливости, учит ненавидеть зло и его носителей, совершенствует эстетические вкусы.

Один из великих и могучих писателей века, Михаил Александрович Шолохов, наряду с Горьким и Маяковским, оказывает самое сильное влияние на развитие всех национальных литератур народов СССР, в том числе узбекской литературы. Уже в 30-е годы узбекские прозаики имели возможность ознакомиться с его многогранным творчеством, школой мастерства. В 1934 г., накануне десятилетия образования Советского Узбекистана, был объявлен конкурс на лучшее прозаическое произведение. В ходе конкурса одними из лучших были признаны романы Хусайна Шамса «Душман» и «Мираж» Абдуллы Каххара, где явственно сказывались первые результаты творческого освоения шолоховского письма прозаиками Узбекистана. На примере этих романов можно видеть, как творчество Шолохова активно воздействовало на формирование жанра и идейно-эстетического мировоззрения узбекских писателей.

В романе «Душман» Х. Шамса, посвященном коллективизации сельского хозяйства Узбекистана, реалистическое отражение социально-классовых отношений в чем-то напоминает шолоховский метод изображения классовых столкновений, какие-то грани композиционной структуры его романа «Поднятая целина». Писатель правдиво показывает борьбу председателя кишлачного Совета, коммунистки Норбуви, рабочего-коммуниста Исамутдинова, мобилизованного партией для оказания помощи селу, председателя колхоза Джуры против явных и скрытых врагов колхозного строя, раскрывает трудности становления новой жизни и их преодоление. Многие места здесь напоминают широкие социально-исторические обобщения, глубокие идейно-психологические традиции творчества Шолохова.

Один из наших ведущих прозаиков А. Каххар стремился, наряду с продолжением лучших национальных традиций, к творческому освоению опыта великих русских классиков — Гоголя, Чехова, Горького, Шолохова.

Судьба главного героя романа А. Каххара «Мираж» в отдельных моментах схожа с судьбой Григория Мелехова. Оба писателя показывают трагические последствия отрыва личности от народа, но изображают это в различных социально-национальных условиях. Уделяя большое внимание среде, приведшей главного героя романа Саиди, погрязшего в болоте индивидуализма и национализма, к трагической гибели, А. Каххар оставляет здесь в стороне борьбу трудового народа

за новую жизнь. Шолохов же, широко прослеживая в социально-художественном и психологическом аспектах трагедию Григория Мелехова, его отчуждение от революционных масс, руководимых коммунистами, ярко демонстрирует историческую роль, созидательную силу народа. Опыт А. Каххара свидетельствует о сложности полного творческого освоения шолоховских традиций на национальной почве.

На примере Сиддыходжана, главного героя романа «Огни Кошчиная» (1948—1958), А. Каххар изображает постепенные изменения в сознании батрака, попавшего в кулацкие сети, крах частнособственнической психологии, объединение дехкан в коллективные хозяйства, рост их классовой сознательности и активности в строительстве новой жизни. Творчество Шолохова служило путеводной звездой А. Каххару.

Влияние художественных принципов и концепций М. А. Шолохова мы усматриваем и у Айбек, особенно в романе «Священная кровь».

Шолохов отразил развитие общества и судьбы отдельной личности в борьбе, в преодолении препятствий; в резких конфликтах. Сила его реализма — в правдивом изображении жизни в сложнейших ее коллизиях, с позиций коммунистической партийности, в хорошем знании психологии народа, условий его жизни и быта, в глубоком изображении образа героя, судьба которого неразрывно связана с великими социальными преобразованиями.

Движение характеров, поведение героев, их духовное состояние изображены писателем в тесном переплетении с общими процессами исторического развития. Именно этой глубокой взаимосвязью и объясняется шолоховский стиль отображения судеб героев — Григория, Аксиньи, Давыдова, Щукаря, Соколова и многих других.

Айбек в своих романах также глубоко выявляет исторические закономерности, определяющие судьбу человека. Он освещает сегодняшнюю жизнь народа, биографии исторических личностей или своих современников лучами будущего, тем самым предоставляя герою возможность переделать свою жизнь именно сегодня.

Произведения Шолохова — прекрасные образцы литературы социалистического реализма. Самые лучшие и художественно совершенные произведения нашей многонациональной советской литературы, базирующиеся на принципах партийности, высокой идейности, народности и правдивости, отличающиеся большой силой художественного обобщения и жизнеутверждающим пафосом, свидетельствуют о мощном влиянии шолоховских традиций. В этом смысле творчество М. А. Шолохова служит замечательной идейно-эстетической школой.

Общезвестно плодотворное влияние творчества Шолохова на литературную биографию многих узбекских прозаиков. Об этом прямо пишут Герой Социалистического Труда, народный писатель УзССР, академик АН УзССР К. Яшен, а также Аскад Мухтар, Хамид Гулям, Александр Удалов и многие другие. Теплые слова в адрес М. А. Шолохова высказывают писатели Шухрат, Мирмухсин, И. Рахим, Х. Назир, О. Якубов, Э. Вахидов, Б. Байкобилов, У. Хашимов и т. д.

Творчество М. А. Шолохова, послужившее становлению и развитию дарования нескольких поколений узбекских писателей, было, есть и будет чудесной школой высокого мастерства всех художников слова, ставящих свой талант на службу народу.

К 1100-летию Фараби

А. ИРИСОВ

ИБН ХАЛЛИКОН ФОРОБИЙ ҲАҚИДА

Ибн Халликон (1211—1282) Шарқда машҳур тарихчи ва библиограф бўлган. Кўп Шарқ олимлари таржимаи ҳоли, улар ёзган асар номлари мана шу каби муҳтарам зотлар тавассути билан давримизга етиб келган.

Зотан бу киши Ирбил (Ироқ)дан бўлиб, Ҳалаб, Дамашқ, Қоҳира каби шаҳарларда таҳсил кўрган, кўп ўқиган, сафар қилган, сермутолаа бўлган. Дамашқда бирмунча вақт қози — калон, мадрасаларда мударрис бўлган. Унинг бизгача етиб келган қийматбаҳо йирик асари «Вафоёт ал-аъён ва анбо абно аз-замон» (Улуғлар вафотлари ва замон ўғлонлари ҳақида хабарлар).

Бунда муаллиф ўзидан илгари ўтган улуғ шахслар — олимлар таржимаи ҳолига доир маълумотлар беради.

Ибн Халликон бу асарини ҳижрий йилининг 654 сида (1250 — мелодий) Қоҳирада бошлаб, 672 йили (мелодий 1274) тугатди. Салкам йигирма йил тер тўкиб ёзган асарининг асл қўлёзмаси ҳозирги вақтда Британия музейида сақланади. Бу асар ҳали қўлёзма бўлгани ҳолда кўчирилиб, асли араб тилида ҳам кўп тарқалган, кейинги даврда китоб нашр қилиш кашф этилгач, Шарқ ва ғарбда бир неча бор нашр этилган, бошқа тилларга таржима ҳам қилинган.

Ибн Халликон ўрта аср муаллифи сифатида машҳур ҳаким ва файласуф Абу Наср Форобий ҳақида ўзига маълум бўлган маълумотларни бериб кетади. Булар ҳаммаси муҳтарам файласуф ҳақида ёзилган дастлабки хабарлардан бўлгани учун ҳам унинг ҳар бир сатри бебаҳо. Шунинг учун Форобий ижоди ёки унинг даврига оид маълумотлар билан танишмоқчи бўлганлар, албатта, бу борада Ибн Халликон ёзган сатрларга мурожаат қилмай қўймайдилар. Зероки, бу китоб бундан роса етти юз йил муқаддам юзага келган. Етти юз йил аввал олимлар Форобийни қандай тақдирлаганлар, унинг ўзи қай даражадаги олим бўлгану, асарлари қай даражада ёзилган — буларни ўқиб олимнинг фикр доираси, мавқен ва асарлари аҳамиятини билиш мумкин бўлади. Чиндан ҳам ўша даврдаги аҳли илм унинг қадрига етиб, илож борича ундан истифода этганлар, асарларини мутолаа қилишни орқага сурмаганлар. Шунинг учун ҳам табаррук шахслар ҳақида маълумот берадиган бу ноёб асарнинг Форобийга аталган саҳифаларини арабчадан ўзбекчага ағдариб, муҳтарам ўқувчилар диққатига ҳавола қилмоқчиман.

Бу парча Ибн Халликоннинг 1299 ҳижрий (мелодий 1881) йили Булоқ (Миср)да нашр қилинган ўша китобнинг иккинчи қисмидан (бетлар 100—102) таржима қилинди. Бу нашр ЎзССР ФА Абу Райҳон Беруний номидаги Шарқишунослик институти фондида мавжуд, унинг инв. рақами 9031—9032.

Ибн Халликон ёзади:

Абу Наср Форобий мантиқ, музика ва бу иккала фандан ташқари яна бир қанча соҳаларга оид асарлар муаллифи ҳамда у мусулмонларнинг энг йирик файласуфларидан саналади. Ҳеч ким бу кишичалик илм-фан даражасига эришолмаган. Юқорида зикр қилиб ўтилган Абу Али ибн Сино¹ унинг китобларидан кўп нарса ўрганган. Абу Али ибн Синонинг сўзига қараганда у Форобий асарларидан баҳраманд бўлган. Бу киши аслида турк² бўлган, ўз юртида туғилиб ўсган. Бу хусусда, худо хоҳласа, шу таржимаи ҳол сўнггида гап келади. Кейин у ўз юртидан чиқиб, бошқа ўлкаларга саёҳат қилишга тушади, ҳатто Бағдод шаҳрига етиб келади. Шу пайтда у турк тили билан бир қаторда, араб тилидан ташқари, бирнеча тилларни биларди. Абу Наср Бағдодда араб тилини ўрганишга киришиб, уни жуда мукамал билиб олади. Кейин бу тил орқали у ҳикмат — фалсафий илмларни ўрганишга тушади.

Абу Наср Бағдод шаҳрига борган кезларда машҳур ҳаким Абу Башар Матто Юнус³ ўша ерда экан. Бу киши муътабар улуғ олим бўлиб, ундан одамлар мантиқ илмини ўрганар эди. Бу пайтда унинг шон-шухрати баланд, теварак-атрофга донғи кетган эди. Унинг даврасида ҳар куни юзлаб мантиқ илмига киришганлар таълим олишарди. У Аристотельнинг⁴ мантиққа оид китобини ўқир ва шогирдларига уни шарҳлаб ёздирарди. Ҳатто у Аристотель асарлари шарҳига оид етмишта китоб ёзди. У маҳалларда бу фанда унга тенг келадиган бирорта одам бўлмаган. У ўз таълифларида иборатларни чиройлик ва равшан қилиб ёзар, ишоратларни эса назокат билан битарди, ўзиям содда ифодали, лўнда фикрли киши эди. (Абу Наср бу кишидан мантиқ илмини ўргангани). Шунинг учун ҳам ҳатто бу фан аҳлидан бўлмиш бир файласуф: «Менимча Абу Наср Форобий иборатларида ўз фикрларини содда ва лўнда қилиб ифодалашни фақат ўша зикр қилинган Абу Башардангина ўрганган», дейди.

Абу Наср доимо ўз шогирдлари даврасида бўлар, улар йиғинларида қатнашар эди. Шу тариқа бир мунча вақт ҳаёт кечириб, кейин Ҳаррон⁵ шаҳрига йўл олади. Чунки бу ерда насроний (христиан)лардан

¹ Бу асар олимлар таржимаи ҳолига бағишланган, сал илгарироқда Ибн Сино (980—1037) таржиман ҳоли келтирилган эди. Муаллиф шўнга ишора қилмоқда.

² У маҳалларда Урта Осиё халқи туркий тилларда сўзлашгани учун уларни турк деб аташган.

³ Абу Башар Матто ибн Юнус ал-Қунноий—файласуф, мантиқ илмида кўп забардаст олим, бу хусусда кўп асарлар, шарҳлар ёзган. Жамолуддин ал-Қифтий (1172—1248) ўзининг «Тарих ал-ҳукамо» (Ҳаким-файласуфлар тарихи) асарида ўзига маълум бўлган маълумотлар қатори, унинг баъзи асарлари рўйхатини ҳам келтиради. Лекин, унда бу олимнинг туғилган-ўлган йили берилмайди, фақат 330-ҳижрий (941 милодий) йиллардан олдин ҳаёт эди, деб ўтади.

(«Тарих ал-ҳукамо» асарининг 1903 йили Лейпцигга Ю. Липперт-нашри, 323-бетига қаралсин). Араб олими Иброҳим Мадкур 940 йилни келтиради. (Қаранг: Ибн Сино, ал-Ибора, Қоҳира, 1970, муқаддима арабча ҳарфий рақам «ҳ»). М. Хайруллаев «Уйғониш даври» (Т, 1971, 294-б.), асарида унинг яшаган йилларини 870—940 деб кўрсатган. Бу олимга тегишли баъзи сатрлар Форобий таржимаи ҳоли муносабати билан шу ерда келтирилган.

⁴ Аристотель, ё Шарқда қисқароқ қилиб Арасту дейишади, инсониятнинг йирик мутафаккири, асли Ононистондан, милoddан аввал 384—322-йиллар орасида ҳаёт кечирган. Фалсафа ва мантиққа оид кўп асарлари қадимда суръний, араб ва лотин тилларига таржима қилинган, умумбашарият фани ва маданияти ривожига катта ҳисса қўшган йирик сиймо. Абу Наср Форобий ва Ибн Синолар шу Аристотель асарларини ўқиб фалсафа фанини ўрганганлар.

⁵ Ҳаррон — Яқин Шарқдаги қадимги шаҳар, урта асрда кўзга кўринган маданият маркази бўлган. Бу шаҳар қадимда Кўёш худосига топинадиган ошурийларнинг ҳам маркази саналган. Ҳозир у Суриянинг шимолий қисмида, Туркия территориясига киради.

бўлмиш файласуф Юҳанно ибн Хийлон⁶ бор эди. Абу Наср у ерга келиб, ўша олимдан мантиқ илми усулларини ўрганди. Кейин у Бағдод томонга қайтади ва у ерда фалсафа илмларини⁷ ўрганди. Аристотельнинг барча китобларини мутолаа қилади; улардаги нуқталар маъноларини ечишда ва муаллифнинг бу борадаги мақсадини ифода-лашда бениҳоят маҳорат қозонади.

Айтишларига қараганда, Аристотельнинг «Жон ҳақида»⁸ асарининг Абу Наср мутолаа қилган нусхаси топилган. Ана шу китобда Форобий ўз кўли билан «мен шу китобни юз марта ўқидим» деб ёзиб қўйган экан. Бу олим тўғрисида нақл қилганларнинг гапига қараганда, Абу Наср Аристотельнинг «Физика»⁹ асарини қирқ марта ўқидиму, лекин уни яна қайта ўқишим керак, дер экан.

Абу Наср Форобийдан шу нарсани ривоят қилишади:

Бир гал ундан:

— Фалсафа соҳасида ким ўткир — Сизми ё Аристотельми? — деб сўрашибди.

Шунда Абу Наср савол берганга жавобан:

— Агар мен у кишининг кўлида таълим олишга муяссар бўлганим-да эди, у ҳолда мен унинг энг катта шогирдларидан бири бўлган бўлурдим, — дебди.

Абу-л-Қосим Соид ибн Аҳмад ибн Абдураҳмон Соид ал-Қуртубийнинг «Табақот ал-Ҳукамо китоби»¹⁰ (Ҳакимлар даражаси ҳақида китоб) да Абу Насрни эслаб шундай дейди.

«Ал-Форобий мусулмонлардан чиққан чин файласуф эди, у мантиқ санъатини Юҳанно ибн Хийлондан¹¹ ўрганди. Бу киши Бағдод шаҳри мутаваллиси¹² бўлиб, ал-Муқтадир¹³ даврида Мадина ас-Салом (Тинчлик шаҳри) да¹⁴ вафот этган эди. У барча ислом дунёсида яққо яго-

⁶ Юҳанно ибн Хийлон (860—920) — Бу олим таржиман ҳоли ҳақида қўшимча маълумот тополмадик. Матнда Жийлон ҳам келгани айтилади. Бу эса «Хийлон» (ё Хайлон) сўзини араб графикасидаги «нуқтали» «х»дан нуқта пастига тушиб, «ж»га айланган, шунинг натижасида баъзи манбаълар Жийлон ҳам келган. Кўп манбаъларда унинг файласуф ва мантиқ илмида чуқур билимдон экани экир қилинади.

⁷ Қадимда аниқ ва ижтимоий фанларнинг ҳаммаси фалсафага кирарди, фалсафа барча фанлар онаси саналарди. Шунинг учун бу ерда у кўп фанлар — фалсафага кирадиган фанларни ўрганиди, демоқчи.

⁸ Бу китобнинг Шарқда машҳур номи «Китоб ан-нафс» («Нафс — жон ҳақида китоб»), дастлаб уни юнончадан сурёний тилига машҳур таржимон Хунайн ибн Исҳоқ (810—873) таржима қилди, кейин унинг ўғли Исҳоқ ибн Хунайн (вафоти 911, Бағдод) сурёнидан арабчага таржима қилган. Бу китобга ўша даврда олимлар томонидан шарҳлар битилди. Унинг бу асарининг русча таржимаси 1937 йилда Москвада нашр этилди.

⁹ Аристотельнинг бу асари Шарқда «ат-Табиа» ёки «ас-Симоъ ат-табийий» (Табиятни эшитиш) номи билан машҳур. 1964 йили Мисрда бу китобнинг ўрта асрларда қилинган таржимасини Абдураҳмон Бадавий икки жилда «Ат-Табиа» номи билан чоп этдириди.

¹⁰ Абу-л-Қосим Саид ибн Абдураҳмон Муҳаммад ибн Саид ал-Қуртубий тарихчи «Муъжам-ал-Муаллифийн» (Муаллифлар қомуси) китобининг кўрсатишига кўра 462 ҳижрий, 1080 милодийда вафот этган. Бу киши унинг асарини «Ат-Таъриф битабақот ўл-уламо» (Олимлар даражасини билдиришда таништирув китоби) деб ўтади. (Умар Ризо Каҳҳола, Муъжам-ал-Муаллифийн, жилд 4, Дамашқ, 1958, 219-бет). Бу китоб номи Ибн Усайбида (1203—1270) «Китоб ат-Таъриф битабақот ал-умам» (Халқлар даражасини билдиришда таништирув китоби) деб келган, қаранг: «Уюн ал-анбо» (Хабарлар булоғи), жуз 3, Байрут, 1957, 226-бет. 1912 йилда Байрут (Ливан) да шарҳшунос Шайхо томонидан Ибн Соид ал-Андалусийнинг «Китоб табақот ал-умам» асари босилган.

¹¹ Баъзи манбаъларда Жийлон келган.—Бу ҳақда 6-изоҳга қаранг.

¹² Матнда «ал-Мутавалли», одатда бу мансабдаги кишилар масжид, черков ва унга тегишли жойлар назоратчи саналган.

¹³ Ал-Муқтадир — аббосийлар хонадонидан бўлган халифа, бу киши 908 йили халифалик мансабига ўтирган.

¹⁴ Одатда Шарқ адабиётида Бағдодни шундай атайдилар. Уни «Дор ас-Салом» (Тинчлик хонадони) ҳам дейишади.

на бўлиб ажралиб чиқиб, ўз асарларида мантиқ илмининг яширин сирларини очди, ундаги қийин термин ва ибораларни осонлаштирди, одамларнинг мантиқдан фойдаланиши учун тушунарли иборалар, но-зик ишоралар қўллади, ҳатто мантиқ санъатини шарҳлаш, ўргатиш ва таҳлил қилиш ишида ал-Қиндий¹⁵ ва бошқалар йўл қўйган бепарволикларни ҳам кўрсатиб ўтган.

Абу Наср мантиқдаги беш моддани¹⁶ ўз асарларида очиқ-ойдин қилиб ифодалади ва уларни ишлатиш йўлларини тушунтириб берди. Мана шу беш модданинг ҳар бирида қиёс суврати — шаклини қандай ишлатиш кераклигини аниқлади. Мана шундай бўлгани учун унинг китоби бу фан соҳасида ғоятда етуқ, ниҳоятда (ягона) саналди.

Ундан ташқари Абу Насрнинг «Илмларни ҳосил қилиш ва унинг мақсадларини тушунтириш»¹⁷ тўғрисида қўтлуғ китоби бор. Бундай асар ёзишда ундан ҳеч ким ўзиб кетолмаган, ҳатто бу хил фикрларни унганча ҳечким айтолмаган ва етишган даражага эришолмаган; толиби илмларнинг ҳаммаси ҳам унинг бу тутган тўғри йўлидан фойдаланмай қолмаган».

Мана шу хабар билан Ибн Соид сўзи тугайди. Сўнгра бу киши Форобий таълифлари ва улардаги мақсадларга тўхтаб ўтади.

Абу Наср Бағдоддаги чоғларида мантиқни чуқурроқ ўрганишга муккасидан кетади ва уни яхшилаб, тубдан эгаллайди. Натижада у бу соҳаларда етуқ олим бўлиб етишади, ҳатто ўз замони аҳли орасида тенги йўқ даражага етишди. Худди мана шу ерда Абу Наср ўзининг кўпчилик асарларини ёзади. Кейин уердан Дамашқ томонга сафар қилади. У ерда ҳам кўп турмай, Мисрга йўл олади.

Абу Наср «Сиёсат ал-мадания» («Шаҳарлар устида сиёсат юргизиш»)¹⁸ деб аталган китобида эслашича, у бу китобни ёзишни Бағдодда бошлаган, Мисрда эса уни тугатиб, мукамал ҳолга келтирган. Кейин яна Дамашққа қайтиб келган ва шу ерда туриб қолган. Уша пайтларда амир Сайфуддавла ибн Ҳамдон¹⁹ Абу Насрга яхши муносабатда бўлган экан.

¹⁵ Абу Юсуф Якуб ал-Қиндий (вафоти 873) — ўрта асрнинг йирик файласуфи, жўда кўп фалсафий асарлар муаллифи.

¹⁶ Бу ерда мантиқдаги хитоба (риторика), қиёс (силлогизм), бурҳон (исботлаш), жадал (мунозара), ибора (талқин қилиш) ҳақида гап борса керак. Чунки Форобий шу мавзуларнинг ҳар бирига бағишланган алоҳида асарлар ёзган эди. Бунинг бу фаннинг асарлари рўйхатидан ва Аристотельнинг ўша бобдаги асарларига ёзган шарҳларидан ҳам билса бўлади.

¹⁷ Ибн Халликоннинг арабча матнида «Фи ихсоъ ал-улум ва ат-таъриф» келган. Аслида эса Форобийнинг «Ихсоъ ал-улум» деган асари машҳур. Бу асарнинг русчадан ўзбекчага Форобийшунос М. М. Хайруллаев қилган таржимаси 1963 йили босилиб чиққан. (Қаранг: М. М. Хайруллаев. Форобий ва унинг фалсафий рисоалари. ЎзССР Фан, Тошкент, 1963, 233—241-бетлар). Ибн Халликонда бу китоб номининг (бошқачароқ) узунироқ келиши, эҳтимол, бу ерда муаллиф Форобий асарининг номини эмас, балки унинг нима тўғрисида битилган — мавзунини бермоқчи бўлган бўлса керак. М. М. Хайруллаев эса ўзининг бу борада қимматли бўлган «Форобий ва унинг фалсафий рисоалари» (Тошкент, 1963) китоби сўнггида Форобийнинг 119 та асарлари рўйхатини келтирган. Шунда 32 рақам «Китоб фи ихсоъ ал-улум ва ат-таъриф» (Илмларнинг классификацияси ва таърифи ҳақида китоб) деб келган (119-бет).

¹⁸ Форобийнинг бу китоби номи аслида «ас-Сиёсат ал-мадания»; баъзида «Китоб ас-сиёса» ёки шундай «ас-Сиёса» деб юритилади. Илмий адабиётда «Китоб ас-сиёсат ал-мадания» номи билан ҳам учрайди. Бу китобнинг 1964 йил Байрут нашрида у: Китоб ас-сиёсат ал-мадания ал-мулаққаб би мабди ал-мавжудот («Мавжудотнинг бошланиши деб номланган шаҳарлар устидан юргизилмаган сиёсат китоби») деб номланган.

¹⁹ Сайфуддавла ибн Ҳамдон (916—964) Ҳалаб амири. Е. Э. Бертельс бу йилларни 915—967 деб келтирди. У адиб ва олимларга ҳомийлик қилиши билан шухрат тошган. Манбаъларда уни Ҳалаб амири деб кўрсатади. Ибн Халликон эса Дамашқ амири деб кетади. Бошқа манбаъларда Шом амири деб келтирилган. Аслида Да-

Абу Наср Дамашққа келгач, Сайфуддавланинг ҳузурига киради. Шунда амир одагига кўра теварагига олиму фозилларни тўплаб, суҳбатлашиб ўтирган экан. Абу Наср амир даргоҳига кириб келганида у ўзининг турк кийимида бўлади.²⁰ одати бўйича у нуқул эғнида ўз кийими билан юрар эди. У аста-секин юриб келдида, амир рўпарасида типпатик туриб қолади. Шунда амир Сайфуддавла унга қараб:

— Утир!— дейди.

Абу Наср унга қараб:

— Қайси жойга, ўз даражамга қарабми ё сенинг ўрнинггами?— дейди.

— Уз даражангга қараб ўтир,— дейди Сайфуддавла.

У дадил юриб, ўтирган одамлар ўртасини ёриб, тўғри тўрга қараб равона бўлади, кейин Сайфуддавла ўтирган курси олдида тўхтади. Ҳатто амирни ўтирган жойидан сал нарига суриб ҳам юборади.

Одатда Сайфуддавланинг ён-верисида доимо мамлук — хизматкорлари бўлгучи эди. Амир бўлса кўпчилик одамлар олдида гапириб бўлмайдиган бекиткичи гапларини ўзи ва ўша хизматкорлари биладиган махсус тилда гаплашувчи эди. Бу тилни эса улардан бошқа ҳеч ким билмас эди. Шунда амир ўша тилда ўз одамларига қараб:

— Бу бир беодоб чолга ўхшайди, мен ундан баъзи нарсаларни сўрайман, уларга тўғри жавоб беролмаса, уни бир адабини бериб қўясизлар,— дейди.

Амир шундай деган заҳоти Абу Наср ўша тилда унга қараб:

— Э амир, бироз сабр қил,— деди,— чунки, ҳар бир ишнинг оқибагига қараб ҳукм чиқарилади.

Абу Насрнинг бу гапидан Сайфуддавла даҳшатга тушади, кейин унга:

— Бу тилни биласанми?— дейди.

Абу Наср унга жавобан:

— Ҳа,— дейди,— мен етмишдан ортиқ тил биламан.

Абу Наср шу гапини айтиши билан амир унга бошқача қаради ва унинг назарида унинг обрўси ошиб кетди. Кейин амир йиғинда ҳозир бўлган олимлар билан ҳар хил фанлардан гаплашиб кетди. Шунда нуқул Абу Наср гаплари устун чиқиб, бошқа олимлар гапи паст келарди, ҳатто бора-бора йиғилганларнинг ҳаммаси ҳам суҳбатга аралашолмай, жим қоладилар, унда фақат Абу Насрнинг ўзигина суҳбатни давом эттирар эди. Шунда Абу Наср нима деган бўлса, мажлисдагилар уни ёзиб олардилар. Кейин Сайфуддавла йиғилганларнинг ҳаммасини жўнатиб юбориб, якка Абу Наср билан суҳбатлашиб қолди. Кейин амир файласуфга қараб:

машқни адабиёт ва халқ орасида Шом деб юритишади, марказий шаҳар номи билан ўлка номи ҳам аталшини, хусусан, араб ўлкаларида машҳур. Чунончи Жазоир, Тунис каби. Шу сабабдан Шом мамлакати деганда Дамашқ ҳам, ўрта асрларда ўз қалъаси билан марказга айланган Ҳалаб ҳам Шом юритилган бўлиши мумкин. Форобий Суриянинг Дамашқ шаҳарида яшаганими ё Ҳалабда яшаганими — бу ҳали аниқланмаган. Лекин унинг кўмилиши ҳақида пастроқда келтириладиган Ибн Халликон гапи эса Дамашққа тўғри келади. Чунки у кўмилди деб кўрсатилган «Бол ас-саир» ҳозир ҳам мавжуд Дамашқ чеккасидаги қабристон номи.

Е. Э. Бертельс, Форобий шу даражада шўҳрат қозониб кетдики, ҳатто ўша давр фан-маданият ҳомийси Сайфуддавла уни ўз ҳузурига таклиф қилди, деб кўрсатади. Бунда домла Е. Э. Бертельс асосланадиган бирор манбаъни назарда тутиб шундай деганими ё Форобийнинг ўзи Шом ўлкасига бориб қолиб, Сайфуддавла томонидан ҳурмат ва иззатга сазовор бўлганидан шундай деганими — буни билолмадик. (Қаранг: Е. Э. Бертельс. История персидско-таджикской литературы, М., 1960, стр. 111—112).

²⁰ Форобийнинг ҳамма ерда ҳам ўз кийимида юриши кўпчилик манбаъларда зикр қилинади.

— Бирор нарса ейишга қалайсан?— дейди.

Абу Наср унга:

— Ҳеч нарса емайман,— дейди.

— Бирор нарса ичишгачи?— дейди амир.

— Йўқ,— дейди Абу Наср.

— Бўлмаса, бирор ширин куй эшитишга рағбатинг борми?— дейди амир.

— Ҳа, бор,— дейди Абу Наср.

Сайфуддавла анвон куй ва нағма чаладиганларни чақириб келишни буюрди.

Шу билан бу санъатда моҳир бўлган барча ажойиб машшоқлари ашулачи қизлар олиб келинди. Чорланган машшоқларнинг қайси бири бир куй чалса, Абу Наср дарҳол унга, сен фалон жойда пистон хатога йўл қўйдинг, деб унинг камчилигини кўрсатиб турарди. Буни кўрган Сайфуддавла Абу Насрдан:

— Бу санъатдан унча-мунча хабаринг борми, дейман,— деб сўради.

— Ҳа,— деди Абу Наср, у шундай дедию белига тугилган тўрвасини олди, кейин уни очиб, ичидан бир неча чўп олди, уларни бир-бирига улади, сўнг уни чалган эди, бундан даврада ўтирганларнинг ҳаммаси ўзини тутолмай кулишга мубтало бўлди. Кейин у ўша музика асбоби чўпларини бошқача қилиб бириктириб чалган эди, йиғилганларнинг ҳаммаси пиқ-пиқ йиғлашга тушди. Сўнгра у ўша чўпларини ўзгартириб, асбоби бошқача тартибга келтирди ва уни ўзгача қилиб чалган эди, йиғилганларнинг ҳаммаси то дарвозабонигача пишиллаб ухлаб қолишди.

Абу Наср бўлса фурсатдан фойдаланиб, ҳаммасини ухлатганича, саройдан чиқиб кетди.

Айтишларига қараганда, «Қонун»²¹ деган музика асбобини тузган ва биринчи бор ихтиро қилган ҳам шу Абу Наср бўлган экан. У киши доимо якка ўзи ўтирар экан. Бир қанча вақт у Дамашқда яшади. Кўпинча у серсув жойлар, боғ-роғли кўкаламзор, баҳаво ерларда бўлар экан, ўшандай жойларда ўтириб олиб китоб таълиф қилар экан.

Абу Наср олдига доимо навбатма-навбат илм аҳли келиб турар, у ёзган асарлар аксари парча-парча бўлар экан. У ҳечмаҳал ўз таърифларини катта дафтарларга ёзмас, ёзса ҳам бундай ҳол камдан-кам юз берар экан. Шунинг учун ҳам унинг кўпчилик асарлари маълум фасллардан ва таълиқлардан иборат бўлиб қолган. Шу сабабдан бу асарларнинг баъзилари чочилган ҳолда — бошлангану тугалланмай қолиб кетган.

Абу Насрнинг ўзи дунёпараст одам бўлмаган, у на тирикчиликка ва на уй-жой қилишга эътибор берган. Сайфуддавла унга ҳар кунига хазинадан тўрт дирҳам ажратиб қўйди. Абу Наср қаноатли одам бўлгани учун шу билан kifояланарди. Унинг ҳаёти шу тариқа довом этиб, ниҳоят уч юз ўттиз тўққизинчи²² йили Дамашқда вафот этди. Унинг жанозасига Сайфуддавла ва унинг тўрт яқин амалдорлари ҳозир бўлдilar.²³ Шунда у саксон ёшга яқинлашган эди. Худо раҳмат қилгур,

²¹ Қонун (чанг) — Форобий таржиман ҳолига онд кўп китобларда унинг «Қонун» деган музика асбоби ихтиро қилганини сўзлайдилар.

²² 339 ҳижрий йили 950 милодий бўлади. Ҳозирги барча манбаъларда Форобий вафоти мана шу сана деб олинган. Бу тўғрида қўшимча маълумот олмоқчи бўлганлар М. М. Хайруллаевнинг 1963 йили «Фан» нашриётида босилган «Форобий» китобига мурожаат қилсин.

²³ Иби Абу Усайбанинг «Уюн ал-анбо фи табақот ал-атиббо» (Табиблар дарражаси ҳақида хабарлар булоғи) китобида Форобий вафоти вақтида амир Сайфуддавла ўн беш нафар яқин амалдорлари билан кўмиш маросимига қатнашган, дейилган. Бу асарнинг 1957 йилги Байрут нашри, III қисм, 224-бет.

Дамашқ чеккасидаги «Боб ас — сағир»²⁴ (Кичик дарвоза)нинг ташқарисига кўмилди. Магто ибн Юнус эса Бағдодда, ар-Розий²⁵ халифалиги даврида вафот этди.

Ибн Соид ал-Қуртубий ўзининг — Табақот ал-атиббо»²⁶ (Табиблар даражаси китобида — (Форобийнинг вафоти ва кўмилишини) шундай деб айтган.

Мен бир мажмуада Форобийга нисбат берилган бир неча байтларни учратдим. Уша байтлар мана шулар:²⁷

Узоқ юр бўлса ботил, сўзи ёлгон,
Ҳақиқат тарқатиб кет, бўлса имкон.
Бўлмади дунё биз учун абад уй,
Бас келмайин ўлимга ҳеч бир инсон.
Қуррага тушган чизиқлар бизмикин?
Елса ел сал йўқ, бўлурмиз шул замон.
Шул экан ҳол, бул мухалифлик нечун!
Арзимасга бир-бири бирла ҳамон.
Жондин ажралганлик авломасмикин,
Айламақдин бунчалик тўс-тўполон?!

Бу байтларни «ал-Харида» китобида Шайх Муҳаммад ибн Абдулмалик ал-Форобий ал-Бағдодий ал-Дорга тегишли деган гапни ҳам кўрганман. Уша «ал-Харида» китобининг муаллифи ал-Имоднинг²⁸ айтишига қараганда, бу киши беш юз олтмиш биринчи йили ражаб ойининг ўн саккизида жумъа кунин²⁹ ал-Бағдодий билан бирга ўтиришган экан. Бу учрашувдан бир неча йил ўтгач, у киши вафот этган.

Форобийни бу даража ҳурматлаб амирнинг тўрт амалдорлари билан кўмишга келиши баъзан бу ҳақдаги адабиётда, файласуфни кўмадиган ҳечким бўлмаган, уни фақат тўрт кишигина кўмган, деган мулоҳазага олиб келган. Чунки бу каби китобларда амир тўрт ё ўн беш нафар амалдорлари билан жанозада ҳозир бўлди, деган гаплар битилган эди. Бу гап юқоридаги мулоҳазага келтирган бўлиши ҳам мумкин.

²⁴ Боб ас-сағир — ҳозир ҳам Дамашқ четидаги энг эски қабристон номи.

²⁵ Ар-Розий — Аббосийлар хонадонидан 934 йили тахта ўтирган халифа.

²⁶ Юқорида Ибн Халлиқон бу муаллиф асарини «Табақот ал-уламо» деб келтирган эди. Бу ерда эса «Табақот ал-атиббо» деб келтирган. Балки ал-Қуртубийнинг ҳам олимларга бағишланган — бу бизда олдин келган асар номи ва табиблар таржимаи ҳолига бағишланган — бу асар номи шу ерда келган — китоби бўлгандир. Лекин негадир ўн беш жилдлик араб энциклопедиясининг муаллифи Умар Ризо Қаҳҳола ўзининг «Муъжам ал-муаллифийн» (Муаллифлар қомуси)да юқорида зикр этганимиз «Олимлар даражасини билдиришда таништирув китобини келтирган, холос. (Уша асарнинг тўртинчи жилдига қаранг, Дамашқ, 1958, 219-бет).

²⁷ Бу шеър бошқа манбаълар, ҳам келтирилган, лекин уларда Ибн Халлиқон берган шеърга оид гаплар йўқ. Биргина Ибн Абу Усайбда «ал-Форобий шеър ҳам ёзар эди, дейилган гап бор. (Қаранг: Уюн ал-анбо, Миср, 1882, II жузъ, 136-бет).

Шеърнинг бешинчи мисрасида матнда «Қуррага тушган чизик», дейилган, тушиниши ўнғайроқ, бўлиши учун саҳродаги қумларга тушган чизик деб тушинса бўлади.

²⁸ Умар Ризо Қаҳҳола «Муъжам ал-Муаллифийн» (II жузъ, Дамашқ, 1960, 204—205-бетлар)да берган хабарига кўра бу кишининг тўла номи Муҳаммад Ибн Муҳаммад ибн Ҳомид ибн Муҳаммад ибн Абдуллоҳ ибн Маҳмуд ибн Ҳиббатulloҳ, бўлиб, Имод ал-Котиб ал-Исфохоний номи билан машҳур. Бу киши 1201—1225 йиллар орасида яшади, деб беради. Тарихчи, шоир, шарқшунос, Исфохонда туғилиб ўсган, Бағдодда яшаган, кейин Дамашқда, яшайди. Унинг ўн жилдлик «Харидат ас-қаср ва жаридат аҳл-ал-аср» («Қаср гавҳари аср аҳлининг газетаси») асари бўлган. Унинг 4 жилдлик Шеърини девони, кўп жилдлик мактублари, икки жилдлик «ал-фатҳ, ал-қасъ фи-л-фатҳ ал-қудси» («Қуддусни босиб олишда даҳшатли уруш») кейин унинг етти жилдлик «ал-Барқ аш-Шофий», («Шофий қақмоғи») асари бўлган.

Удан ташқари, Дамашқ академиясида бостирилган китоблар рўйхатида бу кишининг уч жилдлик шу китоби нашр этилганини кўрдим, уни 1955, 1959, 1963 йилларда Шукрий Файсал нашр қилган экан. Лекин бу китобни мутолаа қилишга мўъясар бўлмадик.

²⁹ Матнда 561 йил 18 ражаб жумъа кунин — бу 1165 милодий йили 20-май жумъа кунига тўғри келади.

Тархон³⁰ ва Авзалаф³¹ турк номлари бўлиб, Форобий — бу кишининг тахаллусидир. Бу тахаллус эса ўша Фороб³² деган жойга нисбатан айтилган. Бу жойни ҳозир³³ Утрор деб аташади. Бу ном кўпроқ ишлатилади. Бу шаҳар Шош (Тошкент)дан юқорида. Балосоғун³⁴ шаҳарига яқиндир. Бу ўлка аҳолисининг ҳаммаси ҳам Имом Шофий мазҳабида³⁵. Балосоғун турк диёрининг улкан пойтахтларидан бири саналган. Унга ҳатто «Ички Фороб» ҳам дейишган. Уларда «Ташқи Фороб» ҳам бўлган.

Бу жой форс³⁶ ўлкаларининг чеккаларидадир. Балосоғун турк ерларининг чегарасида, Қошғарга яқин жойда, юқорида зикр қилинган Сайхун³⁷ дарёсининг нариги томонида жойлашган. Қошғар эса Чин томонидаги катта шаҳардир.

Бундан тўғриси ҳудонинг ўзи биледи³⁸.

А. Ирисов

ИБН ХАЛЛИКОН О ФАРАБИ

В данной статье, посвященной 1100-летию со дня рождения выдающегося мыслителя средневекового Востока Абу Насра Фараби, приводятся интересные сведения о Фараби, сообщаемые известным историком и библиографом восточного средневековья Ибн Халликоном (1211—1282).

³⁰ Матида араб графикаси ва ўқувчиларига мўлжаллаб бу ва ундан кейин келадиган исмларни қандай ўқилиши ҳақидаги тафсилотлар туширилиб қолдирилди. Чунки араб графикасида қисқа унлилар ёзилмагани учун чет сўзларни қандай талаффуз қилиш кераклиги ёзилади, чунончи, «тархон» сўзида «ти дан кейин «а», «р»дан кейин сукун-тўхташ, «х» дан кейин «о», «н» дан кейин сукун қўйилиши каби.

³¹ Бу ном Е. Э. Бертельсада «Ўзлаг» (юқорида асарнинг 111-бетига қаранг). М. М. Хайруллаевда «Ўзлуг» берилган (М. М. Хайруллаев, юқорида келтирилган асар, 35-бет). «Ислом энциклопедияси» (туркча наشري, Истанбул, 4-жилд, 1964 й., 451-бет)да эса «Ўзлуг» келган.

³² Фороб — Тошкентдан шимолга ғарбда, Арис сувининг Сирдарёга қўйилиш жойида, дарёнинг ўнг соҳилидаги шаҳар.

³³ Бу ибора билан бу асар муаллифи Ибн Халликон яшаган давр XIII асрни айтмоқчи.

³⁴ Балосоғун — Қирғизистонда, ҳозирги Тўқмоқ ёнидаги X—XI асрдаги машҳур шаҳар. Мўғуллар босиб олгандан сўнг Губали («Яхши шаҳар») деб ном берган. (Қаранг: Ҳ. Ҳасанов. Географик номилар имлоси, Тошкент, 1962, 114-бет).

³⁵ Имом Шофий — Абу Абдуллоҳ Муҳаммад Ибн Идрис (767—820), Исломда аш-Шофий мазҳабининг асосчиси, Ғазнада туғилади, Макка, Бағдод ва Мисрда яшайди, Мисрда вафот этди.

³⁶ Араблар дастлаб араб бўлмаган мусулмонларнинг ҳаммасини ажам — форс деб келганлар. Шунинг учун уларда Ўрта Осиё аҳолисини ҳам форс деб ўйлаганлар. Бу ҳол ўрта аср араб адабиётида кўп учрайди. Шунинг натижаси ўлароқ Ибн Халликон ҳам Форобдан бериги ўлкаларни ҳам янглиш равишда форсга қўшиб қўйган.

³⁷ Сайхун — Сирдарёнинг номи, буни Ибн Халликон ўз асарида бу бобдан олдинроқ эслаган кўринади. Бу ерда шунга ишора қилинмоқда.

³⁸ Араб муаллифлари ёзган маълумотлари кейинчалик нотўғри чиқиб қолмиш эҳтимолининг олдини олиб, кўпинча шундай ибора ишлатадилар.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О РАСЧЕТНЫХ ОТНОШЕНИЯХ ПРЕДПРИЯТИИ ПРИ ПОСТАВКАХ ТОВАРОВ

XXIV съезд КПСС, намечая очередные задачи коммунистического строительства в нашей стране, особо подчеркнул необходимость дальнейшего развития всех отраслей народного хозяйства на основе совершенствования организации и методов хозяйственной деятельности социалистических предприятий, учреждений и организаций.

В Отчетном докладе ЦК съезду Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев говорил: «Высокий уровень развития народного хозяйства, достигнутый страной, имеет и еще одно важное следствие: серьезно повышаются требования к планированию, управлению, методам хозяйственной работы»¹.

Важное место в реализации народнохозяйственных планов принадлежит эффективному использованию хозрасчета, товарно-денежных отношений в условиях социалистического общества.

В Программе КПСС подчеркивается, что «в коммунистическом строительстве необходимо полностью использовать товарно-денежные отношения в соответствии с новым содержанием, присущим им в период социализма. Большую роль при этом играет применение таких инструментов развития экономики, как хозяйственный расчет, деньги, цена, себестоимость, прибыль, торговля, кредит, финансы»².

Такой подход к определению роли товарно-денежных отношений в условиях развитого социалистического общества основан на ленинских идеях о хозрасчете и его значении в строительстве социализма и коммунизма. Эти идеи нашли законодательное выражение в ряде нормативных актов, в частности в Основах гражданского законодательства СССР и союзных республик. Значительное место в них отведено регламентации расчетов между социалистическими организациями.

С переходом предприятий после сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС на новую систему планирования и экономического стимулирования совершенствование расчетов между ними обретает еще большее значение, ибо объем реализуемой продукции стал главным показателем выполнения плана.

Осуществляемые в народном хозяйстве преобразования затронули и советскую торговлю. В отличие от промышленности, в торговле преобладают не основные, а оборотные средства (в общем объеме фондов торговли они составляют более 80%)³, что, наряду с другими факторами, определяет роль и место кредитных и расчетных правоотношений в этой отрасли.

В правовой и экономической литературе неоднократно подчеркивалось, что кредит в торговле имеет особое значение как важный инструмент ее развития⁴.

Актуальность проблемы расчетов в торговле характеризуется уже тем, что около 20—30% имущественных споров, поступающих на рассмотрение арбитража, касаются расчетов за поставленную продукцию (товары) или оказанные услуги.

За последние годы осуществлен ряд мер по улучшению расчетов в экономике, включая торговлю. Развитие законодательства о расчетах идет по двум направлениям: совершенствование самого механизма расчетов и усиление имущественной ответственности за нарушение расчетной дисциплины.

В первом направлении значительно расширены источники финансирования за счет фондов экономического стимулирования и банковского кредита, а также возможности

¹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 39.

² Программа Коммунистической партии Советского Союза, М., 1974, стр. 89.

³ См.: Я. А. Куник. Кредитные и расчетные отношения в торговле, М., 1970, стр. 90.

⁴ Там же, стр. 4; Н. С. Маленин. Кредитно-расчетные правоотношения и финансовый контроль, М., 1964, стр. 3—5, и др.

предприятий в выборе форм расчетов при заключении договоров поставки⁵. В условиях новой системы хозяйствования введено кредитование организаций в более широких масштабах, причем не только на отдельные, частные цели, но и на общую потребность в заемных средствах. Это повышает роль и эффективность банковского кредита, поскольку цель его заключается в стимулировании максимальных результатов при минимальных затратах.

Важным шагом в совершенствовании законодательства о расчетах стало постановление Совета Министров СССР от 3 апреля 1967 г. «О мерах по дальнейшему улучшению кредитования и расчетов в народном хозяйстве и повышению роли кредита в стимулировании производства»⁶. В нем предусмотрено ограничение бюджетного финансирования за счет повышения роли кредита в развитии промышленности и стимулировании эффективности производства. Широкие права в кредитовании и выдаче ссуд предоставлены Госбанку СССР постановлением Совета Министров СССР от 22 августа 1973 г. «О некоторых мерах по улучшению порядка кредитования расчетов в народном хозяйстве»⁷. Благодаря этим мерам и возрастающей роли банковского кредита усиливается роль банка и в формировании расчетных отношений хозяйств.

Улучшению функционирования механизма расчетов способствовало расширение прав предприятий в выборе форм расчетов. Речь идет не только об отмене порядка принудительного установления банком тех или иных форм расчетов. Субъекты правоотношений по расчетам вправе предусмотреть любую из них в договоре, разумеемся, с соблюдением требований Положений о поставках и соответствующих инструкций Госбанка. Как отмечалось в литературе, многообразие форм безналичных расчетов позволяет в конкретных случаях приблизить момент поставки товаров к моменту оплаты по обязательству и тем самым ускорить оборачиваемость оборотных средств⁸.

Оптимизация метода регулирования расчетных отношений обусловлена большим народнохозяйственным значением своевременности расчетов между предприятиями-изготовителями и предприятиями торговли — покупателями.

Наряду с изменением порядка кредитования, расширением прав и самостоятельности социалистических организаций, усилены требования к выполнению договорных обязательств и санкции за их невыполнение, в частности за нарушение расчетной дисциплины. Это нашло свое выражение в принятом, согласно решениям сентябрьского (1965) Пленума ЦК КПСС, постановлении Совета Министров СССР от 27 октября 1967 г. «О материальной ответственности предприятий и организаций за невыполнение заданий и обязательств»⁹, а затем в Положениях о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления 1969 г. Этими Положениями, наряду с увеличением числа диспозитивных норм, регламентирующих право выбора сторонами форм расчетов, расширено применение метода рекомендаций, характерного для хозяйственного права¹⁰.

Вместе с тем повышена ответственность за несвоевременную оплату счетов, нарушение режима ответственного хранения неоплаченной продукции, необоснованный отказ от акцепта счета и другие нарушения обязательств, вытекающих из отношений по расчетам. В частности, усилено ответственности покупателя по договору за несвоевременность расчетов способствует предоставленное (п. 53 Положения о поставках продукции и п. 54 Положения о поставках товаров) поставщику право при необоснованном отказе плательщика от акцепта платежного требования (если покупатель не является плательщиком) выставить требование на инкассо покупателю. Обязанность последнего оплатить счет вытекает из ст. 38 Основ гражданского законодательства Союза ССР и союзных республик, предусматривающей возложение ответственности на сторону по договору, если исполнение обязательства, возникшего из договора, возложено в целом или частично на третье лицо, которое его надлежало не выполнять.

Применение этого принципа при поставках товаров наиболее актуально, поскольку в расчетах по договорам, заключаемым с участием оптовых баз, участвуют не менее трех организаций. Исходя из этого, например, Государственный арбитраж при Совете Министров ЛатССР выискал с поставщика по договору (оптовой базы Латхоторга) в пользу грузоотправителя стоимость неоплаченного грузополучателем (Са-

⁵ См. пп. 48 и 49 Положений о поставках продукции производственно-технического назначения и товаров народного потребления 1969 года, М., 1972.

⁶ СП СССР, 1967, № 10, стр. 56.

⁷ СП СССР, 1973, № 18, ст. 106.

⁸ См.: Н. С. Маленин. Указ. соч., стр. 54.

⁹ СП СССР, 1967, № 26, ст. 86.

¹⁰ См. «Хозяйственное право», М., 1970, стр. 21.

маркандским горпротомгором) товара, а арбитраж Министерства торговли УзССР выскрал с указанного горпротомгорга в пользу оптовой базы Латхозторга убытки, вызванные неправомерным отказом покупателя от оплаты стоимости товара, отгруженного ему в соответствии с договором. Укреплению платежной дисциплины служат и другие нормы, содержащиеся в Положениях о поставках.

Дальнейшему усилению контроля за поставкой товаров в соответствии с заказами покупателей способствует правовая норма о расчетах, содержащаяся в п. 40 Постановления Совета Министров СССР от 13 марта 1965 г. «Об улучшении торговли и общественного питания в стране»¹¹.

Второе направление развития законодательства о расчетах нашло свое выражение в увеличении размеров санкций и расширении круга оснований, по которым они взыскиваются. В этом отношении характерно упомянутое постановление Совета Министров СССР от 22 августа 1973 г., которым утверждено Положение о штрафах за нарушение правил совершения расчетных операций. Введением штрафов и установлением двойной ответственности хозяйственных организаций — перед контрагентом по договору и банком — достигается ускорение документооборота по расчетным операциям и связанное с этим обеспечение выполнения количественных и качественных показателей производственных планов. В то же время установление имущественной ответственности банка перед клиентом — владельцем счета служит выражением гражданско-правовых отношений между ними в отличие от кредитных отношений, где банк выступает в двойной роли: контролера и одновременно стороны по договору с владельцем счета. В Положении о штрафах учтено высказывавшееся в печати мнение о том, что несвоевременное оформление документов по расчетам в банке отрицательно сказывается на результатах хозяйственной деятельности предприятий и должно повлечь имущественную ответственность виновной стороны.

Госбанк, Министерство финансов и Стройбанк СССР установили порядок взыскания предусмотренных названным Положением штрафов, обеспечивающий четкое разграничение обязанностей банка и клиентов и конкретные сроки предъявления взаимных требований. Такой порядок в известной мере содействует эффективному исполнению новых средств в дальнейшем совершенствовании расчетных операций. Однако он недостаточно корреспондирует гражданскоправовому методу регулирования этих отношений. Поэтому в дальнейшем, очевидно, будет рассмотрена возможность установления арбитражного порядка разрешения споров между банком и хозорганами при применении ими Положения о штрафах в интересах более строгого соблюдения и укрепления законности в расчетах и усиления платежной дисциплины.

Совершенствование расчетных отношений продолжается и в настоящее время, о чем свидетельствуют вновь изданные нормативные акты, в частности о расчетах и кредитовании в торговле. Ряд мер по совершенствованию кредитования торговли предусмотрен в постановлении Совета Министров СССР от 25 января 1974 г. «О порядке краткосрочного кредитования Госбанком СССР государственной и кооперативной торговли»¹². Установленные в нем меры кредитного воздействия отражают дифференцированный подход при кредитовании предприятий торговли, сущность которого состоит в предоставлении преимуществ хорошо работающим и применении санкций к плохо работающим хозорганам.

Немаловажную роль в дальнейшем совершенствовании правового регулирования расчетных отношений играет утвержденное постановлением Совета Министров СССР от 17 октября 1973 г. Положение о порядке предъявления и рассмотрения претензий предприятиями, организациями и учреждениями и урегулирования разногласий по хозяйственным договорам¹³. Существовавший ранее порядок предъявления и рассмотрения претензий не регламентировался законом, а отдельные правовые нормы, регулировавшие эти отношения, в большинстве своем не были обеспечены санкциями, что отрицательно сказывалось на уровне расчетной дисциплины хозорганов.

Изучение споров организаций и предприятий торговли по расчетам показывает, что они порождаются в основном нарушениями договорной и расчетной дисциплины. Некоторые предприятия-покупатели иногда злоупотребляют предоставленным им правом отказа от акцепта при отсутствии законных оснований. Встречаются и случаи выставления поставщиками на инкассо бестоварных платежных требований и списания средств со счетов покупателей. Нарушения договорной и расчетной дисциплины отрицательно отражаются на финансовой деятельности хозяйственных организаций.

Новое Положение устанавливает обязанность хозорганов, нарушивших имущественные права и законные интересы других предприятий, организаций, учреждений, восстановить их, не ожидая предъявления претензий. Признанная претензия обретает характер исполнительного документа. Указанная норма имеет не диспозитивный, а

¹¹ СП СССР, 1965, № 6, ст. 33.

¹² СП СССР, 1973, № 3, ст. 12.

¹³ СП СССР, 1973, № 23, ст. 128.

строого императивный характер, что несомненно будет способствовать ускорению взыскания средств со счета должника и восстановлению средств кредитора. Положением предусмотрено конкретные сроки и порядок предъявления и рассмотрения претензий, а также ответственность за нарушение установленных сроков. Госарбитраж при Совете Министров СССР инструктивным письмом от 29 декабря 1973 г. дал разъяснения по применению указанного положения. Все это направлено на установление прочных законодательных гарантий хозяйственных прав предприятий и организаций.

Нам представляется, однако, что дальнейшему совершенствованию претензионной работы способствовало бы сокращение установленных Положением двухмесячных сроков предъявления, а также рассмотрения претензий о взыскании штрафных санкций за нарушения обязательств по расчетам и иные нарушения. Дело в том, что в рамках установленного законодательством шестимесячного срока исковой давности срок, остающийся для предъявления иска в арбитраж, оказывается недостаточным, что создает определенные трудности в работе организации, интересы которой нарушены. Поскольку предъявление и рассмотрение претензий в своей совокупности занимают четыре месяца, то с учетом времени, необходимого для пробега почты, на предъявление иска в арбитраж остается весьма незначительный срок. Представляется целесообразным установить по требованиям о взыскании штрафа санкций и неустоек за указанные выше нарушения обязательств такие же сроки предъявления и рассмотрения претензий, что и для претензий о возмещении стоимости недостающей продукции (товаров), а также претензий, вытекающих из поставки продукции (товаров) в некомплектном виде или ненадлежащего качества, — один месяц.

Это, на наш взгляд, будет способствовать дальнейшему совершенствованию форм и методов руководства хозяйственной деятельностью социалистических предприятий.

П. С. Маргулис

ТРУДОВОЙ ПОДВИГ КАК ФАКТОР ВОСПИТАНИЯ ЛИЧНОСТИ

На современном этапе развитого социализма одной из актуальнейших проблем советской эстетической науки выступает формирование всесторонне развитой личности в процессе эстетической деятельности, общественной практики. Особое внимание уделяется роли труда в эстетическом воспитании масс.

Известно, что марксизм-ленинизм рассматривает труд не как простое механическое взаимодействие людей в производственной практике, а как взаимодействие личностей в определенной системе общественных отношений, которые качественно влияют на это взаимодействие и на самого человека. «Отражение реальных черт личности, развивающихся в процессе истории человеческого общества, представляет собой единство общего (общенсторического) и особенного (коммунистического). Исторические изменения общественных отношений, в особенности затрагивающие самые основы жизни человека, вызывают изменения свойств личности»¹.

Социалистическое общество, свободное от эксплуатации, классового антагонизма, частной собственности, ликвидировало противоречия между трудом и его общественной значимостью, внесло коренные изменения в его характер, создало новые условия для качественного его развития. Труд при социализме обрел подлинную свободу — необходимое условие эстетического, творческого начала. Он имеет подлинно эстетическое содержание, высокую моральную и общественную ценность, служит основой формирования всесторонне развитой личности.

Рабочий класс нашей страны под руководством Коммунистической партии, приходя к власти и ликвидировав все формы социального гнета и эксплуатации, поставил и успешно решает на практике задачу формирования и воспитания нового человека, высокообразовательного и беспредельно преданного делу коммунизма, всесторонне развитого, гармонически цельного и духовно богатого. При этом наша партия, рабочий класс исходят из положения о том что «всестороннее развитие человека — историческая необходимость»², но только «общество, организованное на коммунистических началах, дает возможность своим членам всесторонне применять свои всесторонне развитые способности»³.

В процессе труда в социалистическом обществе человек развертывает свои сущностные силы, утверждает себя в объективном мире. Социалистическое общество, творчески преобразовывая действительность, вместе с тем ставит задачу и создает реальные условия для всемерного развития способностей советского человека, реализации его общечеловеческой сущности как личности.

¹ В. Тугаринов. Коммунизм и личность, Л., 1965, стр. 92.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 373.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, стр. 336.

Труд при социализме выступает «привлекательным трудом, самоосуществлением индивида»⁴. Одним из первых величайших завоеваний социалистического общества стало право на труд, закрепленное в Советской Конституции. Но право на труд — это прежде всего — право на творчество, право на участие в социалистическом строительстве, в решении государственных задач. Трудовая обязанность у нас... это прежде всего программа роста и развития личности»⁵. М. Горький в 1934 г. на первом съезде советских писателей говорил: «Социалистический труд есть творчество»⁶.

В процессе творческого труда происходит осознание человеком своей общечеловеческой сущности, постигаются и абстрагируются «законы красоты» (К. Маркс), развиваются свобода труда, коммунистическое отношение к нему. «Творчество — это деятельность, несущая в себе элементы прогрессивной новизны, проявляющаяся в создании качественно новых материальных и духовных ценностей... и в более совершенном исполнении трудовых обязанностей»⁷.

Социалистическое общество создает условия «для того полного развития индивида, которое само, в свою очередь, как величайшая производительная сила воздвигается на производительную силу труда»⁸, что ярко проявляется в процессе зарождения и развития коммунистического отношения к труду, в героическом характере труда советского человека, в свершении им замечательных трудовых подвигов.

Трудовой подвиг — это такая материальная практика человека социалистического общества, которая все более совершается «по законам красоты», носит творческий характер, имеет высокую общественную значимость, выступает подлинно эстетическим явлением, все более зримо воплощает в себе черты коммунистического отношения к труду.

«На одном из первых мест в идеологической работе, которую проводит партия, — подчеркнул на XXIV съезде КПСС Л. И. Брежнев, — стоит воспитание в советских людях нового, коммунистического отношения к труду»⁹. В решении этой задачи достигнуты значительные результаты, о чем свидетельствуют факты массового трудового героизма.

По мере построения коммунистического общества труд в СССР по своему содержанию и сущности все более приближается к категории героического, возрастает его роль в коммунистическом строительстве, воспитании широких масс, претворении в жизнь великих идеалов коммунизма.

Люди, свершившие трудовой подвиг, поставлены в нашей стране на высшую ступень почета и уважения. Их награждают орденами и медалями Советского Союза, им присваивают почетные звания, их избирают делегатами партийных съездов, депутатами Верховных Советов СССР и союзных республик, они входят в состав правительства, выдвигаются к руководству важнейшими участками в народном хозяйстве, науке, культуре и т. д.¹⁰

Более чем полувековой путь социалистического строительства в нашей стране — это славный путь борьбы и подлинного героизма советских людей, отмеченный многочисленными фактами массового трудового героизма. Трудовые подвиги советского народа «были настоящими сражениями за социализм. И, как в каждом сражении, в них рождались... свои беззаветные герои... чьи трудовые подвиги послужили как бы мощным мотором, двинувшим вперед все дело строительства... социализма»¹¹.

Герои труда из рабочих, крестьян, нашей славной интеллигенции внесли огромный вклад в строительство социалистического общества в Узбекистане, превращение его в исключительно короткий исторический срок из бывшей отсталой царской колонии в передовую социалистическую индустриально-колхозную республику с высоко развитой культурой и растущей армией замечательных кадров, из которых выдвинулись десятки тысяч подлинных героев труда. Как подчеркнул в речи на XI Пленуме ЦК КПУз кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидов, «партия и правительство высоко ценят их трудовые подвиги. Только за годы девятой пятилетки 129 труженников Узбекистана удостоены высокого звания Героев Социалистического Труда»¹².

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 23, стр. 196.

⁵ А. С. Макаренко. Педагогические сочинения, т. 4, М.—Л., 1955, стр. 27.

⁶ М. Горький. Собрание сочинений, т. 6, М., 1958, стр. 472.

⁷ И. И. Чангли. Труд, М., 1973, стр. 101.

⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 2, стр. 102.

⁹ Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 83.

¹⁰ О высоком общественном признании героев труда говорит уже тот факт, что на XXIV съезде КПСС 549 делегатов имели высокое звание Героя Социалистического Труда (Правда, 3 апреля 1971 г.). В целом по стране звания Героя Социалистического Труда удостоено свыше 17 тыс. человек, из них более 800 — в Узбекистане (текущий архив Президиума Верховного Совета УзССР, сентябрь 1974 г.).

¹¹ Л. И. Брежнев. 50 лет великих побед социализма, М., 1967, стр. 15.

¹² Правда Востока, 12 июня 1974 г.

В трудовом подвиге проявляются лучшие черты человека как личности, он выступает как высший критерий целесообразной творческой деятельности, явление высокой общественной значимости, практика освоения мира «по законам красоты» и обладает глубокой эстетической сущностью. «Эстетической по существу должна быть названа вся практика и действительность, в которой человеческий труд рассматривается и переживается по-советски, как дело чести, доблести, подвига, труд, который есть путь для наилучшего, творческого развития всех наилучших сил человека, путь реализации его личности»¹³.

Трудовой подвиг — яркий показатель роста личности, выражение ее передового политического и нравственного сознания; это такая материальная практика, в которой кристаллизуется и получает применение богатое многообразие общественных связей и отношений человека; он все более выступает как грубое осознание советским человеком своей общественно-исторической миссии строителя коммунизма, долга перед обществом, партией и народом, ответственности за судьбы человечества. В нем находят обобщенное, концентрированное выражение потребности общественного развития, полностью совпадающие с объективными тенденциями исторического развития общества.

Трудовой подвиг выступает общественно-эстетическим идеалом труда на современном этапе его развития. Деятельность носителей трудового подвига «является необходимой составной частью универсальной деятельности общества, осуществляется с полным сознанием последней и своего отношения к ней, находит свое продолжение и дополнение в деятельности других людей»¹⁴.

Так, в Узбекистане возникло движение «турсунойчи» (по имени Героя Социалистического Труда Турсунной Ахуновой, первой из женщин севшей за штурвал хлопкоуборочной машины), имеющее высокое общественно-воспитательное значение. Почин героя увлек за собой тысячи девушек, вдохновил их на ударный труд, многие из них ныне сами удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда.

Герой Социалистического Труда Шаймардан Кудратов, открывший новые возможности использования хлопкоуборочной техники, показал образец творческого, вдохновенного труда. Решением ЦК Компартии Узбекистана утверждена школа Ш. Кудратова, где будущие водители «голубых кораблей» обучаются высокому мастерству, творческой самоотдаче, коммунистическому отношению к труду.

Именем дважды Героя Социалистического Труда Ризамата Мусамухамедова, внесшего огромный вклад в развитие социалистического сельского хозяйства республики, назван переходящий приз Министерства сельского хозяйства УзССР. Таких примеров можно привести очень много.

Трудовой подвиг имеет как общеисторическое (вклад в общественный прогресс в целом), так и коммунистическое (особый вклад в строительство коммунизма) значение. Насыщенный высоким эстетическим содержанием, он ярко демонстрирует духовную красоту советских людей, те замечательные качества, которые воспитаны в них нашей ленинской партией, нашей прекрасной социалистической действительностью и которые все полнее раскрываются в ходе героического труда советского народа, строящего коммунизм.

С. А. Алиев

¹³ М. Палевич. Сущность понятия эстетического, Известия АН Латвийской ССР, 1956, № 3, стр. 17.

¹⁴ В. Ванслоу. Всестороннее развитие личности и виды искусства, М., 1961, стр. 6.

УЗБЕКИСТОН КОЛХОЗЧИ-ДЕҶҚОНЛАРИ МАДАНИЙ-ТЕХНИКА САВИЯСИНИ ОШИРИШ

КПСС Марказий Комитети 1969 йил апрелида профессионал — техника таълими системасидаги ўқув юртлиарида малакали кадрлар тайёрлашни янада яхшилаш тўғрисидаги масалани кўриб чиқиб, махсус қарор қабул қилганди. Қарорда ҳозирги коммунист қурилиш даврида саноатда техника тараққиётининг авж олганлиги муносабати билан ҳамма соҳада ўрта маълумотли малакали кадрларга бўлган талабнинг ўсиб бораётганлиги таъкидланади, ҳунар-техника таълимини янада ривожлантириш, уни фах ва техника ютуқлари асосида, давр талаблари даражасига кўтариш, айни даврдан эътиборан ҳунар-техника мактабларида турли ихтисослар бўйича ўқитиш, ёшларга ўрта маълумот бериш имкониятларини борган сайин кенгайтира боришни алоҳида ўқидириб ўтилган.

Утган саккизинчи беш йилликнинг ўзида билим юртлирининг сонини 20 тага кўнайдилар. Шу давр ичидан республика халқ хўжалигида 172,4 минг малакали кадрлар тайёрланди ва 78 мингга қишлоқ хўжалигида ишлаш бошладилар. Бу 1961—1965 йиллар-

¹ Совет Узбекистони, 28 ноябрь, 1971.

дагига қараганда 2,1 марта кўндир. Қишлоқ хунаар-техника мактабларида 1959—1965 йилларда ҳар йили ўртача 8 миң механизатор тайёрланган бўлса, 1965—1970 йилларда ҳар йили ўртача 18 миң механизатор тайёрланди.

Фақатгина кейинги икки йил ичда Фарғона, Самарқанд, Андижон, Наманган ва Тошкент областларида янгидан ишга тушган хунаар-техника мактабларида 15 миңдан зиёд йигит-қиз ўқий бошлади. Хунаар-техника мактабларининг ўқув-техника базаси деярли ўсди. 1970 йилда 311 та ўқув устaxonалари, 577 та ўқув кабинетлари, 225 лаборатория, 34 ўқув-ҳўжалик участкаси, 1500 дан зиёд қишлоқ хўжалик машинаси, 937 трактор ва ер қазич механизмларига эга бўлдилар. Шунингдек, 40 та қишлоқ хунаар-техника мактаби ихтиёрига 8 миң гектар тажриба экин майдони берилди. Шундан 3 миң гектар майдонда пахта, 300 гектарда ғалла етиштирилди². Жумладан, Андижон областидаги 19 — хунаар-техника таълими билим юртида механизатор кадрлар тайёрлаш ишлари диққатга сазовордир. Кейинги ўн йил ичда мазкур мактабнинг ўқув-техника базаси исил кўрилмаган даражада ўсди, замонавий устaxона қурилди, ўқув кабинетлари жиҳозланди. Шунингдек, лаборатория, тажриба-ҳўжалик участкаси ва қишлоқ хўжалик техникаси талабалар ихтиёрига берилди. Бу мактаб область колхоз хўжаликлари учун малакали механизаторлар, механиклар, слесарь ва бошқа касбдаги малакали кадрлар етказишда катта ютуқларни қўлга киритди. Фақат 1970—1972 йиллар мобайнида мактабни 470 йигит-қиз тамомлаб, айни кунларда улар колхоз ва совхоз хўжаликларида меҳнат қилмоқда³.

Механизация-қишлоқ хўжалигида, айниқса, пахтачиликда тараққиёт воситаси бўлиб қолди. Пахтачиликда комплекс механизацияни амалга ошириш натижасидангина ҳосилдорлигини ошириш, кам меҳнат ва маблағ сарфлаб, арзон ҳамда сифатли маҳсулот етказиш мумкин. Оғир қўл меҳнати талаб этадиган ҳосилни йиғиб олиш кейинги йилларда машиналар зиммасига юклатилган. Шунингдек, лаборатория, тажриба, Андижон, Наманган областларининг колхозларида 1970 йилда ҳар бир центнер пахта етиштиришга қилинган меҳнат 1965 йилдагига нисбатан бирмунча юқори бўлди. Республика қишлоқ хўжалигида техника борган сайин кўпаяётган бўлсада, аммо, унда айрим хўжаликларда унумли фойдаланилмаётир. Натижада 1965—1970 йилларда пахтачиликда меҳнат унумдорлиги 1961—1965 йилларга нисбатан 12 процентгина ўсди, холос⁴.

КГСС XXIV съезди пахтачилигини янада рисоёлантириш вазифаларини белгилаб берди. Съезд қарорларидан руҳланган Ўзбекистон пахтакорлари 1975 йилда 5 миллион тонналик пахта хирмони кўтаришга аҳд қилдилар. Маълумки, бу ниҳоятда улкан пахта хирмонини қўл кучи билан кўтариш сира мумкин эмасди. Фақат улкан техникага таяниш, механизация билан химия ва мелиорацияни кенг жорий этиш, колхозчи-деҳқонларнинг профессионал-техника савиясини тинмай ошириш, минглаб механизатор кадрлар тайёрлаш бу вазифани шараф билан бажариш имконини беради. Шунинг назарда тутган Ўзбекистон Компартияси Марказий Комитети ва Республика Министрлар Совети 1972 йил январида «Пахтачиликда техника тараққиётини янада ривожлантириш тадбирлари тўғрисида» махсус қарор қабул қилди.

Мазкур қарорда пахтачиликда техника тараққиёти асосида комплекс механизацияни амалга ошириб, ҳар бир центнер пахта етиштиришга сарфланадиган харажатларни республика бўйича 1970 йилдаги 34,95 одам-соат ўрнига, 1972 йилда 31 ва 1975 йилда 25,9 одам — соатига камайитириш вазифаси қўйилди. Бу ишни шараф билан амалга ошириш учун фау ва техника ютуқларини ишлаб чиқаришга кенг жорий этиш, меҳнатни илмий асосда ташкил этиш, техникадан унумли фойдаланиш ва пахтачиликда комплекс механизацияга эришиш зарурлиги кўрсатиб берилди. Шунингдек, қарорда «Ўзбекистон ССР Министрлар Советининг Хунаар-техника давлат комитети билан биргаликда механизатор кадрларни ўқитишнинг ҳажминини кескин кенгайтириш ва таълим сифатини ошириш» вазифаси⁵ қўйилди.

Тўхтовсиз ривожланиб, юксалиб бораётган социалистик қишлоқ хўжалигини оғил, ишнинг кўзини биладиган, ҳар томонлама етуқ мутахассис кадрлар билан борган сайин мустақамлаб бориш ҳарқачонгидан ҳам долзарб масала бўлиб келмоқда. Шу билан 1973 йили июль ойида бўлиб ўтган СССР Олий Советининг VI сессиясида «СССРда халқ маорифининг аҳоли ҳамда умумий-ўрта, хунаар-техника, ўрта махсус ва олий таълимни янада такомиллаштириш тадбирлари тўғрисида»ги масаланинг кенг ва атрафлича муҳокама қилиниши юқоридаги вазифаларнинг амалга оширилишига йўлланма эди.

Сессияда умумий-ўрта, ўрта махсус ва олий таълим билан бир қаторда маданий техника савияси юксак бўлган мутахассис кадрлар етиштиришнинг асосий ўчоги бўл-

² В. Иванов, А. Исмонлов. Профессионал техника таълими ҳақида, Тошкент, 1970, 8-бет.

³ 19-сон хунаар-техника мактабнинг жорий архиви. 1970—1973 й. ҳужжатлари.

⁴ Совет Ўзбекистони, 8 январь, 1971.

⁵ Совет Ўзбекистони, 8 март, 1971.

ган ҳунар-техника таълимини янада ривожлантириш вазифаси қўйилар экан: «Ешларга малакали ихтисос ва тугал ўрта маълумот берадиган ҳунар-техника билим юрларини ҳар томонлама кенгайтириш ҳунар-техника таълимини ривожлантиришини бош йўли⁶ эканлиги таъкидланади.

Иттифоқ миқёсида ҳунар-техника билим юрлари тўққизинчи беш йилликнинг икки йили ичида 3,5 миллиондан зиёд малакали ишчи кадрлар етказиб берди. Мамлакатдаги 5700 ҳунар-техника мактабларида ҳозир 2,6 миллиондан зиёд йигит-қиз 1100 хил ҳунарни ўрганмоқда⁷.

Ўзбекистон қишлоқ хўжалиги тўққизинчи беш йилликда саноат корхоналари, қурилиш объектлари кадрларга ҳар қачонгидан ҳам кўпроқ эҳтиёж сезмоқдалар.

Бу эҳтиёжни қондириш мақсадида 1971—1975 йиллар ичида 25 минг ўқувчига мўлжалланган 44 та янги ҳунар-техника билим юрти қурилиб, ишга туширилади. 1975 йилга бориб уларнинг сони 170 га, ўқувчиларининг сони эса 66,480 кишига етади. Тўққизинчи беш йилликда жами 210,4 минг мутахассис тайёрлашдек улкан вазифа адо этилади⁸.

Хулоса қилиб айтганда, пахтачиликда техника тараққиётини янада ривожлантириш, комплекс механизацияни амалга ошириш, агротехника қондаларига тўла рию қилиш асосан кадрларга, механизаторларнинг билимига, меҳнат малакасига ва кенг колхозчилар оммасининг профессионал-техника савиясига боғлиқдир. Уларнинг билими, малакаси қанчалик юқори бўлса, иш унуми шунча тез ўсиши энди равшан.

Қишлоққа кўлаб машина-тракторлар етказиб бериш билан бирга малакали кадрлар тайёрлаб бериш жуда зарур ва керакли ишдир. Янги машиналарни ишла-табналадиган малакали кадрлар тайёрлаш энг аввало колхоз хўжаликлари ва раҳбар ташкилотларнинг гамхўрлиги ҳамда ҳунар-техника мактаблари ўқитувчи ва мастерларининг шарафли бурчларидир.

«Биз,— деб таъкидлаган эди Л. И. Брежнев КПСС XXIV съездидаги доклада,— ўрта маълумот даражасида билим берадиган ҳунар-техника билим юрларини янада ривожлантиришни (умумий таълим мактабларининг етакчилик ролини сақлаб қолган ҳолда) умумий ўрта таълимини амалга оширишининг энг перспектив йўллари-дан бири деб ҳисоблаймиз»⁹.

С. Вохидова

⁶ Совет Ўзбекистони, 18 июль, 1973.

⁷ Уша газета.

⁸ Еш ленинчи, 24 март, 1971.

⁹ КПСС XXIV съездининг материаллари, Т., 1971 й., 96-бет.

О ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА В СИСТЕМЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ УЗБЕКИСТАНА В ГОДЫ ВОСЬМОЙ ПЯТИЛЕТКИ

XXIII съезд КПСС, определив основные задачи дальнейшего развития народного хозяйства страны на 1966—1970 гг., наметил также пути расширения и улучшения подготовки кадров специалистов различного профиля для сельскохозяйственного производства.

В Отчетном докладе ЦК съезду указывалось, что без постоянного насыщения сельского хозяйства техникой, улучшения подготовки механизаторов широкого профиля невозможно добиться крутого подъема сельскохозяйственного производства. По технической вооруженности наше сельское хозяйство все более приближается к уровню технической оснащенности промышленного производства. В этой связи в сельском хозяйстве значительно возрастает потребность в высококвалифицированных кадрах, способных управлять сложной техникой. В условиях бурного развития научно-технического прогресса «усиливается потребность общества в работниках образованных, высококвалифицированных, творчески относящихся к делу»¹.

Важным источником пополнения различных отраслей сельского хозяйства квалифицированными кадрами служит система профессионально-технического образования, деятельность которой в рассматриваемый период благодаря повседневной заботе партии и правительства значительно улучшилась.

Перед СПТУ была поставлена ответственная задача — готовить механизаторов широкого профиля и квалифицированных рабочих, обладающих глубокими знаниями, высоким культурно-техническим уровнем, отлично владеющих своей профессией.

¹ Директивы XXIII съезда КПСС по восьмому пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг., М., 1966, стр. 76.

Плодотворная работа по расширению подготовки квалифицированных кадров для сельского хозяйства велась в восьмой пятилетке и в Узбекистане. В системе профтехобразования республики готовились трактористы-машинисты широкого профиля, механизаторы животноводческих ферм с квалификацией электромонтера, механизаторы мелноративных и ирригационных работ, электромонтеры для сети сельской электрификации и связи, слесари по ремонту тракторов, автомобилей и сельхозмашин².

Из года в год улучшалась подготовка механизаторских кадров в СПТУ, чему во многом способствовали решения октябрьского (1968) Пленума ЦК КПСС, обзаведшего партийные, советские и сельскохозяйственные органы уделить больше внимания подготовке специалистов сельского хозяйства в высших и средних специальных учебных заведениях, повышению квалификации руководителей колхозов и совхозов, их закреплению, улучшению подготовки и переподготовки кадров массовых профессий, особенно механизаторов.

Следуя этим указаниям, Компартия Узбекистана усилила внимание к вопросам дальнейшего улучшения подготовки механизаторских и других производственных кадров для сельского хозяйства через СПТУ. В этих целях были открыты новые учебные заведения различного профиля, улучшилась их обеспеченность необходимой техникой, учебными пособиями, кабинетами, лабораториями и др. Если в начале восьмой пятилетки в республике функционировало 37 сельских профтехучилищ и они направили в сельское хозяйство УзССР 10 401 механизатора, то к 1970 г. их число возросло до 40 и они подготовили 18 890 специалистов.

Наряду с количественным ростом улучшалось и качество подготовки кадров сельского хозяйства. Этому во многом способствовало укрепление учебно-материальной базы училищ. Так, если в 1966 г. в СПТУ УзССР работало 240 учебных кабинетов, 142 лаборатории, 42 слесарные мастерские, 36 экранизированных кабинетов, то к концу 1970 г. в них работали 372 учебных кабинета для теоретических занятий (из них 65 экранизированных), 2352 лабораторных кабинета, 53 слесарные мастерские. За 1966—1970 г. сельские профтехучилища через книготорговые организации получили 68 250 учебников более 80 наименований, 2406 комплектов учебных плакатов, 15 тыс. экз. разл. техникой литературы и справочников³.

Уже в 1966 г. училища республики располагали 667 тракторами, 163 хлопкоуборочными, 176 землеройными и 1208 машинами других видов, а к концу пятилетки их количество выросло еще более. Если общая земельная площадь этих учебных хозяйств в 1966 г. составляла 2303 га, в том числе 1654 га пашни, 37,5 га садов, 10 га виноградников, то в 1970 г.—1426,8 га, в том числе под хлопчатником — 992 га, зерновыми — 190 га, рисом — 20 га, бахчевыми — 15 га, садами — 30 га⁴.

На этих участках учащиеся овладевали современной техникой, методами работы передовиков производства, знатных механизаторов, хлопкоробов и т. д.

Непрерывно совершенствовались формы и методы ведения теоретических занятий, преподавания общеобразовательных дисциплин. Важным фактором, обеспечивающим повышение качества подготовки механизаторских кадров, служит рост педагогического мастерства преподавательского состава. Так, в 1966 г. в училищах работало 945 преподавателей, из них 200 — с высшим образованием и 531 — со средним специальным, а в 1970 г. из 1356 преподавателей более 300 имели высшее и 576 среднее специальное образование. Придавая важное значение укреплению связи теории с практикой, преподаватели СПТУ уделяли большое внимание поискам новых, эффективных форм и методов подготовки и воспитания рабочих кадров.

Многие мастера производственного обучения достигли существенных успехов в своей работе. Лучшие из них, как Т. Исаналиев (СПТУ № 6 Ферганской области), И. Зияев (СПТУ № 19 Андижанской области) и другие, широко использовали в занятиях технические средства, различные наглядные пособия, кино⁵.

В рассматриваемый период значительно улучшилась постановка всей учебно-воспитательной работы в СПТУ. О повышении качества подготовки кадров для сельского хозяйства свидетельствуют, в частности, итоги выпускных экзаменов. Если в 1965 г. сдали экзамены 99,5% учащихся, допущенных к сдаче, то в 1966 г.—99,7%. В 1970 г. процент успеваемости остался прежним, но из 18 890 учащихся 74,8% получили оценки «5» и «4», тогда как в 1966 г.— лишь 40,3%⁶.

В СПТУ велась также большая политико-воспитательная работа, формы которой весьма разнообразны. Это лекции, беседы, вечера, встречи с ветеранами партии, первыми комсомольцами, выпускниками СПТУ, новаторами сельского хозяйства, Ге-

² Текущий архив Госкомитета по профтехобразованию при Совете Министров УзССР.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же.

роями Социалистического Труда, писателями и поэтами, тематические вечера, читательские конференции, фестивали документальных и художественных фильмов и т. д.

Существенного подъема достигла политико-воспитательная работа в училищах в 1970 г., в связи с празднованием Ленинского юбилея. Органической составной частью всей учебно-воспитательной работы в училищах стали воспитание учащихся на примерах жизни и деятельности В. И. Ленина, на революционных, боевых и трудовых традициях КПСС и советского народа, формирование у будущих специалистов сельского хозяйства замечательных черт советского патриотизма и социалистического интернационализма, коммунистического отношения к труду и коммунистической морали. Профессиоанально-технические училища — подлинная кузница квалифицированных кадров для сельского хозяйства. Многие воспитанники их стали новаторами, рационализаторами, передовиками, производством, опытными руководящими работниками. всей стране известно имя Героя Социалистического Труда Турсуной Ахуновой — первой женщины-узбечки, севшей за штурвал хлопкоуборочной машины. Прочные знания, любовь к нелегкому, но почетному труду хлопкороба ей привили в училище профтехобразования. Среди выпускников СПТУ заслуженной известностью пользуются Герои Социалистического Труда У. Хасанова, Э. Инамова, Любовь Ли, К. Кенжаев и многие другие. С них берут пример все новые поколения питомцев СПТУ.

В целом за годы восьмой пятилетки сельскими профтехучилищами УзССР подготовлено 72 962 механизатора. Однако потребность сельского хозяйства в квалифицированных кадрах неуклонно растет. Исходя из этого, XXIV съезд КПСС подчеркнул, что дальнейшее развитие и расширение сети СПТУ, всемерное совершенствование их деятельности — одна из важнейших задач партийных, советских, профсоюзных, комсомольских организаций. Директивами съезда предусматривалось увеличить подготовку квалифицированных рабочих в профессионально-технических учебных заведениях, особенно в сельской местности, с тем, чтобы молодежь, как правило, получала специальность до поступления на работу⁷.

Претворяя в жизнь решения XXIV съезда КПСС, ЦК КПУз и Совет Министров УзССР осуществили ряд действенных мер по улучшению подготовки кадров в системе профессионально-технического образования. Особенно важное значение имеет принятое в ноябре 1971 г. постановление ЦК КПУз и Совета Министров УзССР «О дальнейшем развитии профессионально-технического образования и обеспечении народного хозяйства республики квалифицированными кадрами»⁸. В соответствии с этим постановлением до конца текущей пятилетки в Узбекистане будет создано 135 новых училищ, причем значительная часть их открывается в сельской местности.

Исключительно важное значение имеет замечательный патристический почин комсомольцев и молодежи Узбекистана, обязавшихся уже в 1975 г. дополнительно подготовить для сельского хозяйства республики 100 тыс. молодых механизаторов. Прямой долг наших сельских профтехучилищ — оказать всемерную помощь в воплощении в жизнь этого высокого обязательства.

Успешное претворение в жизнь намеченных мероприятий будет содействовать дальнейшему росту квалифицированных кадров для хлопководства и других отраслей социалистического сельского хозяйства Узбекистана.

И. Мургазев

⁷ См. «Материалы XXIV съезда КПСС», М., 1971, стр. 85.

⁸ Правда Востока, 21 ноября 1971 г.

ИЗ ИСТОРИИ ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕООРУЖЕНИЯ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА (1933—1941)

Непрерывный рост производительных сил в сельском хозяйстве в решающей степени зависит от уровня его технической оснащенности и умелого овладения техникой. Неслучайно В. И. Ленин подчеркивал, что «по отношению к мелкому земледельцу оздоровить, так сказать, всю его психологию может только материальная база, техника, применение тракторов и машин в земледелии в массовом масштабе... Вот что в корне и с громадной быстротой переделало бы мелкого земледельца». В. И. Ленин указывал также, что «единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие»¹.

Правота этих положений убедительно подтвердилась в ходе осуществления ленинского кооперативного плана, в котором были определены основные принципы кооперирования, а также различные формы добровольного объединения, наглядно демонстрировавшие крестьянам преимущества общественного хозяйства.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 60.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 9.

Коллективизация открыла огромные возможности для развития производительных сил сельского хозяйства, использования достижений науки и техники, повышения производительности труда, изменения характера сельскохозяйственного труда и самого человека.

Совершенствование техники, организации производства, общественных отношений на каждом этапе социалистического строительства неизбежно требовало и соответствующего уровня общекультурной и профессионально-технической подготовки кадров. Все это имело самое непосредственное отношение и к колхозному крестьянству Узбекистана, составившему к 1939 г. 71,4% тружеников села³.

Известно, что Туркестан унаследовал от дореволюционного прошлого крайне отсталое в техническом отношении сельское хозяйство. На территории нынешнего Узбекистана в 1913 г. один конный плуг приходился в среднем на 800 дехканских хозяйств. 90% валовой сельскохозяйственной продукции создавалось ручным трудом⁴. Орудиями обработки земли были омач, мала и кетмень.

В этих условиях надо было не только перевести массы крестьянства на новый, социалистический путь развития, но и добиться того, чтобы этот переход сразу же привел к более высокой производительности труда путем внедрения сельскохозяйственных машин.

В годы первой пятилетки в результате быстрых темпов роста промышленности коренным образом изменилась структура экономики Узбекистана и СССР в целом. Коммунистическая партия и Советское правительство приняли действенные меры к развитию сельскохозяйственного машиностроения, которое стало крупной отраслью гяжелой индустрии. Это привело к повышению темпов технического перевооружения сельского хозяйства. Так, уже в первый год второй пятилетки в Узбекистане действовало 72 МТС с 3035 тракторами общей мощностью 45 466 л. с.⁵

Небольшое количество маломощных «фордзонов» в короткие сроки было заменено первоклассными отечественными тракторами «СТЗ» и «Универсал». Если в 1928 г. на полях УзССР работало 1829 «фордзонов», в 1932 г.—504, то в 1940 г. их уже почти не было. Вместо них на полях работало 21 028 более мощных тракторов отечественного производства⁶.

XVIII Всесоюзная партийная конференция (январь-февраль 1932 г.), рассмотрев вопрос о втором пятилетнем плане развития народного хозяйства СССР, в своих решениях указала, что основная задача новой пятилетки — завершение социалистической реконструкции и создание новейшей технической базы для всех отраслей народного хозяйства⁷.

Решения партийной конференции легли в основу работы VI съезда Компартии Узбекистана (январь 1934 г.). Съезд уделил большое внимание сельскому хозяйству, подчеркнув, что решающей задачей партийной организации республики было и остается укрепление хлопковой независимости СССР. Особое место на съезде заняли вопросы механизации хлопководства и других отраслей сельского хозяйства республики⁸.

Решения партии и правительства последовательно претворялись в жизнь. Если в 1931 г. в республике существовало 45 хлопковых и 3 зерновых МТС, то в 1934 г.—соответственно 73 и 14⁹.

В результате уже во втором году второй пятилетки число районов республики, не имевших МТС, сократилось с 30 до 4, а в 11 районах действовало по 2 МТС. Если в 1931 г. в расчете на одну МТС в республике приходился 201, то в 1934 г.—101 колхоз, тогда как количество тракторов в среднем на одну МТС выросло за эти годы с 47 до 58¹⁰.

С повышением энергетических мощностей и улучшением обслуживания колхозов со стороны МТС резко повысилась средняя выработка на один трактор—с 7,5 га в 1933 г. до 9,6 га в 1934 г.¹¹

³ И. Мулладжанов. Народонаселение Узбекской ССР. Социально-экономический очерк, Ташкент, 1967, стр. 206.

⁴ Ш. Р. Рашидов. Торжество ленинской национальной политики, Ташкент, 1974, стр. 46.

⁵ Колхозы Узбекистана в 1935 г., Ташкент, 1936, стр. 29.

⁶ Хлопководство Узбекистана за 50 лет. Справочник, Ташкент, 1973, стр. 188.

⁷ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, изд. 8-е, М., 1970, т. 3, стр. 204.

⁸ Резолюции и решения съездов Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1957, стр. 277.

⁹ ЦГА УзССР, ф. Р-837, оп. 32, д. 517, л. 90.

¹⁰ Там же.

¹¹ Бюллетень сельского хозяйства Узбекистана, 1934, № 9, стр. 10.

Однако уровень технического оснащения сельского хозяйства Узбекистана был еще недостаточным. К концу 1933 г. в республике имелся 9801 колхоз, причем МТС обслуживали 6586 хозяйств (67,2%)¹².

Специально рассмотрев этот вопрос, Бюро ЦК КП(б)Уз приняло 27 декабря 1934 г. решение об организации в 1935 г. новых МТС в 25 районах республики¹³.

В целом за годы второй пятилетки в Узбекистане было создано 96 новых МТС, и к концу 1937 г. здесь насчитывалось 163 машинно-тракторные станции с 18267 тракторами, 1080 комбайнами и большим количеством другой сельскохозяйственной техники¹⁴.

С 1937 по 1940 г. количество тракторов в республике увеличилось с 18,2 тыс. до 23,5 тыс., а комбайнов — с 1080 до 1549¹⁵. Еще в 1928 г. на долю механических двигателей приходилось всего 5% энергетических мощностей сельского хозяйства Узбекистана, а в 1940 г. — 82%¹⁶.

Вопросы механизации сельскохозяйственных работ, прежде всего возделывания хлопчатника, постоянно находились в центре внимания партийной организации Узбекистана. Состоявшийся в феврале 1933 г. II Объединенный Пленум ЦК и ЦКК КП(б)Уз предложил партийным организациям развернуть работу по усилению механизации сельскохозяйственного производства¹⁷. Партийные организации давали решительный отпор антимеханизаторским настроениям, и уже в 1934 г. использование тракторного парка повысилось на 25% по сравнению с 1933 г. За весну 1934 г. одним трактором было вспахано 196,9 га против 115,5 га весной 1933 г.¹⁸

Пятый сельскохозяйственный курултай (январь 1935 г.) наметил конкретные меры по широкой механизации сельскохозяйственных работ. В частности, на 1935 г. было предусмотрено:

- а) вспахать трактором под хлопок весной 700 тыс. га,
- б) провести боронование на площади 610 тыс. га,
- в) засеять тракторными сеялками 100 тыс. га,
- г) обработать тракторными культиваторами 140 тыс. га.

д) не менее 90% всей посевной площади хлопчатника засеять тракторными и конными сеялками, запретив разбросанный сев,
е) на всей площади рядового сева провести полную культивацию с последующим кетменеванием¹⁹.

Курултай подчеркнул также, что успехи механизации сельского хозяйства находятся в прямой зависимости от подготовки кадров механизаторов, и предложил Наркомзему УзССР к началу весенних посевных работ обеспечить МТС республики 18 500 трактористами и 2000 тракторными механиками²⁰.

Постановлением от 15 февраля 1935 г. Бюро ЦК КП(б)Уз наметило провести в 1935 г. в трех колхозах республики опытно-показательную работу по механизации всех процессов обработки хлопчатника²¹.

В намеченные хозяйства Андижанского, Акдарьинского и Джаркурганского районов были направлены опытные специалисты. Эти показательные мероприятия имели важное значение для убеждения колхозников в преимуществах механизации и правильной агротехники²².

26 сентября 1935 г. ЦК КП(б)Уз вынес постановление «О подготовке кадров для тракторного сева и культивации», предусматривавшее подготовку в течение октября-декабря 5000 трактористов для «Универсалов» из лучших курсантов, окончивших 4-месячные школы трактористов.

Одновременно Наркомзему было поручено открыть на период с 1 февраля по 25 марта 1936 г. курсы по переподготовке 6000 трактористов для работы на «Универсалах», включая не менее 2500 лучших трактористов, работавших на «СТЗ» и «Универсалах» в 1935 г.²³

¹² Колхозы Узбекской ССР. Материалы годовых отчетов колхозов за 1933 год. Ташкент, 1935, стр. 32.

¹³ Па УзФИМЛ, ф. 58, оп. 10, д. 180, л. 16.

¹⁴ Торжество ленинского кооперативного плана в Узбекистане, Ташкент, 1970, стр. 153.

¹⁵ История Узбекской ССР, т. IV, Ташкент, 1968, стр. 43.

¹⁶ Хлопководство Узбекистана за 50 лет, Ташкент, 1973, стр. 180.

¹⁷ Па УзФИМЛ, ф. 58, оп. 10, д. 424, л. 74.

¹⁸ Отчет правительства Узбекской ССР 5-му Всесоюзному съезду Советов (1931—1934 гг.), Ташкент, 1935, стр. 25.

¹⁹ Па УзФИМЛ, ф. 58, оп. 11, д. 82, л. 73.

²⁰ Там же, л. 74.

²¹ Там же, л. 86, л. 19.

²² Там же.

²³ Там же, д. 230, л. 15.

Эти и другие мероприятия партии и правительства обеспечивали форсированную подготовку и переподготовку высококвалифицированных кадров механизаторов, овладевших сложной техникой отечественного производства. В результате в 1940 г. в колхозах республики работали 25 954 тракториста, 5011 механиков, 185 директоров и 185 заместителей директоров МТС, 554 гидротехника и другие технические кадры из местных национальностей²⁴.

Вооружение сельского хозяйства республики мощной современной техникой и формирование квалифицированных кадров позволили повысить процент механизации сельскохозяйственных работ, особенно в хлопководстве. В 1933 г. в хлопководстве УзССР была механизирована лишь вспашка, и то всего на 13%, в 1937 г. вспашка была механизирована на 69%, сев — на 41%, культивация — на 39%, а в 1941 г. — соответственно на 76, 65 и 61%²⁵.

Это позволило, в частности, значительно сократить сроки сева. Если в 1932 г. до мая было засеяно 60% хлопковой посевной площади, то в 1938 г. — 95,7%, причем 85,1% — до 25 апреля²⁶.

Благодаря механизации колхозы стали проводить дополнительные мероприятия по пахотным работам, подготовке семян, удобрению почвы, уходу за растениями и т. д. В результате коренным образом изменился уровень агротехники, повысилась интенсивность сельского хозяйства, урожайность полей, общая культура земледелия.

Таким образом, за годы довоенных пятилеток была успешно решена важнейшая задача социалистического строительства на селе — техническое перевооружение сельского хозяйства. Достигнутый уровень технической оснащенности позволил отчасти решить задачу механизации земледелия, поднять культурно-технический уровень труженников села, облегчить условия труда.

Так на примере социалистического сельского хозяйства Узбекистана блестяще подтверждалось ленинское положение о том, что «в замене ручного труда машинным... состоит вся прогрессивная работа человеческой техники. Чем выше развивается техника, тем более вытесняется ручной труд человека, заменяясь рядом все более и более сложных машин, в общем производстве страны все большее место занимают машины и необходимые для их выделки предметы»²⁷.

Механизация стала важнейшим условием изменения характера сельскохозяйственного труда, превращения его в разновидность труда индустриального. А вместе с тем в узбекском кишлаке формируется сельскохозяйственный работник нового типа, новый крестьянин — грамотный, культурный, обладающий новыми профессиями, активный, сознательный строитель и член социалистического общества.

М. Журавев

²⁴ Правда Востока, 3 июля 1940 г.

²⁵ Хлопководство Узбекистана за 50 лет, стр. 182.

²⁶ Социалистическая наука и техника, 1939, № 11—12, стр. 105.

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 100.

К ВОПРОСУ О ПРАВЕ СОБСТВЕННОСТИ В ДЕРЕВОЛЮЦИОННОМ ТУРКЕСТАНЕ

Вопрос о праве собственности в колониальном Туркестане представляет большой интерес как в плане изучения истории государства и права дореволюционного Узбекистана, так и с точки зрения исследования господствовавших в крае феодальных отношений, развития капитализма и сложения объективных предпосылок социалистической революции.

Как известно, до присоединения к России в Средней Азии безраздельно господствовали феодальные отношения. Феодальное право, возводя в закон волю господствующего класса, закрепляло существующую систему распределения земли, воды, других средств производства и орудий труда. Это право, защищая интересы эксплуататорской верхушки, своим острием было направлено против угнетенных ею широких масс непосредственных производителей. Важное место в системе правовой надстройки феодального общества занимало гражданское право, регулировавшее имущественные и личные отношения в интересах господствующих классов. Оно устанавливало и закрепляло «святость» эксплуататорской частной собственности, деления граждан на сословия, их юридическое и имущественное неравенство.

В колониальном Туркестане гражданско-правовые отношения коренного населения регулировались отраслью шариатского права, называемой «ильм-и-фикх» (гражданское право), а гражданско-правовые отношения европейского населения регламентировались нормами Свода законов Российской империи.

Помимо шариата, мусульманское гражданское законодательство о праве собственности основывалось на юридических нормах, прямо не указанных в коране и

сунне, но отвечавших их духу. Сюда относились «княз» — умозаключение по аналогии, «фетва» — решение высших мусульманских богословов, «иджма» — согласованное мнение мусульманских правоведов по тем или иным вопросам, «адат» — обычаи.

Важное место в регулировании отношений собственности коренного населения дореволюционного Туркестана занимала «Хидая» («Руководство»)¹.

В мусульманском гражданском праве различалось «вещное право» (хакк-аль-мулкият) и обязательственное право (хакк-вазифат)². Мусульманское законодательство классифицировало имущество на движимое (моль) и недвижимое (мюльк). К движимым относили те вещи, которые можно перемещать с одного места на другое, а также измерить мерой и весом. К недвижимому имуществу относились вещи, которые невозможно перенести с места на место (земля, строения, насаждения и т. д.). Кроме того, вещи классифицировались как делимые и неделимые, главная вещь и принадлежность, дозволенные (халол) и недозволенные к употреблению (харом). Содержание права собственности составляли владение (кабз), пользование (манфаат) и распоряжение (тасарруф). Способы приобретения права собственности были различными: «Право быть собственником... приобретается... шариатным правоотношением, например, куплей и продажей или другими путями, указанными в шариате, — завещаниями, дарениями, махрами (обеспечение невесты), наследствами и т. п.»³

До присоединения Туркестана к России земля и вода как объекты собственности принадлежали государству (амляк), религиозным (вакфы), или частным лицам (мюльк).

Государственные земли могли передаваться в постоянное, бессрочное и наследственное пользование дехканам (крестьянам). Владельцы амляковых земель не пользовались правом собственности на нее, а если эти земли государство продавало частным лицам, то они переходили в категорию «мюльк». Следующей разновидностью государственных земель были маватные (мертвые) земли. Освоенные кем-либо пусто-порожние, никому не принадлежавшие земли с разрешения главы государства могли перейти в частную собственность с обязательной уплатой поземельного налога (херадж).

В доколониальный период весьма распространенной формой собственности были вакуфы⁴. В юридической литературе по мусульманскому законоданию вакуф определяется как «посвящение какого-либо предмета (имущества) какой-либо цели (религиозно-благотворительной или культурно-просветительной)»⁵. Право владения землей на вакуфных началах было тщательно разработано мусульманскими законоведами и изложено во всех известных правовых сочинениях.

Вакуфное имущество предназначалось для содержания мечетей, гробниц, библиотек, кладбищ, оказания помощи бедным и т. д. Объектами вакуфа могли быть: земля, виноградники, мельницы, здания и прочие реальные вещи, из которых можно было извлекать пользу. Вакуф учреждался навечно и бесповоротно; обращенное в вакуф имущество оказывалось вне гражданского оборота.

Для законного учреждения вакуфа необходимо было, чтобы учредитель обладал способностью распоряжаться имуществом, был его собственником или сособственником, отказался от владения этим имуществом и придерживался установленных форм учреждения вакуфа.

Передача некой собственности в вакуф юридически оформлялась по заявлению вакуфодателя (учредителя) соответствующим документом — вакуф-наме, правомерность которого удостоверялась казимем (судьей). Там обозначались имущество, обращенное в вакуф, цель его учреждения, имя отчуждателя и свидетелей, а также мутавалли (попечитель, управитель имущества). Доходы с обращенного в вакуф имущества должны были использоваться строго по указанному назначению, но часть их поступала мутавалли для его личных нужд.

Таким образом, учреждение вакуфа по смыслу представляло собой религиозный, а по форме — имущественный акт⁶.

Третьим видом собственности была частновладельческая собственность (мюльк). Объектами ее были земли и другая недвижимость, которые подразделялись на мюль-

¹ Хидая. Комментарий мусульманского права, тт. I—IV. Пер. с англ., под ред. И. И. Гродекова, Ташкент, 1893.

² У. М. Ахмеджанов. Институт собственности в мусульманском праве. Автореферат канд. дисс., М., 1963, стр. 12.

³ Шариатные статьи о правовом положении мусульманского населения Туркестанского края, Ташкент, 1910, стр. 277.

⁴ «Вакуф» по-арабски означает «задержание». Его отличали от предметов, отдаваемых даром: «хадия» (подарок), «садака» — (подавание) и т. д.

⁵ Хидая, т. II, кн. XV, стр. 137.

⁶ П. Цветков. Несколько слов о вакуфах, журн. «Средняя Азия», 1910, № 2, стр. 5—22.

ки-хурри-халисе (освобожденные от всяких государственных и других повинностей), мюльки-херадж (платящие казне десятую часть доходов), мюльки-ушри (отправляющие хераджную повинность).

Собственниками земель первой категории выступали крупные землевладельцы, представители верхушки феодального общества. Их земли обрабатывались путем эксплуатации труда безземельных и малоземельных дехкан — мардикеров (поденщиков) и чайрикеро (издольщиков).

Номинальными собственниками земель мюльки-херадж и мюльки-ушри были дехкане, обязанные по шарнату платить казне налог. «Некоторые из владельческих земель (мюльки-херадж) были настолько обременены налогами (до половины доходности), что они являлись в сущности собственностью государства, получавшего определенную ренту за пользование ими»⁷.

Класс крестьян (дехан) составлял основную массу эксплуатируемого народа. В крае постоянно имела большая армия безземельных и малоземельных дехкан (беватан). К ним относились чайрикеры и их разновидности (каранда), батраки, мардикеры (поденщики).

Большинство трудового населения Туркестанского края состояло в основном из малоземельных и безземельных крестьян, находившихся в крайне тяжелом положении; так что о каком-либо значительном объекте их права собственности не приходится и говорить. Обычно им принадлежали лишь убогие глинобитные жилища, скудный домашний скарб, примитивные орудия труда (кетмень, омач, мала, урак) и т. п.

После присоединения к России в крае произошла эволюция в формах феодального землевладения и землепользования, а также налоговой системы, что отразилось и в законодательстве колониального Туркестана. В этих условиях идет процесс приспособления норм шарната и адата к колонизаторской политике царизма, постепенного вытеснения местных обычаев и правовых норм царским правом.

По инициативе царской администрации была предпринята систематизация норм шарната и адата в угоду колонизаторам и в результате составлен ряд систематизированных сборников⁸. Они содержали нормы вещно-правового и обязательно-правового характера и служили практическим руководством для казыйских и бийских судов Туркестана.

Царизм не только вел курс на постепенное вытеснение норм шарната и адата правовыми нормами Российской империи (в частности, в сфере земельных отношений), но и стремился ослабить влияние феодальной верхушки, частично конфискуя мюльковые земли, ликвидируя привилегии мюлькдаров и облагая налогом вакуфные земли.

С 1 января 1887 г. вступило в силу Положение «Об управлении Туркестанским краем», содержавшее специальный раздел — «Поземельное устройство». Тем самым царская администрация пыталась упорядочить земельные правоотношения, но каких-либо существенных изменений в этой сфере не было сделано.

Согласно ст. 255 Положения, за сельским оседлым населением утверждались на правах полной собственности и установленных местным обычаем оснований те амляковые земли, которые имелись в его постоянном, потомственном владении и пользовании. В Положении разъяснялось, что под амляковыми следовало понимать все находившиеся в пользовании населения мюльковые и государственные земли.

Все свободные земли, а также дикорастущие леса, даже на землях, находившихся во владении коренного населения, по ст. 257 Положения, признавались государственной собственностью.

Что касается усадебных участков горожан в черте города, то в силу ст. 269 Положения, они признавались собственностью городских жителей⁹.

Земельные преобразования в Туркестанском крае не упразднили института вакуфа и вакуфной собственности на землю, хотя ст. ст. 265—267 Положения установили определенные ограничения норм шарната в области вакуфного землепользования. Населенные земли, входившие в состав признанных правительством вакуфов, оставались во владении сельских обществ, а ненаселенные земли, составлявшие признанные правительством частные вакуфы, сохранялись за теми лицами, в пользу которых эти вакуфы были учреждены.

Таким образом, на радикальные шаги в отношении вакуфов царское правительство не решилось, а лишь приняло меры к ограничению существующих вакуфов и

⁷ В. И. Масальский. Россия. Полное географическое описание нашего отечества, т. 19, Туркестанский край, СПб., 1913, стр. 418.

⁸ См., напр., «Шарнатные статьи о правовом положении мусульманского населения Туркестанского края» (Ташкент, 1910) и «Опыт систематического изложения главнейших начал шарната, применяемых ныне в коренных областях Туркестанского края, составленный ревизионной комиссией К. К. Палена с участием местных законодатов» (Ташкент, 1914).

⁹ Положение об управлении Туркестанским краем, Ташкент, 1911, стр. 54—57.

ставило преграды дальнейшему развитию этого института. Так, государственному поземельному налогу не подлежали только «вакуфные ненаселенные земли»¹⁰, а учреждение новых вакуффов допускалось в редких случаях с разрешения генерал-губернатора края, если он признавал доводы просителя «заслуживающими особого уважения»¹¹.

Положением 1886 г. все земли в пределах Туркестанского генерал-губернаторства признавались состоящими: а) на праве государственной собственности и б) на праве частной собственности.

К частнособственничским относились:

- а) земли, приобретенные по купчим крепостям и другим законным актам;
- б) участки земли в городской черте, отведенные жителям городов;
- в) земли мольки-хурри-халиссы, если они состояли в непосредственном пользовании владельцев и не заселены посторонними лицами и обществами;
- г) признанные царским правительством населенные и ненаселенные вакуфные земли.

Все прочие земли объявлялись собственностью государства.

С присоединением к России в Туркестане, как известно, начали развиваться капиталистические отношения. При этом, наряду с немногочисленными государственными предприятиями, появлялись в гораздо большем числе частные хлопкоочистительные, маслобойные, горнодобывающие и другие заведения. В экономике края значительный удельный вес занимали кустарная промышленность и домашние промыслы. Таким образом, в промышленности края основными формами собственности были государственная, частнособственничская и мелкая собственность кустарей и ремесленников.

К объектам государственной собственности относились: промышленные и коммунальные заведения, немногочисленные железнодорожные мастерские, железные дороги, рудники и т. д.

Объектами частной собственности в промышленности были хлопкоочистительные, винокуренные, нефтеперерабатывающие, сахарные, мукомольные, кожевенные, маслобойные, каменноугольные и другие предприятия с их основными и оборотными средствами и сооружениями. Субъектами этой частной собственности выступали как российские предприниматели, так и местные баи и их объединения — «Андреевское товарищество», «Беш-Бош», «Бр. Крафт», «Бр. Потеляховы», «Бр. Симхаевы» и др.

Частная собственность кустарей и ремесленников, основанная на их личном труде и труде членов их семей, состояла в основном из мастерской, соответствующих орудий и средств производства и вырабатываемых изделий.

Кустари и ремесленники жили в очень трудных условиях. Еще тяжелее была жизнь рабочих, занятых на государственных и частнокапиталистических предприятиях. «Средняя годовая зарплата в Туркестане в 1914 г. составляла 180 рублей, а по империи — 288 руб. Иначе говоря, заработок туркестанского пролетариата был примерно на 35% меньше полунищенского среднего общероссийского уровня»¹².

Как феодальная, так и капиталистическая собственность, будь то государственная, церковная (вакуфная) или частная, выступала орудием жесточайшей эксплуатации широких масс непосредственных производителей, и на страже этих эксплуататорских отношений стояли царские законы и нормы мусульманского права. Как указывал В. И. Ленин, частная собственность — это грабеж, и государство, основанное на частной собственности, есть государство хищников»¹³.

Только Великий Октябрь, ликвидировав феодальную и капиталистическую частную собственность и основанную на них эксплуатацию человека человеком, вызвал к жизни новые, социалистические отношения собственности и отвечающие им, закрепляющие их новые, социалистические правовые нормы, выражающие волю Советского государства, трудящихся всех национальностей СССР, активно содействующие укреплению, умножению и развитию социалистической собственности, строительству социализма и коммунизма в нашей стране.

Б. Ишанов

¹⁰ Положение об управлении Туркестанским краем, ст. 285/38, 285/41, 285/53.

¹¹ Там же, ст. 266.

¹² В. М. Лаврентьев. Капитализм в Туркестане, М., 1930, стр. 41.

¹³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 352.

МАДЖИД ХАВАФИ И ЕГО ТРАКТАТ «РАВЗАТИ ХУЛД»

В XIV—XV вв. в странах Ближнего и Среднего Востока жили и творили многие прогрессивные мыслители, внесшие достойный вклад в развитие общественно-философской и социально-политической мысли. Но творческое наследие большинства из

них до сих пор не изучено. Один из таких мыслителей — Маджид Хавафи из Ирана. Маджид Хавафи родился в сел. Хаваф, близ Кермана¹. В двадцать лет он предпринял путешествие по некоторым городам и странам, побывал в Нишапуре, Герате, Иезде, Сеистане, Ираке, Исфагане, Луристане, Хамадане, Ширазе, Мазандеране и др. Лишь спустя двадцать лет он вернулся в родной край. Умер Маджид Хавафи где-то в середине XIV в.

До наших дней дошло единственное его произведение «Равзати хулд» («Вечный сад»), известное также под названием «Хористон». Ходжи Халифа пишет, что книга Маджида Хавафи написана под влиянием «Гулистана» Саади². Сам Маджид Хавафи сообщает, что он написал книгу под названием «Кунз ал-хикма» («Сокровищница мыслей»).

Ходжи Халифа в «Кашф аз-зунуне» утверждает, что Хавафи написал еще труд «Манзумей таржумей жавохир ал-лугат Замахшари» («Стихотворение к переводу «Жавохир ал-лугат Замахшари»), а также «Дивони аштор» («Сборник стихотворений»). Но эти произведения еще не обнаружены.

Ученые различных времен приписывали «Вечный сад» Хавафи разным авторам или ошибочно определяли время его жизнедеятельности. Так, крупный иранский ученый Маликушшуаро Бахор в своей книге о стилистике называл его ученым XV в.³ Исмаил Паша в книге «Халият ал-орифин» приписывает «Вечный сад» перу Рукиндина Мухаммада Хавафи (ум. в 1431 г.). Некоторые индийские ученые считали автором данного труда Хисрова Дехлави. В канпурском издании (1911 г.) этой книги сообщаются отдельные детали жизнедеятельности ее автора. В частности, в последствии говорится, что Маджид Хавафи прибыл в Индию из Хавафа, в правление Джалаладдина Мухаммада Акбара, и там же умер⁴. Составитель данной публикации Вайндиал, по всей вероятности, приняв его за другого автора, допустил две неточности: во-первых, Хавафи жил в XIV в., а правление Акбара относится к XVI в.; во-вторых, Хавафи никогда не был в Индии. Только благодаря стараниям иранского ученого Махмуда Фараха был установлен подлинный автор произведения «Равзати хулд»⁵.

Трактат «Равзати хулд» был широко распространен на Востоке. Он, в частности, неоднократно издавался в Индии. Многие рукописные и литографированные экземпляры его хранятся в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР.

Говоря о причинах, побудивших его написать данный труд, Маджид Хавафи сообщает, что как-то один из его друзей прочитал «Гулистан» («Розовый сад») великого иранского мыслителя XIII в. Саади Ширази. «Гулистан» произвел на Хавафи огромное впечатление и сыграл большую роль в формировании его мировоззрения. Хавафи особо отмечал простоту языка «Гулистана», доступность и полезность его для простого народа. «Его поэзия волнующая, проза его дает удовольствие», — пишет Хавафи⁶.

Биографии Саади и Хавафи во многом сходны. Маджид Хавафи, как и его предшественник, испытал тяжелые лишения, путешествовал по многим городам, собственными глазами видел притеснения простого народа господствующими классами. Оба они отражают в произведениях свой богатый жизненный опыт и знания. Хавафи пишет: «В течение 20 лет испытал трудности путешествия [далеко] от [своей] Родины и привычного жилища, т. е. от провинции Хаваф в [других] областях и окрестностях»⁷.

Маджид Хавафи стремится раскрыть противоречия своей эпохи и с большим мастерством рисует картину общественной жизни XIV в.

Трактат Хавафи состоит из 18 глав. Он содержит много ценных мыслей об обществе, управлении государством, справедливых и несправедливых монархах, положении различных социальных слоев. Должное место уделено нравственному воспи-

¹ О жизни и деятельности этого мыслителя сохранились весьма скудные сведения. Основные данные о Маджиде Хавафи содержатся в его труде «Равзати хулд», написанном в 1333 г. Автор пишет, что он уже 50 лет занимается изучением различных наук. Отсюда можно полагать, что Хавафи родился приблизительно на рубеже последней трети XIII в.

² Ходжи Халифа. Кашф аз-зунун, Стамбул, 1892—1893, стр. 583.

³ М. Бахор. Сабхуноси, т. 3, Тегеран, 1337 г. х., стр. 160.

⁴ Маджид Хавафи. Хористон, Канпур, 1911, стр. 208—209.

⁵ М. Фарах, тщательно ознакомившись со многими экземплярами рукописи «Вечного сада», на основе фактических материалов доказал, что автор сочинения — ученый XIV в. Маджид Хавафи. М. Фарах подготовил этот труд к изданию и написал к нему предисловие.

⁶ Маджид Хавафи. Равзати хулд, Тегеран, 1967. Предисловие Махмуда Фараха, стр. 9.

⁷ Там же, стр. 10.

танию людей, общественной полезности науки, знаний. Хавафи выражает также свое отношение к таким выдающимся мыслителям прошлого, как Платон, Аристотель, Ибн Сина.

Время жизни Хавафи было одним из труднейших периодов в истории Ирана. Произвол правителей, бремя феодального гнета, нищета и разорение народных масс достигли крайних пределов. Тяжелейшее наследие оставили захватнические войны монгольских поработителей. Они разоряли и уничтожали города и села, истребляли население; огромный ущерб был нанесен культуре и науке страны.

Хавафи на собственном горьком опыте испытал всю тяжесть феодального гнета и произвола. Он жил бедно и зарабатывал на жизнь проповедничеством. В своей книге он жалуется на нищету и выражает недовольство современным ему обществом. Как и Беруни, он сетует на то, что никто не заботится о науке, не поддерживает интерес людей к знанию. Иногда он впадает в глубокий пессимизм:

Зиёни ман хама аз фазлу донеш аст имруз
Фасоди ман хама аз илму хикмат аст акнун.
Агар безисти мискин Абу Али Сино
Ва гар намурди бичора хол Афлотун
Баганжи донеш агар че тавонгарам ликан
Шудам базамин ниёз чун Қорун⁸.

(Мой проигрыш в данный момент от моей учености и знания. Мои пороки теперь — все от знания и мудрости. Хотя Абу Али ибн Сина был бедным, а Платон умер состоятельным, несмотря на то, что я от сокровища знания богат, все равно в мире я остался в нужде, как Карун).

Хавафи искал пути улучшения жизни простого народа. Как и многие мыслители прошлого, он мечтал об идеальном обществе, которое сделало бы всех людей счастливыми, освободив их от нужды и угнетения. В своем труде он много говорит о таком обществе и правителях, способных разумно управлять государством. Свои сокровенные мечты и надежды мыслитель возлагает на «справедливого царя», полезные деяния которого были бы направлены на благо государства. По его мнению, состояние государства, процветание городов и сел, положение подданных в обществе — все зависит от поступков правителя: «Знай, что порядок мира и времени связан со справедливостью правителя и от результата его справедливости зависит благоденствие войск и процветание государства»⁹.

У Хавафи мы нередко встречаем исключительно смелые для той эпохи высказывания в адрес правителей:

Эй, визири никхох, азман бегуи он шохро
Ке у надорад гуш суйи додхохи синериш¹⁰.

(Эй, благородный визир! Передай правителю от моего имени, что он не слушает обиженных несправедливостью).

В другом месте он призывает людей лучше не говорить о недостатках правителя, ибо это все равно не приведет к положительным результатам.

Хавафи присуща острая и открытая критика жестоких правителей, пороков современного ему общества. Его критика существующих порядков во многом совпадает с общественно-политическими взглядами Саади, также открыто выражавшего «свой протест против разлагающегося феодального общественного строя»¹¹. В противовес многим мыслителям, Хавафи не посвятил свою книгу какому-либо правителю, эмиру и не служил при дворе.

Мыслитель критикует власть имущих, защищает правосудие и справедливость. По его убеждению, поступки властелина оказывают сильное влияние на состояние всего государства и образ жизни людей:

Чун подшоҳ нияти адли кунад расад
Холи ба касбу кори райои сарояташ
Вар ногахон азимат бидоди кунад
Пайдо шавад фасоду зиёи дар вилоятш¹².

⁸ Маджид Хавафи. Указ. соч., стр. 8.

⁹ Там же, стр. 11.

¹⁰ Там же, стр. 40.

¹¹ А. М. Богоуддинов. Очерки по истории таджикской философии, Сталинабад, 1961, стр. 195.

¹² Маджид Хавафи. Указ. соч., стр. 27.

(Когда правитель захочет сделать справедливые поступки, то это, понятно, отражается на ремесле и профессии подданных. Но если он намеревается совершить несправедливые поступки, то в провинции возникают разврат и разорение).

Разумеется, социально-политические взгляды Хавафи, как и других мыслителей средневекового Востока, отражают ограниченность их мировоззрения. Хавафи не мог объяснить истоки социальной несправедливости, ибо не знал подлинных корней пороков, присущих феодальному обществу, а также путей их уничтожения. Поэтому его призывы к общему равенству и справедливости носили абстрактный характер. К тому же Хавафи сильно преувеличивал роль отдельных правителей, будучи не в состоянии понять решающую роль народных масс в историческом процессе.

Привлекает внимание острая критика Маджидом Хавафи представителей религии, открыто обманывавших и обиравших простой народ и тем самым наносивших огромный урон всему обществу. Он с большим мастерством раскрывает их истинную сущность, обличает гнусные поступки суфиев, их ханжество и стяжательство:

Либоси ахли тасаввуф шиори имом аст
 Ке хар гурух ке пушид азу омон ёбанд
 Ба зире хиркейи суфи ке кесвати ом аст.
 Хазор хийлеу тазвиру тейлесан ёбанд¹³.

(Одежда суфиев служит лозунгом для веры, кто одевает ее, находится в безопасности. Под суфийской одеждой, которая является одеждой простолюдина, осуществляются тысячи хитростей, обманов и коварных дел).

Казням, муфтиям, суфиям Хавафи противопоставляет ремесленников, ученых, всех тех, кто стремится овладеть знанием и профессией. По его мнению, кто овладевает знанием, определенным ремеслом, тот приносит большую пользу обществу, окружающим.

Хавафи не понимал подлинной причины деления общества на антагонистические классы, но характерно, что эти причины он искал не в «божественном предопределении», а в конкретных отношениях между людьми. Конечно, его объяснение деления общества на бедных и богатых было наивным. По Хавафи, если все будут бедными, то они всегда будут находиться в плену нужды, а если все будут богатыми, то мир наполнится враждой и волнениями¹⁴.

Не понимая истинных причин господства одних социальных групп над другими, мыслитель считал залогом устранения насилия и гнета овладение знаниями и ремеслом. В просвещении народа он видел ключ к ликвидации всех общественных зол.

Важно отметить, что достоинство человека Хавафи оценивал не по богатству и знатности, а по разуму и знаниям.

Маджид Хавафи придавал большое значение роли науки в обществе, ибо, по его мысли, наука двигает общество вперед, величие и слава каждого народа зависят от знания.

Примечательно, что Хавафи не представлял себе науки без опыта, дела. Если ученый знает очень многое, но не может применить его на деле, то нет пользы от такого знания: «Наука с опытом похожи на соль и еду. У кого имеются оба, он уже мудрец в полном смысле слова. Еду можно есть без соли, но соль без пищи нельзя употреблять»¹⁵.

Правда, под опытом, деятельностью Хавафи скорее всего подразумевал обучение людей ремеслу. Тем не менее подобная постановка вопроса в то время имела безусловно прогрессивное значение.

Высокую оценку дает Хавафи труду простого народа, призывая всех заниматься определенной работой, овладевать каким-либо ремеслом, ибо достоинство человека оценивается только добросовестным трудом. Мыслитель призывал людей уважать представителей ремесла и прославлять свое имя добрыми деяниями.

Хавафи нередко обращается к бедным слоям народа, считая их самыми честными и благородными, воплощающими в себе лучшие качества настоящего человека. Он писал:

Аз дидани тавонгар ва аз ихтелоти у
 Кибру рие ва кинау жаври жафо бувад
 Ва з сухбати факир ва з осори хайри у
 Мехру вафоу рохату сидку сафо бувад¹⁶.

(От встречи с богачом и от его кичливого разговора можно заметить надменность, лицемерие, злобу, насилие и жестокость. А от беседы с бедным и от его доброты возникают любовь, верность, спокойствие и правдивость).

¹³ Маджид Хавафи. Указ. соч., стр. 263.

¹⁴ Там же, стр. 99.

¹⁵ Там же, стр. 57.

¹⁶ Там же, стр. 158.

Таким образом, Хавафи уделял исключительное внимание социально-политическим и этическим вопросам.

Разумеется, Хавафи был сыном своей эпохи. На формировании его взглядов отразилась господствующая идеология того времени — религия ислама. Некоторые общественно-политические и этические вопросы он решает с позиций мистицизма и аскетизма.

Но при всем этом идеи Хавафи, его учение об обществе, морали имели в свое время несомненно прогрессивное значение. В мрачную эпоху феодального гнета и мракобесия он резко осуждал тиранов и угнетателей народа, звал к борьбе с пороками современного ему общества, воспевал лучшие человеческие черты: справедливость, мудрость, трудолюбие, знание, разум и т. д. Все это свидетельствует о том, что наследие Маджида Хавафи заслуживает более пристального изучения, глубокого выявления его роли и места в истории развития общественно-философской мысли средневекового Востока.

Х. Аликулов

КУШАНСКАЯ ТЕРРАКОТА ИЗ МИРЗАКУЛТЕПА

Терракотные статуэтки — один из основных видов изобразительного искусства античности, воплощающих в себе духовный мир, религиозные воззрения, этические особенности тех или иных народностей, — часто встречаются при археологических исследованиях. Здесь мы охарактеризуем некоторые образцы терракоты с поселения Мирзакултепа (в 15 км с.-в. Термеза), где во время археологических раскопок в 1973—1974 гг. обнаружены весьма интересные статуэтки антропо- и зооморфного характера. Особенно уникальны своеобразные и выразительные статуэтки антропоморфного характера.

Все статуэтки найдены в комплексе, довольно точно датированном по монетным находкам (в частности, монет типа «Варварского Гелиокла», «Сотер Мегас») и аналогичному керамическому комплексу конца I в. до н. э.—I в. н. э. В них отразился сложный процесс культурной миграции, происходивший в Бактриане того времени. Статуэтки антропоморфного характера изготовлены мастерами-коропластами. Краткое описание их сводится к следующему.

Женская статуэтка (рис. 1), найденная в разрезе у обводной стены, имеет плотный розоватый черепок; лицевая сторона покрыта красным ангобом. Оттиск выполнен штампом. Рельеф средней, бока, нижняя и тыльная сторона статуэтки подрезаны ножом. Голова утрачена. Высота статуэтки 90 мм, ширина 58 мм, толщина 22 мм. Фигура имеет правильные пропорции. Она изображает прямоходящую стройную молодую женщину в длинном платье с изящными вертикально спускающимися от талии до пят частыми складками, напоминающими плиссе. Выше талии прозрачное платье плотно облегает корпус, о чем свидетельствуют стройные, объемно моделированные груди конической формы, которые частично отбиты. От талии, видимо, стянутой поясом, платье плавное расширяется книзу. Сквозь платье слегка вырисовывается тело. Плечи широкие, талия узкая, бедра довольно широкие. На слегка раздвинутых ногах видна какая-то обувь. В левой, опущенной и прижатой к бедру руке — небольшой предмет. Правая рука согнута на уровне пояса и держит, вероятно, корень растения (?). На шее — ожерелье, а в ложбинках грудей висит круглый медальон. На руках выше локтя — по два браслета. Поверх платья наброшена накидка-гиматий, которая в плечах прикреплена к платью бляшками.

На статуэтке, очевидно, изображена в полной своей мощи богиня Анахита — покровительница плодородия, любви и войны, либо некое местное божество, по функции идентичное Анахите. Об этом говорит некоторое сходство деталей статуэтки с описанием скульптурного изображения Анахиты из Бактр, которое дано в Яште 5, 126—129. Сходство отмечается, в частности, в фигуре, ожерелье, обуви.

Мирзакултепская статуэтка пока не имеет прямых аналогий в коропластике античной Средней Азии, в том числе самой Бактрианы. Здесь мы видим иное платье и ранее не известный атрибут. Впрочем, платье статуэтки имеет как бы отдаленное сходство с платьями богинь из Саксанохура¹. В мирзакултепской статуэтке отразилась весьма отдаленное влияние традиций эллинистической скульптуры, в частности в стиле одежды и трактовке отдельных частей фигуры. Коропласт смог передать, хотя и очень схематично, красоту тела, что характерно для скульптуры эллинистического времени.

Совершенно иной иконографический тип дает вторая статуэтка, найденная на полу помещения 23 (рис. 2). Терракота имеет розоватый черепок со следами крас-

¹ Х. Ю. Мухитдинов. Терракоты Саксанохура как источник по истории и культуре Северной Бактрии. Автореферат канд. дисс., Душанбе, 1973, стр. 19—20.

ного ангоба. Оттиск объемный, выполнен штампом. Голова утрачена. Длина статуэтки 125 мм, ширина 48—74 мм, толщина 5—27 мм. Бока, нижняя часть и тыльная сторона подрезаны ножом. Тыльная сторона не плоская, как обычно, а имеет глубокое и довольно широкое вертикальное углубление в середине, сделанное, видимо, для уменьшения тяжести статуэтки.

Рис. 1. Статуэтка богини из Мирзакултепа.

Перед нами богиня в плотной верхней одежде с длинными рукавами до запястья. Одежда, вероятно, настолько широка, что отчетливо виден запах правой части (либо таков был ее фасон). Края и подол имеют широкую, рельефную ленту, передающую меховую оторочку. От талии одежда плавно расширяется книзу, ниспадая на пол. Пропорции тела указывают на некоторую стройность фигуры, хотя она скрадывается плотной одеждой. Плечи широкие, руки массивные. Большое внимание уделено передаче пухлых пальцев. Особо выделены указательный и большой пальцы правой руки, держащей кубок. Правая рука согнута в локте на уровне пояса, а левая также слегка согнута, но ниже пояса. Она крепко сжимает какой-то предмет. На шее гривна с расширяющимися несомкнутыми концами. Судя по сохранившимся остаткам, шея была довольно массивной. К плечам свисают большие серьги.

Эта статуэтка тоже не находит прямых аналогий в коропластике Средней Азии. Общая композиция ее кардинально отличается от известных нам статуэток. Своеобразны фасон верхней одежды и характер предмета в левой руке. Лишь одна деталь мирзакултепинской статуэтки находит аналогию в статуэтках бактрийских богинь ранней группы, т. е. докушанских, происходящих из Саксанохура. Это кубок в правой руке, символизирующий духовную власть, что, видимо, указывает на генетическую общность мирзакултепинской статуэтки с саксанохурскими. Богини с кубком из Саксанохура, отождествляемые с Анахитой, обычно изображались в эллинистических одеждах или одеждах, имитирующих их, с инвеститурным кольцом на левой руке².

² Х. Ю. Мухитдинов. Указ. соч., стр. 19—24.

Видимо, на мирзакултепинских статуэтках запечатлен процесс эволюции образа богини с кубком и инвентурным кольцом на стадии перехода от докушанского времени к кушанскому. Различие в одеянии, с одной стороны, очевидно, указывает на усиление в передаче бактрийских богинь местных элементов, а с другой, — на значительные социальные, политические, этнические сдвиги и, следовательно, на изменение идеологических воззрений. Бесспорно, одежда богини из Мирзакултепа местного происхождения и не имеет ничего общего с эллинистической. В последующий, кушанский период образ богини с кубком полностью вытесняется образами богинь в местных одеждах. Среди огромного количества известных нам статуэток кушанского времени пока нет ни одного изображения богини с кубком.

Рис. 2. Статуэтка богини.

Очень своеобразна третья статуэтка, обнаруженная в помещении 7 (рис. 3). Она имеет плотный розоватый черепок. Рельеф высокий, бока и тыльная сторона подрезаны ножом; фигурка местами сглажена рукой. Голова статуэтки утрачена. Здесь изображен мужчина в длинной плотной верхней одежде, ниспадающей к полу. Кафтан, видимо, одет поверх рубахи. У корпуса он имеет отстрочку по борту крест на крест, переданную рельефными валиками. На правом рукаве от плеча до локтя насечками показаны складки. Изображение очень схематично. Трактовка пропорций фигуры несколько утрирована. Верхняя часть укорочена, а ноги выглядят слишком длинными. Правая рука согнута в локте в раздвинутой, несколько укорочена. Левая рука, опущенная и слегка раздвинутая, несколько укорочена. Она держит массивную булаву с расширяющимся концом. Поверх одежды имеется накидка.

Перед нами, видимо, один из представителей кушанской знати или принц, о чем свидетельствует наличие булавы — знака власти.

Все три статуэтки из Мирзакултепа, как видим, не имеют между собой ничего общего. Каждая из них оригинальна и не находит прямых аналогий в коронепластике

античной Средней Азии, в том числе Бактрии. Свообразны положение рук, костюмы, атрибуты. Однако их объединяет общая композиция, продиктованная временем. Статуэтки выполнены строго по канону фронтальности. Пропорции фигур построены симметрично, скважины и неподвижны, что свойственно изображениям, несущим иератический характер. Сейчас трудно объяснить, чем вызвано кардинальное отличие мирзакултепских статуэток от известных нам среднеазиатских — этническими особенностями или религиозными воззрениями. Отсутствие голов у всех фигурок еще более усложняет разрешение этого вопроса. Тем не менее они представляют огромный интерес для истории изобразительного искусства; благодаря им стали известны новые образы чтимых божеств с соответствующими религиозными воззрениями, символами и эстетическими взглядами.

Рис. 3. Статуэтка мужчины.

Найденные на Мирзакултепа статуэтки зооморфного характера также вызывают огромный интерес. Здесь обнаружены фигурка обезьяны и четыре «всадника-идольчика». Среди них особое внимание привлекает горельефное изображение обезьяны-гермафродита. Высота статуэтки 120 мм, ширина 30—55 мм, толщина рельефа 30 мм. Бока подрезаны ножом. Тыльная сторона, сглаженная рукой, слегка выпуклая. На лицевой стороне сохранились следы красновато-коричневого ангоба. Часть морды сбита. Корпус слегка наклонен в левую сторону. Общая моделировка деталей реалистична с некоторой обобщенностью. Плечи могучие, талия узкая, ноги сомкнуты вместе, согнуты в коленях и опираются на пятки. Правая передняя лапа вертикально поднята к уху, левая — опущена вниз. Голова посажена прямо на плечи. Груды объемные, шаровидной формы. Шерсть передана рельефными вертикальными штрихами.

Образ обезьяны был широко распространен в индокушанской среде. Терракотовые изображения ее в довольно большом количестве найдены при раскопках Таксилы², Шайхан-Дхери³; они встречаются в буддийских рельефах Сачи⁴ и во многих других памятниках. По мнению ряда компетентных исследователей этот образ проник в Среднюю Азию из Индии в результате распространения буддизма, так как обезьяна считается животным, благословленным самим Буддой⁵. В Бактрии они также получили широкое распространение. Статуэтки обезьян встречены на Айртаме⁶, в Термезе⁷, Зартепа⁸, Шортена⁹, Аккургане и многих других памятниках. Через Бактрию изображения обезьяны вскоре появились в Согде, Хорезме, Мерве и особенно в Восточном Туркестане. В Хотане они представлены в очень большом количестве¹⁰. Мирзакултепская статуэтка существенно отличается точной передачей отдельных деталей от известных нам статуэток Бактрии, Индии и Хатана. Отметим, что это единственный случай в коропластике указанных стран кушанского времени, где обезьяна изображена в интересном виде.

Статуэтка «всадника-идольчика» вылеплена от руки в обобщенной манере. Тесто розоватое, плотное. Ангобированию не подвергалось. Морда лошади и голова всадника утрачены. Туловище и ноги лошади переданы схематично. Ноги прямые, для устойчивости слегка раздвинуты. Всадник был изготовлен отдельно. Место прикрепления его к лошади тщательно сглажено. Фигура всадника передана схематично. Ноги

² J. Marshall. *Taxila*, 3 vol., Cambridge, 1951, p. 458, pl. 135.

³ A. H. Dani, Shaikhan Dheri Excavation, *Ancient Pakistan*, vol. II, Peshawar, 1965—1966, p. 94, pl. XXXVIII.

⁴ M. Hallade. *Gandharan Art of North India*, New-York, 1968, p. 134.

⁵ Г. А. Пугаченкова. Новые данные о художественной культуре Бактрии, в кн. «Из истории античной культуры Узбекистана», Ташкент, 1973, стр. 122.

⁶ Б. А. Тургунов. К изучению Айртама, там же, стр. 77.

⁷ М. Е. Массон. Городища Старого Термеза и их изучение, *Труды АН УзССР*, сер. I, вып. 2. История, археология, ТАКЭ, Ташкент, 1940, стр. 75.

⁸ Л. И. Альбаум. Баладык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана, Ташкент, 1960, стр. 27—28.

⁹ Г. А. Пугаченкова. Указ статья, стр. 121—122.

¹⁰ M. A. Stein. *Ancient Khotan*, vol. II, Oxford, 1907, tab. XLVI—XLVII; Н. В. Дьяконова и С. С. Сорокин. Хотанские древности, М., 1960, стр. 19—22, табл. XXVII—XXIX.

его явно укорочены. Они прижаты к груди лошади, а руки — к ее шее и как бы притягивают узду. Шея всадника довольно длинная. Он сидит на лошади в спокойной позе. Видимо, коропласт хотел показать, как мастерски и смело держатся на коне древние бактрийцы. Несмотря на всю примитивность, статуэтка в целом весьма выразительна.

Вторая статуэтка сохранилась очень плохо. У лошади отсутствуют ноги, а от всадника уцелела лишь часть ноги. Статуэтка вылеплена из розовой глины, черепок плотный. Корпус лошади несколько укорочен, а шея очень длинная. Лоб большой, глаза переданы углубленными точками. Уши наострены, между ними поднимается холка, слегка выгнутая вперед; грива подстрижена невысоким гребнем.

Третья статуэтка сохранилась еще хуже. От лошади остались только корпус и часть шеи, а от всадника — лишь следы прикрепления. Лошадь была изображена в полной упряжке, о чем свидетельствует слегка углубленная линия, передающая подхвостник и грудной ремень.

Четвертая статуэтка лошади имеет лучшую сохранность: отсутствуют одна нога и хвост. Размеры морды и шеи непропорциональны по отношению к корпусу. Морда художачая, уши наострены, между ними поднимается высокая холка, ниспадающая вперед; грива вдоль шеи подстрижена очень высоким гребнем. Рот слегка приоткрыт. Корпус и ноги очень массивны. Прямые ноги слегка раздвинуты для устойчивости. На спине сохранились следы всадника.

Терракотовые «всадники-идолы» считаются наиболее часто встречаемыми при археологических раскопках и раскопках на всех бактрийских памятниках. Семантикой этого образа занимался ряд исследователей¹², и здесь мы на них не будем останавливаться.

Таким образом, на Мирзакултепа найдена разнообразная коллекция терракот раннекушанского периода, дающая наглядное представление об идеологии и художественном творчестве той эпохи, развитии историко-культурных связей народов Бактрианы и сопредельных стран.

Ш. Р. Пидаяв

¹² Г. А. Пугаченкова. Халчаян. К проблеме художественной культуры Северной Бактрии, Ташкент, 1966, стр. 230—234; ее же. Новые данные о художественной культуре Бактрии, стр. 125—127; Х. Ю. Мухитдинов. Указ. соч., стр. 27—29.

ИНТОНАЦИОННЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ФРАЗОВОЙ НЕОТЧЛЕНЕННОЙ РЕМЫ

(На материале английского языка)

Ознакомление с научной литературой и анализ лингвистического материала показывают, что в связанном контексте довольно часто встречаются предложения, которые содержат только новую информацию¹. В этом случае они представляют собой фразовую неотчлененную рему.

Здесь мы изложим основные результаты экспериментально-фонетического исследования интонационных средств выражения фразовой неотчлененной ремы² на основе семантического, аудитивного и электроакустического анализов. Оно проводилось в лаборатории экспериментальной фонетики и психологии речи при МГПИИЯ им. М. Тореца по методике, разработанной в этой лаборатории.

Материалом исследования послужили категорические утверждения собственно-повествовательного вида³ из произведений английской художественной прозы. Мате-

¹ См.: В. В. Виноградов. Некоторые задачи изучения синтаксиса простого предложения (на материале русского языка), Вопросы языкознания, 1954, № 1; З. С. Власова. Коммуникативно-интонационное членение предложения в немецком языке. Канд. дисс., М., 1966; В. Д. Ившин. Одновременное выделение главных членов предложения в современном английском языке. Ученые записки Новгородского ГПИ, т. VI, вып. 2, 1962; К. Г. Крушельницкая. К вопросу о смысловом членении предложения, Вопросы языкознания, 1956, № 5; А. И. Смирницкий. Синтаксис английского языка, М., 1957.

² Об интонационных средствах выражения словесной отчлененной ремы см.: Е. А. Абдалина. Интонационное оформление ремы в простом повествовательном предложении в современном английском языке, в сб. «Вопросы литературоведения и языкознания», Ташкент, 1972; Е. А. Абдалина. Интонационные средства выражения ремы в простом повествовательном предложении в современном английском языке. Канд. дисс., М., 1973.

³ О видах повествовательных предложений см.: Л. Д. Ревтова. Интонация повествования в современном английском и русском языках, Чита, 1963.

риал был начитан двумя дикторами (мужчиной и женщиной), для которых английский язык является родным. Аудитивный анализ проведен преподавателями кафедры фонетики английского языка при МГПИИЯ им. М. Тореза и носителями родного (английского) языка.

В зависимости от степени коммуникативной нагрузки фразовая неотчлененная рема классифицируется нами на немаркированную, немфатически- и эмфатически-маркированную⁴.

Описание интонационных характеристик мы начинаем с немаркированной ремы, коммуникативное назначение которой заключается в передаче слушающему некоторой новой информации при нейтральной модально-эмоциональной окраске.

1. Немаркированная фразовая рема

Фразы с немаркированной ремой на уровне смыслового членения имели следующую структуру: $T_0 + P^5$. По формально-грамматическим признакам немаркированные ремы в нашем материале характеризовались прямым порядком слов и состояли либо из подлежащего и сказуемого, либо из подлежащего, сказуемого и дополнения (прямого и предложного).

Например: а) The 'snow had stoped.

б) Some 'fellows 'danced with their wives.

Аудитивный анализ показал, что фразы с немаркированной фразовой ремой состояли из одной синтагмы. Все знаменательные слова фраз характеризовались фразовым ударением одинаковой силы (децентрализованное ударение)⁶ и имели постепенно нисходящее движение тона, реализовавшееся в виде ступенчатой шкалы в предъядерной части ремы и нисходящего терминального тона на акцентном ядре ремы.

Немаркированная рема имела следующую интонационную модель: шкала + терминальный тон. Например: $\frac{\text{Anne sat looking}}{\text{шкала}} \quad \frac{\text{d is man}}{\text{терминальный тон}}$.

Немаркированная фразовая рема в нашем материале представлена в основном тремя ударными слогами. Аудиторы характеризовали ее как нейтральную в модально-эмоциональном отношении.

Акустический анализ подтвердил, что предъядерная часть ремы оформлялась постепенно нисходящей ступенчатой шкалой.

В ударном слоге первого знаменательного слова предъядерной части ремы было выявлено ровное движение ЧОТ (в 100% случаев для ж. г.)⁷ и восходящее — 5 полутонов (в 100% случаев для м. г.). Первый ударный слог интонировался на среднем уровне для обоих голосов.

Ударный слог второго знаменательного слова предъядерной части ремы характеризовался ровным движением ЧОТ в 100% случаев для м. и ж. г. и начинался с отрицательным интервалом в 25 и 20 гц (3 и 2 полтона) соответственно, для м. и ж. г. Следующие за ним безударные слоги интонировались несколько ниже ударного (на 15 и 10 гц) соответственно для м. и ж. г.

Акцентное ядро ремы имело также нисходящее движение ЧОТ, которое реализовалось полностью внутри его ядерного слога.

Сопоставительный анализ данных структурных таблиц для м. и ж. г. показал, что максимальный частотный уровень предъядерной части (155 гц для м. г. и 220 гц для ж. г.) был средним и совпадал с общим максимальным уровнем ремы, а минимальный уровень предъядерной части ремы (115 гц для м. г. и 180 гц для ж. г.) был низким, хотя несколько выше общего минимального уровня ремы (в среднем на 15 и 10 гц соответственно для м. и ж. г.).

Тональный максимум всегда локализовался на первом ударном слове предъядерной части ремы.

Акцентное ядро ремы интонировалось на низком уровне. Максимальный частотный уровень акцентного ядра (115 и 190 гц для м. и ж. г., соответственно) либо совпадал с минимальным уровнем предъядерной части, либо был несколько выше его. Минимальный уровень акцентного ядра ремы (160 и 170 гц соответственно для м. и ж. г.) всегда совпадал с общим минимальным уровнем ремы.

Тональные интервалы стыка между предъядерной частью ремы и ее акцентным ядром были чаще положительными и не превышали 1—2 полутонов.

⁴ О принципах, положенных в основу классификации фразовой ремы, см.: Е. А. Абдалина. О классификации рем, в сб. «Вопросы романо-германской филологии», Ташкент, 1975.

⁵ T_0 означает, что в исследуемых фразах тема не имеет словесного выражения.

⁶ Фразовое ударение децентрализовано, когда им выделяется во фразе более чем одно слово.

⁷ ж. г. — женский голос, м. г. — мужской голос.

Частотный диапазон предъядерной части (5 и 4 полутона соответственно для м. и ж. г.) был узким для обоих голосов при среднем или узком общем диапазоне ремы (7 полутонов для м. г. и 4 полутона для ж. г.).

Частотный диапазон акцентного ядра (два полутона для обоих голосов) был в два раза уже диапазона предъядерной части ремы.

Скорость изменения ЧОТ на акцентном ядре ремы была незначительной — 0,2 *гц/мсек* для м. г. и 0,1 *гц/мсек* для ж. г. Максимальная интенсивность предъядерной части (30 дБ для м. г. и 31 дБ для ж. г.) была либо средней, либо значительной и совпадала с максимальной интенсивностью всей ремы, а минимальная интенсивность предъядерной части (25 дБ для м. г. и 21 дБ для ж. г.) была средней. Максимальная интенсивность акцентного ядра ремы была либо средней (28 дБ для м. г.), либо незначительной (20 дБ для ж. г.).

В распределении максимальной интенсивности удалось установить, что она в основном локализовалась либо на первом ударном слове предъядерной части ремы (в 100% случаев для ж. г.), либо на втором ударном слове (в 50% случаев для м. г.), либо одновременно на 2-ом ударном слове предъядерной части ремы и ее акцентном ядре (в 50% случаев для ж. г.).

Длительность ядерного слова акцентного ядра ремы всегда превышала среднеслоговую длительность, увеличение которой было либо незначительным (1,3 для м. г.), либо значительным — 2,1 для ж. г. (см. табл. 1).

Сопоставительный анализ данных структурных таблиц для м. и ж. г. позволил выявить релевантные и нерелевантные признаки фразовой немаркированной ремы.

Релевантные признаки:

- 1) общий нисходящий характер движения ЧОТ;
- 2) последнее (децентрализованное) фразовое ударение на акцентном ядре ремы;
- 3) средний максимальный и низкий минимальный уровни предъядерной части ремы;
- 4) низкие максимальный и минимальный уровни акцентного ядра ремы;
- 5) локализация тонального максимума на 1-м ударном слове предъядерной части ремы;
- 6) узкий диапазон предъядерной части ремы;
- 7) узкий диапазон акцентного ядра ремы;
- 8) незначительная скорость изменения ЧОТ на акцентном ядре ремы;
- 9) увеличение длительности ядерного слога акцентного ядра ремы по сравнению со среднеслоговой длительностью.

Нерелевантные признаки:

- 1) характеры интервалов стыка между предъядерной частью ремы и ее акцентным ядром;
- 2) средний или узкий общий диапазон ремы;
- 3) значительная или средняя максимальная интенсивность и ее локализация.

2. Немфатически-маркированная фразовая рема

Мы полагаем, что немфатически-маркированная фразовая рема может быть оформлена постепенно нисходящей ступенчатой шкалой с 5—178

Таблица 1

Основные физические параметры немаркированной и эмфатически-маркированной фразовых рем

Голос	Макс. физ. уровни, гц			Диапазон, полутона		Скорость изменения ЧОТ на акцентном ядре ремы, гц/мсек	Максимальная интенсивность, дБ		ДБС ремы, мсек	СДЛ, мсек	Отношение ДБС к СДЛ
	предъядерной части ремы	акцентного ядра ремы	всей ремы	предъядерной части ремы	акцентного ядра ремы		предъядерной части ремы	акцентного ядра ремы			
М.	155—115	115—100	55—100	5	2	0,2	30	28	240	180	1,3
	220—180	190—170	220—170	4	2	0,1	31	20	540	251	2,1
Ж.	162—110	118—90	162—90	7	5	0,1	37	28	301	201	1,4
	256—206	213—176	256—176	4	3	0,2	33	26	293	214	1,3

Немаркированная
Эмфатически-маркированная

оформлена постепенно нисходящей ступенчатой шкалой с нарушенной постепенностью, хотя в материале исследования нам не встречались фразы с такой шкалой.

Фразы, характеризующиеся постепенно нисходящей ступенчатой шкалой с нарушенной постепенностью, могут быть отнесены к неэмфатическому плану речи⁸. Однако проблема употребления различных шкал в неэмфатически-маркированной фразовой реме требует дальнейшей и более глубокой разработки.

3. Эмфатически-маркированная фразовая рема

Коммуникативная нагрузка эмфатически-маркированной фразовой ремы может увеличиваться как за счет смысловых весомости слов, входящих в ее состав, так и за счет модально-эмоциональных оттенков.

В нашем материале выявлены такие эмоциональные оттенки, как сочувствие, оживленность, веселость и заинтересованность, и модальное значение большей степени уверенности в реальности сообщаемого факта по сравнению с немаркированной ремой.

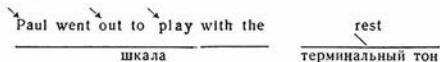
Например, фраза *Her hand rested on old Jolyon's arm*, по показаниям аудитором, выражает сочувствие; *Paul went out to play with the rest* — заинтересованность; *The girls chattered loudly* — оживленность.

Фразы с эмфатически-маркированной фразовой ремой на уровне смыслового членения имели такую же структуру, что и фразы с немаркированной ремой, т. е. T_0+P .

С формально-грамматической стороны они также характеризовались прямым порядком слов и соответствовали распространенным предложениям, содержащим, помимо подлежащего и сказуемого, второстепенные члены предложения (определение, прямое и косвенное дополнение и обстоятельства места, времени и образа действия), о чем свидетельствуют приведенные выше примеры.

По показаниям аудитором, фразы с эмфатически-маркированной ремой в нашем материале всегда состояли из одной синтагмы. Все знаменательные слова ее характеризовались децентрализованным фразовым ударением и имели постепенно нисходящее движение тона, реализовавшееся в виде скользящей шкалы и смешанных шкал⁹: скандентно-ступенчатой и ступенчато-скользящей шкалы с нарушенной постепенностью в предъядерной части ремы — и нисходящего терминального тона на акцентном ядре ремы, которое всегда соответствовало последнему знаменательному слову. Эмфатически-маркированная рема имела две интонационные модели:

а) шкала + терминальный тон:

б) предшкала + шкала + терминальный тон:

Электроакустический анализ подтвердил данные аудитивного анализа. Эмфатически-маркированная рема характеризовалась общим нисходящим движением ЧОТ.

Начальные безударные слоги имели ровное направление движения ЧОТ (на низком уровне или на низкой границе среднего уровня) в 100% случаев для м. и ж. г. По сравнению с 1-м ударным слогом они интонировались либо на более низком уровне на 20—40 гц для м. г. и на 40—60 гц для ж. г. (в 60% случаев для м. г. и в 66,6% случаев для ж. г.), либо на уровне 1-го ударного слога (в 40% случаев для м. г. и в 33,4% случаев для ж. г.).

В 1-м ударном слоге было выявлено:

восходящее движение ЧОТ в 85,7% случаев для м. г. и в 33,4% случаев для ж. г.;

⁸ Ср.: А. М. Антипова, Е. И. Торсуева. Сущность эмоционально-нейтральной интонации в современном английском языке, Ученые записки МГПИИЯ им. М. Торгеза, т. 63, М., 1971.

⁹ О принципах классификации шкал см.: Н. Д. Лукина. К вопросу об интонационных категориях. Методический сборник, № 5/10 «Обучение иностранным языкам в высшей школе», ч. II, М., 1971.

нисходящее движение ЧОТ в 14,3% случаев для м. г. и в 33,3% случаев для ж. г.;

ровное движение ЧОТ в 33,3% случаев для ж. г.

Предъядерная часть маркированной ремы была оформлена:

1) постепенно нисходящей скользящей шкалой в 57,1% случаев для м. г. и в 66,6% для ж. г.;

2) постепенно нисходящей скалентно-ступенчатой шкалой в 14,2% случаев для м. г. и в 33,4% для ж. г.;

3) постепенно нисходящей ступенчато-скользящей шкалой с нарушенной постепенностью в 28,7% случаев для м. г.

Для скользящей шкалы характерно интонирование ударных слогов с отрицательным интервалом в 20—25 гц для м. г. и 30—40 гц для ж. г.

Нисходящее движение ЧОТ осуществлялось либо внутри ударного слова, если оно было представлено одним слогом, либо частично на ударном слоге и частично на безударных, если слово было представлено несколькими слогами. Следующие за ударными словами неударные слоги интонировались на минимальном уровне ударных слов или с последующим понижением ЧОТ (на 10—20 гц для м. г. и на 30 гц для ж. г.). Ударные слоги начинались либо на уровне конца предыдущего слога, либо несколько ниже (на 10—20 гц для м. г. и на 30 гц для ж. г.).

В скалентно-ступенчатой шкале начальные ударные слова имели восходящее движение ЧОТ (4—6 полутонов для м. г. и 3 полутона для ж. г.). Ударный слог, предшествовавший завершению, имел ровное движение ЧОТ в 100% случаев для м. и ж. г. Межслововые отрицательные интервалы между ударными слогами составляли 2—4 полутона для м. г. и 1 полутона для ж. г.

По данным аудитивного анализа, для ступенчато-скользящей шкалы с нарушенной постепенностью типичным было нарушение ее ступенчатого характера на третьем ударном слоге в целях некоторого выделения слова с этим слогом. Электроакустические данные показали, что выделение происходило за счет небольшого увеличения ЧОТ (на 10 гц) и интенсивности по сравнению с предшествующим слогом. Например:

A'porter rolled   a   loaded   trolley along the platform.

120 гц   120—130 гц

34 дб   37 дб

Предшествующий и последующий ударные слоги в этой шкале имели отрицательные интервалы ЧОТ (в 3—4 полутона), что придавало им характер скользящей.

Акцентное ядро имело нисходящее движение ЧОТ, которое реализовалось либо полностью внутри ядерного слога, либо частично внутри ядерного слога и частично на безударных слогах, следовавших за ядерным слогом.

Сопоставительный анализ структурных таблиц для м. и ж. г. показал, что максимальный частотный уровень предъядерной части (162 гц для м. г. и 256 гц для ж. г.) был средним и совпадал с общим максимальным уровнем ремы, а минимальный уровень предъядерной части ремы (110 и 206 гц соответственно) был низким, хотя и несколько выше общего минимального уровня ремы (в среднем на 20 и 30 гц соответственно для м. и ж. г.).

Тональный максимум всегда локализовался на первом ударном слове предъядерной части ремы. Акцентное ядро ремы интонировалось либо на низком уровне, либо на низкой границе среднего уровня.

Максимальный частотный уровень акцентного ядра (118 гц для м. г. и 213 гц — ж. г.) был несколько выше минимального уровня предъядерной части. Минимальный же уровень акцентного ядра ремы (90 и 176 гц) всегда совпадал с общим минимальным уровнем ремы.

Тональные интервалы стыка между предъядерной частью ремы и ее акцентным ядром были чаще положительными, чем нулевыми и отрицательными, и не превышали одного полутона для обоих голосов.

Частотный диапазон предъядерной части (7 полутонов для м. г. и 4 полутона для ж. г.) был либо средним (для м. г.), либо узким (для ж. г.) при среднем общем диапазоне ремы (10 и 6 полутонов соответственно).

Частотный диапазон акцентного ядра (5 и 3 полутона соответственно для м. и ж. г.) был узким для обоих голосов (в два раза уже диапазона предъядерной части ремы).

Скорость изменения ЧОТ на акцентном ядре ремы была незначительной — 0,1 гц/мсек для м. г. и 0,2 гц/мсек для ж. г.

Максимальная интенсивность предъядерной части (37 дб для м. г. и 38 дб для ж. г.) была значительной и всегда совпадала с максимальной интенсивностью всей ремы, а минимальная интенсивность предъядерной части (23 дб для м. г. и 25 дб для ж. г.) была средней.

Максимальная интенсивность акцентного ядра ремы была средней (28 и 26 дб соответственно для м. и ж. г.).

Максимальная интенсивность локализовалась либо на первом ударном слоге предъядерной части ремы (в 71,5% случаев для м. г. и в 33,3% случаев для ж. г.), либо на втором ударном слоге (28,5% случаев для м. г. и 66,4% случаев для ж. г.).

Длительность ядерного слога акцентного ядра ремы всегда превышала среднеслоговую длительность. Увеличение длительности могло быть незначительным — 1,3 для ж. г. либо средним — 1,4 для м. г. (см. табл. 1).

Сопоставительный анализ данных структурных таблиц для м. и ж. г. позволил выявить релевантные и нерелевантные признаки фразовой эмфатически-маркированной ремы.

Релевантные признаки:

- 1) общий нисходящий характер движения ЧОТ;
- 2) последнее (децентрализованное) фразовое ударение на акцентном ядре ремы;
- 3) средний максимальный и низкий минимальный уровни предъядерной части ремы;
- 4) низкий минимальный уровень акцентного ядра ремы;
- 5) локализация тонального максимума на 1-м ударном слоге предъядерной части ремы;
- 6) средний общий диапазон ремы;
- 7) узкий диапазон акцентного ядра ремы;
- 8) незначительная скорость изменения ЧОТ на акцентном ядре ремы;
- 9) значительная максимальная интенсивность предъядерной части ремы;
- 10) средняя максимальная интенсивность акцентного ядра ремы;
- 11) увеличение длительности ядерного слога акцентного ядра ремы по сравнению со среднеслоговой длительностью.

Нерелевантные признаки:

- 1) низкий или средний уровень акцентного ядра ремы;
- 2) характеры интервалов стыка между предъядерной частью ремы и ее акцентным ядром;
- 3) средний или узкий диапазон предъядерной части ремы.

Итак, аудитивный и электроакустический анализы выявили интонационные характеристики фразовых рем на уровне восприятия и на акустическом уровне.

Сопоставительный анализ немаркированной и эмфатически-маркированной фразовых рем дал возможность установить, что единственным дистинктивно-релевантным признаком их выступает соотношение по характеру нисходящего движения ЧОТ в предъядерной части рем, т. е. соотношение по типу шкалы.

Соотношения по всем остальным признакам: характеру фразового ударения, частотным максимальным и минимальным уровням, локализации тонального максимума, характерам тонального стыка перед акцентным ядром рем, частотным диапазоном, по скорости изменения ЧОТ на акцентном ядре рем, максимальной и минимальной интенсивностям, локализации максимальных интенсивностей, степени увеличения длительности ядерного слога акцентного ядра рем — по сравнению со среднеслоговой длительностью нерелевантны.

Наше исследование подтвердило рабочую гипотезу о том, что фразовые ремы, различающиеся по коммуникативной нагрузке, интонационно оформляются по-разному.

Е. А. Абдалина.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В УЗБЕКИСТАНЕ:
ПЕРВЫЕ ИТОГИ, СОСТОЯНИЕ, ЗАДАЧИ

Отрадно видеть, как все более широко и уверенно вступают в свои права историографические исследования в масштабе всей страны, в том числе в Узбекистане. Это явление следует рассматривать как закономерное и естественное, памятуя справедливое утверждение, что «одной из причин слабостей и недостатков нашей исторической науки в прошлом было невнимание к историографии»¹, дающей «знания о развитии исторической мысли, вооружающей (ученых) марксистско-ленинской методологией изучения исторических процессов и явлений»² и облегчающей тот «путь к широкому изучению истории, как единого, закономерного во всей своей громадной разносторонности и противоречивости процесса», о котором говорил В. И. Ленин³.

Положительную организующую и связующую роль в общем оживлении историографических исследований в СССР играет деятельность Научного Совета по проблеме «История исторической науки» при Отделении истории АН СССР (Москва), возглавляемого акад. М. В. Нечкиной⁴.

Вопросы историографии были предметом оживленного обсуждения на Всесоюзном совещании историков (Москва, 21—22 марта 1973 г.). Был констатирован немалый успех в ее развитии, в том числе в отдельных республиках⁵, что может быть подтверждено, очевидно, и практикой историографических исследований в Узбекистане.

Обратимся к примерам прошлых лет⁶. Так, в связи с 40- и 50-летием Союза ССР, 40- и 50-летием Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана и другими юбилейными датами в периодической печати республики и центра было опубликовано большое количество историографических обзоров становления и развития

¹ Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР.— М., 1962, стр. 4.

² И. Майский, М. Нечкина, А. Маифред, Д. Шкаренко. Исторический журнал и современность.— «Коммунист», М., 1964, № 4, стр. 91.

³ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений. Том 26, стр. 58.

⁴ Из новой литературы: Е. Н. Городецкой. Историография как специальная отрасль исторической науки.— «История СССР», М., 1974, № 4, стр. 96—116; А. М. Сахаров. О предмете историографических исследований.— Там же, 1974, № 3, стр. 90—112, и мн. др.

⁵ И. И. Минц, М. В. Нечкина, Л. В. Черепнин. Задачи советской исторической науки на современном этапе ее развития.— «История СССР», М., 1973, № 5, стр. 14.

⁶ О более раннем периоде см.: Р. Х. Аминова. О состоянии и задачах разработки истории социалистического и коммунистического строительства в Узбекистане.— В кн.: «Историография социалистического и коммунистического строительства в СССР», М., Изд-во АН СССР, 1962, стр. 151—163; М. Д. Раджабова. К вопросу о разработке истории Узбекистана в советской исторической науке в 30-е годы.— В кн.: «Научные работы и сообщения», Кн. 6, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1969, стр. 269—281; Л. М. Ланда. Некоторые вопросы историографической работы в Узбекистане.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1964, № 11, стр. 30—36; его же. Первые центры марксистской исторической науки в Средней Азии.— «Народы Азии и Африки», М., 1972, № 2, стр. 44—54; Р. Х. Аминова, М. А. Ахунова, Б. В. Лукин. Историческая наука в Узбекистане.— В кн.: «Наука в Узбекистане», II. Общественные науки, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, стр. 149—189; К. Т. Утепов. Из истории развития советской исторической науки в Каракалпакии в двадцатые и тридцатые годы.— Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Вып. 473, Ташкент, 1974, стр. 88—94, и др.

в Узбекистане исторической и других общественных наук (статья Г. А. Абдурахманова, С. А. Азимджановой, К. А. Акилова, Р. Х. Аминовой, М. А. Ахуновой, А. Х. Баходжаева, П. Г. Булгакова, Д. Г. Вороновского, Я. Г. Гулямова, О. Б. Джамалова, И. К. Додонов, К. Е. Житова, Г. И. Желтовой, В. Ю. Захидова, Х. Ш. Иноятва, А. И. Ишанова, Т. Н. Кары-Ниязова, С. К. Камалова, Л. М. Ланды, Б. В. Лунина, М. Е. Массона, И. М. Муминова, Р. Н. Набиева, М. К. Нурмухамедова, В. Я. Непомнина, М. Г. Пикулина, Г. Р. Рашидова, А. А. Семенова, Х. С. Сулеймановой, О. А. Сухаревой, М. М. Хайруллаева, М. Х. Хакимова, Ш. Ш. Шаабдурахманова, Ш. М. Шамухамедова, В. А. Шишкина и др.).

Для VII тома «Очерков истории исторической науки в СССР» (Москва, АН СССР) Институт истории АН УзССР подготовил текст историографического очерка по Узбекистану⁷.

Ряд работ был посвящен историографии подготовки и свершения Великой Октябрьской социалистической революции в Узбекистане⁸.

А. И. Зевелев выступил в печати с историографическими публикациями, из которых следует особо отметить книгу «Историография Советского Туркестана. Историография и источники по истории гражданской войны в Туркестане» (Ташкент, 1968)⁹.

Положено начало историографии Хорезмской и Бухарской Народных Советских Республик¹⁰.

Нашла свое отражение в историографии проблема некапиталистического пути развития Средней Азии¹¹.

Радует появление новых историографически-источниковедческих работ по циклу Ленинианы¹².

⁷ Л. М. Ланда, Б. В. Лунина, В. Я. Непомнин. Советская историография Узбекистана (Материалы к обсуждению).— М., 1967 (на обл. 1968), 175 стр., ротатип. изд. См. также: Х. Ш. Иноятва. Историография (приложение к статье «Узбекская Советская Социалистическая Республика»).— Советская историческая энциклопедия, Том 14, М., 1973, стлб. 701—706.

⁸ Ср. историографический обзор источников и литературы вопроса, данный Х. Ш. Иноятвым и Л. М. Ландой в книге «Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане» (Ташкент, 1967, стр. 8—52); также: И. К. Додонов. Победа Советской власти в Средней Азии в работах советских историков (1946—1967).— Труды Московского гос. историко-архивного института, Том 26, М., 1968, стр. 209—249. Перу Р. Байджанова принадлежит изданный на узбекском языке очерк развития марксистской исторической науки в Узбекистане в 1917—1924 гг. (1962) и статья «К вопросу историографии Октябрьской революции в Узбекистане» (1969). Х. Ш. Иноятва выступил со статьей «Изучение истории Октябрьской революции в республиках Средней Азии» (1972). См. также: Х. Ш. Иноятва и Л. М. Ланда. Советская историография Октябрьской революции в Средней Азии.— «История СССР», М., 1966, № 6, стр. 3—25.

⁹ См. также: Г. И. Желтова. Историография национальной политики Коммунистической партии в Туркестане в годы гражданской войны.— В кн.: «50 лет разгрома интервентов и окончания гражданской войны в СССР. Материалы научной конференции», М., 1972, стр. 65—67, ротатип. изд.; Х. Ш. Иноятва. Изучение истории гражданской войны в Средней Азии за пятьдесят лет.— Там же, стр. 40—44.

¹⁰ Ср.: С. Нарметов. Гражданская война в Хорезме (Обзор литературы).— «История СССР», М., 1970, № 3, стр. 137—146; Л. М. Ланда. Некоторые аспекты Хорезмской революции 1920 года в советской историографии.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1970, № 2, стр. 74—78; А. С. Садыков и У. Абдуллаев. Историография истории ХНСР.— Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Вып. 423. Материалы по истории и археологии Средней Азии, Ташкент, 1972, стр. 145—175; Л. М. Ланда. Советская историография Хорезмской революции 1920 года.— В кн.: «50 лет Хорезмской народной советской революции. Материалы объединенной научной сессии...», Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, стр. 113—123; Ф. К. Касымов. Советская историография Бухарской революции.— В кн.: «50 лет Бухарской народной советской революции. Материалы объединенной научной сессии...», Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1972, стр. 86—102.

¹¹ В. Я. Непомнин. К вопросу изучения проблемы некапиталистического пути развития в советской исторической литературе.— Труды САГУ им. В. И. Ленина. Новая серия, Вып. 139, Кн. 27, Ташкент, 1958, стр. 58—73; Б. В. Лунина. Проблема некапиталистического пути развития народов Средней Азии к социализму в советской историографии.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1972, № 11—12, стр. 140—150.

¹² П. У. Хамдамов. Литература о Средней Азии в творчестве В. И. Ленина. Заметки о работе В. И. Ленина над источниками.— Ташкент, Изд-во «Узбеки-

Делаются первые попытки создания учебных пособий по историографии Узбекистана, правда, пока еще только по отдельным разделам и темам вузовских учебных программ¹³.

Среди защищенных за последнее десятилетие в республике кандидатских и докторских диссертаций мы встречаем и диссертации по историографической тематике: А. Алимджанов. Хозяйственное строительство в Туркестанской АССР в советской историографии Узбекистана (1970); Ф. К. Касымов. Бухарская народная советская революция. Историография проблемы (1971); Б. С. Пастух. Советская историография создания и идейно-организационного укрепления Коммунистической партии Туркестана (1971); Г. П. Емельянов. Вопросы создания и познания советской государственности узбекского народа в произведениях Файзуллы Ходжаева (1974); Б. Джаббаров. Возникновение и развитие исторического краеведения в Советском Узбекистане 1918—1932 гг. (1974) и др. В 1975 г. Н. С. Садыковой защищена докторская диссертация «История становления и развития музейного дела в Советском Узбекистане». А. Аббасов защитил диссертацию, посвященную жизни и деятельности востоковеда В. Л. Вяткина. Т. Кучкаров подготовил диссертацию о жизни и деятельности археолога В. А. Шишкина и т. д.

Множится и число публикаций по различной историографической тематике¹⁴.

Среди новых историографических исследований назовем работу Г. И. Желтовой по историографии социалистического строительства в Узбекистане¹⁵.

Историографический характер носят работы автора данной статьи: «Из истории русского востоковедения и археологии в Туркестане» (1958), «Научные общества Туркестана и их прогрессивная деятельность» (1962), «Из истории русского и советского востоковедения в Средней Азии» (1963) и др., в том числе очерки, освещающие жизнь и деятельность ряда видных исследователей Средней Азии (В. В. Бартольд, В. Л. Вяткин, А. Н. Самойлович, П. А. Фалев, А. Э. Шмидт) и представителей нарождавшейся местной интеллигенции в сфере науки, любителей-краеведов, собирателей древностей и т. п. (Абү Саид Махзум, Акрам Аскаров, Мируз Бухари и др.)¹⁶.

Прямым отзвуком признания возросшей роли и значимости историографических исследований в республике явилось создание в 1968 г. в составе Института истории Академии наук Узбекской ССР специального Сектора историографии. Пока еще небольшой по численному составу сектор принимает меры к координации историографических исследований, оказывает посильную помощь ведущим эти исследования

стан». 1971. 184 стр. (Наша рецензия: «Коммунист Узбекистана», Ташкент, 1972. № 2, стр. 82—86); его же. В. И. Ленин о Средней Азии. Отв. редактор проф. М. Г. Вахабов.— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1974. 190 стр.

¹³ А. К. Алимджанов. К историографии аграрных преобразований Советского Туркестана (В помощь изучающим историю Узбекистана).— Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1970. 24 стр. (Ташкентский гос. педагогический институт им. Низами); его же. Некоторые вопросы историографии промышленного строительства Советского Туркестана (В помощь изучающим историю Узбекистана).— Ташкент, «Знание», 1970. 27 стр. Г. И. Желтовой и А. Алимджановым подготовлено к печати учебное пособие для студентов исторических факультетов педагогических институтов по историографии Советского Туркестана (объем 12 п. л., редактор Е. В. Лунина).

¹⁴ Л. М. Ланда. Советская историография национально-государственного размежевания Средней Азии.— «История СССР», М., 1964. № 6, стр. 66—80; Б. М. Пастух. Проблема идейно-организационного укрепления Коммунистической партии Туркестана в литературе 50 и 60-х годов.— В кн.: «Путь борьбы и побед», М., Изд-во МГУ, 1971. стр. 26—36; Г. И. Желтова и М. Исламджанова. Рабочий класс Узбекистана в освещении советской историографии.— «Общественные науки в Узбекистане», Ташкент, 1972. № 6, стр. 9—15; Х. Алимов. Некоторые вопросы историографии культурного строительства в Узбекистане (1956—1965). Там же. 1972. № 7, стр. 67—71; М. Рахимов. К историографии социалистических городов Узбекистана.— В кн.: «Материалы по истории Узбекистана», Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1973. стр. 421—432, и др. Историографический характер носит публикация П. А. Ковалева и Н. А. Аюпова «Из истории исторического факультета Ташкентского государственного университета им. В. И. Ленина».— Научные труды ТашГУ им. В. И. Ленина, Вып. 392. Ташкент, 1970, стр. 3—27, и др.

¹⁵ Г. И. Желтова. Социалистическое строительство в Узбекистане (20—30-е годы). Историографический очерк. Отв. редактор л. и. н. Б. В. Лунина.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1975. 42 стр.

¹⁶ См. также наши историографические публикации: «Вклад русских ученых в изучение жизни и творчества Алишера Навои» (1968), «Жизнь и труды Абу Райхана Беруни в дореволюционной и советской науке» (1973), «Материалы к историографии истории хозяйства народов Средней Азии и Казахстана конца XVIII — начала XX вв.» (1975) и др.

научным работникам и сам осуществляет работу в сфере историографии и исторической библиографии.

Первыми конкретными плодами его начальной деятельности стали выпуск в свет к XIII Международному конгрессу исторических наук краткого очерка М. А. Ахуновой и Б. В. Лунина «История исторической науки в Узбекистане»¹⁷, подготовка к печати к 50-летию УзССР очерка на эту тему Р. Х. Аминовой, М. А. Ахуновой и Б. В. Лунина, публикация ряда статей историографического и био-библиографического характера.

Сектор оубликовал также очерк по истории изучения города Самарканда и стал в печать аналогичные историографические очерки по Бухаре и Хиве (Хорезму).

В 1974 г. последовал выпуск в свет первого тома подготовленных сектором био-библиографических очерков, посвященных деятелям общественных наук по Узбекистану¹⁸. Изданием этих очерков преследовалась цель создать источник сведений не только о жизни и деятельности отдельных исследователей, но (в их совокупности) и по истории развития в Узбекистане научно-общественной мысли, исследовательских работ, исторического краеведения в широком и наиболее полном смысле слова.

В книгу вошло 65 био-библиографических очерков о деятелях дореволюционного периода — от наиболее плодотворно работавших местных знатоков и любителей историко-культурного изучения края до многих крупных ученых-специалистов, посвятивших значительную долю своих усилий познанию богатейшего исторического прошлого Средней Азии (Узбекистана).

Каждому биографическому очерку сопутствовали указатели основных публикаций данного ученого или краеведа и литературы о нем, воспроизводился его портрет.

Небольшой тираж книги (1000 экз.) разошелся в кратчайший срок. Институтом и составителем получены отзывы ряда видных советских и зарубежных ученых (Н. А. Баскаков, А. М. Беленицкий, А. Н. Болдырев, Р. М. Гиришман, Т. А. Жданко, М. Е. Массон, М. В. Нечкина, Г. А. Пугаченкова и др.), весьма положительно оценивших научную значимость книги¹⁹.

В настоящее время сдана в печать первая книга второго тома био-библиографических очерков деятелей общественных наук в Узбекистане, посвященная исключительно ученым советского времени (125 очерков от буквы «А» до «Н» включительно)²⁰, т. е. тому поколению исследователей, которое вступило в науку уже в послеоктябрьские годы и деятельность которых характерна для времени формирования, становления, а затем все большего развития общественных наук в Узбекской ССР.

Для наиболее правильного и полного понимания историографического значения выполняемой сектором работы в этом направлении надо учесть, что в своей совокупности входящие в книгу очерки выходят далеко за рамки справочного пособия словарного типа. Сами биографии ученых являются, в их взаимном сочетании, живой летописью истории сложения и быстрого развития общественных наук в Узбекистане в условиях советского общественного строя и осуществления ленинской национальной политики Коммунистической партии Советского Союза.

Из биографий ученых-обществоведов Узбекистана наших дней, данных к характеристике их исследовательской деятельности и научных трудов, вырисовывается плеяда ученых республики — узбеков, таджиков, каракалпаков, русских, представителей других национальностей, образующих многонациональную семью деятелей общественных наук, взращенную усилиями и заботами партии и народа. Из очерков явствует, что обществоведами Узбекистана достигнуты большие и неоспоримые успехи и что они своими ценными трудами, своей педагогической и общественной деятельностью достойно представляют науку в республике и за ее пределами.

Под этим углом зрения издание историографических работ, в том числе био-библиографических очерков, приобретает, помимо научного, еще и общественно-политическое значение в качестве одной из наглядных страниц, убедительно освещающих значимость и итоги свершения на земле Узбекистана культурной революции в сфере науки.

Процесс подготовки и сложения в Узбекистане большого отряда плодотворно

¹⁷ М. А. Ахунова и Б. В. Лунина. История исторической науки в Узбекистане. Краткий очерк. Отв. редактор член-корр. АН УзССР М. К. Нурмухамедов. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1970, 200 стр.

¹⁸ Историография общественных наук в Узбекистане. Био-библиографические очерки. Составитель Б. В. Лунина. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, 386 стр. Из ранее изданных в Узбекистане био-библиографических работ укажем: А. Ирисов. Арабистика в Ташкенте. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1964, 72 стр., на узб. яз.; Х. Узаков. Узбекские лингвисты. — Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1965, 78 стр., на узб. яз. (также 2-е издание, 1972).

¹⁹ См., также: Г. Чабров. Полезное пособие. — «Ташкентская правда», 28 декабря 1974 г., и другие печатные отзывы.

²⁰ Вторая книга тома (от «Н» до «Я») будет содержать до 100 очерков.

работающих деятелей общественных наук служит яркой иллюстрацией к указанию Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева на то, что в Узбекистане, как и во всей Средней Азии, за годы Советской власти под руководством Коммунистической партии «прочно встала на ноги большая наука», «сложилась и расцвела единая по духу и по способу принципиальному содержанию советская социалистическая культура..., которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда»²¹.

Должны быть отмечены и некоторые успехи в сфере исторической библиографии. По справедливым словам М. В. Нечкиной, «без научной библиографии не может быть правильно поставленной научной работы», и библиографические указатели, «как воздух, необходимы научной работе»²². Вспомним также образное определение В. Я. Брюсова: «Каждая наука основывается на библиографии. Труд библиографа... можно сравнить с фундаментом здания: зрителю видны лишь великоленные стены и куполы дворца, но они могут выстоять лишь потому, что под них подведен прочный фундамент»²³.

Говоря о ведущейся в республике историко-библиографической работе, заметим, что неосцимое значение имеют составленные О. В. Масловой историко-библиографические «Обзоры русских путешествий и экспедиций в Среднюю Азию» (Часть I. 1715—1856, Ташкент, Изд-во САГУ, 1955, 83 стр.; Часть II, 1856—1869, Ташкент, 1956, 102 стр.; Часть III, 1869—1880, Ташкент, 1962, 181 стр.; Часть IV, 1881—1886, Ташкент, 1971, 136 стр.).

Государственная публичная библиотека УзССР им. А. Навои выпустила под редакцией автора настоящей статьи I и II части указателя советской литературы по истории Узбекистана²⁴. В ближайшее время будет осуществлено издание третьего выпуска указателя (с 1920 г. до наших дней).

Изданы систематические указатели публикаций Ташкентского и Самаркандского университетов, библиографии по отдельным проблемам и вопросам исторической науки (литература по истории Бухары, Самарканда, Хивы и Хорезма, по проблемам Кушан, Тимуридов, по Фараби, Беруни, Навои, Улугбеку и т. п.)²⁵.

Журнал «Общественные науки в Узбекистане» (до 1961 г. — «Известия Академии наук Узбекской ССР, Серия общественных наук») публикует на своих страницах ежегодные указатели литературы по археологии, истории, этнографии, философии и праву Узбекистана (составитель Б. В. Лукин). Напечатаны указатели с 1955 по 1972 г. включительно.

Обстоятельные указатели литературы читатель найдет в приложениях к четырехтомной «Истории Узбекской ССР», однотомнику «История Узбекской ССР» (1974), двухтомной «Истории Самарканда», в книге «Вклад трудящихся Узбекистана в победу в Великой Отечественной войне» (1975) и других сводных изданиях.

Фундаментальная библиотека АН УзССР выпустила к 100-летию со дня рождения В. И. Ленина библиографический указатель «Ленин в печати Узбекистана» (1969).

Усиление работы в сфере историко-краеведной библиографии Узбекистана тем более отрадно, что, по справедливому указанию крупного советского литературоведа и библиографа проф. П. Н. Беркова, «чем более развита, богата и разнообразна национальная библиография, тем точнее, подробнее и ярче создаваемая ею картина вклада данного народа в общую сокровищницу мировой культуры. И в то же время,

²¹ Л. И. Брежнев. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. — М., Политиздат, 1972, стр. 15, 21.

²² М. В. Нечкина, Монография: ее место в науке и в издательских планах. — «Коммунист», М., 1965, № 9, стр. 82; Ср.: Р. Г. Эймонтова. Пути и задачи исторической библиографии. — «История СССР», М., 1973, № 5, стр. 180—189.

²³ В. Я. Брюсов. О значении библиографии для науки. — «Библиографические известия», М., 1929, № 1—4, стр. 6.

²⁴ История Узбекистана, Часть I. С древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции (литература 1917—1952 гг.). Составители: М. П. Авшарова, А. И. Алашинова, С. И. Кейзер. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1968, 167 стр.; Часть II. Великая Октябрьская социалистическая революция в Узбекистане, Узбекистан в период гражданской войны и иностранной военной интервенции. Указатель советской литературы 1917—1956 гг. Составители: Е. Г. Беленская, А. А. Викторова, Л. Я. Зезенкова, С. И. Кейзер. — Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1969, 344 стр.

²⁵ Ср.: Библиотечное дело и библиография в Узбекистане. Указатель литературы, 1968—1971. — Ташкент, Гос. публ. библиотека УзССР им. А. Навои, 1973, 176 стр.; Б. В. Лукин. Библиографическая литература по истории революционного движения, партийных организаций и советского строительства в Средней Азии и Казахстане. — Вопросы методики преподавания курса истории КПСС. Сб. статей, Вып. I, Ташкент, Изд-во «Укитувчи», 1970, стр. 64—87.

чем богаче библиография какого-либо народа, тем быстрее проникают культурные ценности в широкие народные массы»²⁶.

К сожалению, еще не достигнута должная координация усилий всех учреждений и лиц, ведущих в республике работу в области историко-краеведческой библиографии. Впереди и работа по составлению библиографии исторической библиографии Узбекистана (частично начата Сектором историографии).

Все сказанное выше позволяет утверждать, что в наши дни в республике заложена прочная основа для успешного развития историографической работы в сфере общественных наук. Да и сделано практически в общей сложности не так уж мало. Историографические исследования ведутся более или менее обширным кругом ученых, в том числе научных работников младшего поколения. Историография все больше и больше становится органической частью ведущейся в Узбекистане исследовательской работы.

Было бы, однако, неправильно удовлетворяться уже сделанным, не видеть пробелов и недостатков работы. Перед нами, в конечном счете, лишь начало той, говоря образно, Большой Историографии Узбекистана, решение важнейших задач создания которой во многом еще впереди.

К 50-летию Узбекской ССР и Коммунистической партии Узбекистана республиканской Академией наук выпущен двухтомный сборник статей, освещающих итоги полувекowego пути, пройденного каждой из основных отраслей наук в Узбекистане, в том числе общественных наук²⁷. Знакомясь с содержанием двухтомника, еще и еще раз убеждаешься, как важно создать с течением времени крупные сводные поотраслевые историографические очерки. Поучительная история быстрого и широкого развития и подъема естественно-исторических и гуманитарных наук на земле бывшей колониальной окраины Российской империи — вполне того заслуживает. Это тема большого научно-познавательного значения и общественно-политического звучания, одна из наиболее ярких страниц культурной революции и истории претворения в жизнь ленинской национальной политики Коммунистической партии.

В связи с этим намечается разработка постепенной подготовки к изданию большого (в 7 книгах) коллективного труда «Очерки по историографии общественных наук в Узбекистане»: I. Формирование и развитие исследовательской работы по археологии, антропологии, нумизматике, этнографии и искусствоведению; II. Формирование и развитие исследовательской работы по истории Узбекистана; III. История развития философской науки в Узбекистане; IV. Историография развития правовой науки в Узбекистане; V. Историография развития экономических исследований в Узбекистане; VI. Историография развития исследований в области языкознания и литературоведения в Узбекистане; VII. Историография развития востоковедческих исследований в Узбекистане.

В этой работе, рассчитанной, по мысли сектора, на ряд лет, должен быть отражен с марксистско-ленинских позиций весь путь зарождения, становления и развития каждой из общественных наук в конкретных условиях Узбекистана (Туркестана).

Само собой разумеется, что успешное выполнение столь большой работы возможно лишь при энергичной поддержке идеи ее создания всеми гуманитарными Институтами АН СССР, кафедрами высших учебных заведений и при их активном участии.

Выше мы с удовлетворением отмечали включение в историографическую работу представителей молодого поколения ученых, наличие ряда известных ученых, систематически ведущих изыскания в сфере историографии. Все же нельзя не констатировать, что круг историографов узок. К тому же наибольшее число историографов приходится на историков исторической науки. Никто, насколько известно, не ведет широкой и систематической историографической работы в области археологии, этнографии, нумизматики, экономики, права, языкознания, литературы и искусствоведения. Некоторое исключение являет собой положение дел с изучением формирования и развития общественно-философской мысли в Узбекистане (публикации И. М. Мунинова и др.), а в области литературоведения отсутствие специальных историографических исследований в некоторой мере (по имени в некоторой) восполняется общей работой по истории развития дореволюционной и советской узбекской и каракалпакской литературы²⁸.

Анализируя, далее, состав ученых, выступающих в печати с работами и статьями по историографической тематике, нетрудно убедиться, что среди них нет или почти нет молодых научных работников со специальной историографической подготовкой.

²⁶ «Советская библиография», М., 1969, № 5, стр. 79.

²⁷ Наука в Узбекистане. I. Естественные науки.— Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, 424 стр.; II. Общественные науки, 342 стр.

²⁸ Попытка Сектора историографии выявить, в порядке координации, лиц, специально занимающихся в данный момент историографическими исследованиями в республике, дала неутешительные результаты. Дело ограничилось фамилиями и темами работ лишь нескольких исследователей.

И, видимо, не случайно в работах молодого поколения историографов встречаются элементы кустарничества, дилетантизма, а собственно историографический анализ порой подменяется, в большей или меньшей степени, своеобразными библиографическими обзорами литературы. Последнее характерно также для многих историографических разделов, предпосылаемых в наши дни авторами книг и диссертаций основному тексту своих работ²⁹.

Надо признать справедливость замечания М. П. Вяткина по поводу некоторых историографических работ по Средней Азии, что подчас «они носят по существу библиографический характер. Это позволяет ориентироваться на начальной стадии в литературе вопроса, но не дает возможности выяснить, что же дает эта литература по поставленным проблемам»³⁰.

В последние годы в Москве издан ряд больших сводных работ по историографии строительства социализма в СССР, социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, рабочего класса и др. Появление такого рода работ по Узбекистану — дело будущего. А как, к примеру, было бы важно создать на материалах Узбекской ССР сводные историографические исследования по таким проблемам, как решение национального и женского вопросов, осуществление ленинской национальной политики партии и т. д. Институтом истории партии при ЦК КП Узбекистана проектируется создание большой коллективной работы по историографии истории создания и развития Коммунистической партии Узбекистана, но практическое выполнение этой задачи еще впереди.

Как известно, Институт истории Академии наук СССР совместно с институтами истории академии наук союзных республик Средней Азии и Казахстана приступил к работе по подготовке к печати фундаментального сводного труда по истории народов Средней Азии и Казахстана с древнейших времен до наших дней (в четырех томах). Очевидно, уместным будет пожелание, чтобы этому большому коллективному труду достойно сопутствовали обстоятельные историографические очерки и библиографические указатели важнейшей литературы.

Нельзя не сказать нескольких слов и о преподавании историографии в высших учебных заведениях республики.

Курсы историографии истории Узбекской ССР, историографии КПСС и Компартии Узбекистана читаются в Ташкентском государственном университете им. В. И. Ленина, Ташкентском государственном педагогическом институте им. Низами и некоторых других вузах. Но преподаватели, ведущие эти курсы, во многом представляющие самим себе, ведут работу, что называется, на свой «страх и риск», остро нуждаются в методической помощи, устоявшихся и точных учебных программах, пособиях, в обмене опытом и т. д.³¹

И последнее. Не знаем, не является ли наше пожелание попыткой «ломиться в открытую дверь» и результатом периферийной неосведомленности, по все же позволим себе высказать это пожелание в порядке возможной постановки вопроса. Не следовало ли в более или менее близкое время созвать, наряду с уже проводимыми отдельными совещаниями и конференциями, большое всесоюзное совещание по вопросам историографии и исторической библиографии, охватывающее проблемы исторической и историко-партийной науки?

Такое совещание, помимо его общенаучного значения, несомненно помогло бы приковать еще большее внимание заинтересованных организаций и общественности к историографической работе в широком смысле этих слов.

На первых же порах было бы, думается, крайне желательным провести в Ташкенте или в одном из городов других республик Средней Азии и Казахстана хотя бы небольшое региональное совещание ученых и вузовских преподавателей, посвятивших свои усилия работе в области историографии. Несколько докладов виднейших

²⁹ Конечно, хорошо, что рассмотрение историографии изучаемого вопроса стало теперь едва ли не обязательным компонентом каждого отдельного исследования. Это показатель возросшего внимания к историографии и понимания ее роли и значения в научной работе.

³⁰ М. П. Вяткин. Социально-экономическое развитие Средней Азии (Историографический очерк. 1865—1965 гг.). — Фрунзе, Изд-во «Илим», 1974, стр. 17—18.

³¹ С тем большим удовлетворением отметим проведение в январе-феврале 1973 г. в Смоленске всесоюзной конференции преподавателей историографии СССР и всесоюзной истории, открывшейся докладом акад. А. Л. Нарочницкого «О задачах преподавания историографии в свете выполнения Постановления ЦК КПСС «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и повышению их роли в коммунистическом строительстве» (Ср.: Г. Д. Алексеева и М. Г. Вандаляковская. Всесоюзная конференция по вопросам преподавания историографии. — «История СССР», М., 1973, № 4, стр. 212—216); А. Л. Нарочницкий. О преподавании историографии в высшей школе. — «Вопросы истории», М., 1973, № 6, стр. 3—15.

историографов Москвы и других городов СССР, установление живых и повседневных творческих контактов, обмен опытом, определение общих задач работы — могли бы, очевидно, составить реально полезную повестку дня такого рода региональных совещания.

Говоря о пожеланиях относительно дальнейшего развития историографических исследований, позволим себе заметить, что весьма далеко от благополучия дело с изданием историографических, био-библиографических и историко-библиографических работ, что касается не только Узбекистана.

В этом вопросе нельзя, разумеется, исходить из позиций только историографических интересов, не считаясь с фактором нехватки бумаги, трудностями полиграфического дела вообще, с перегрузкой издательских планов. Но и с учетом этого важного фактора создается впечатление, что судьбы историографических и близких к ним изданий нередко решаются от случая к случаю, что в этом деле имеются элементы самотека, недооценки значения таких изданий.

С 1963 г. прекращено (на шестом выпуске) издание полезнейших сборников «Очерки по истории русского востоковедения», хотя они с самого начала стяжали себе внимание читательской аудитории.

Было бы, очевидно, крайне важным добиться, чтобы в издательских планах выпуска научной литературы историографическая, био-библиографическая литература занимала пусть небольшую, но постоянный удельный вес, определенное место, что позволило бы планировать и обеспечивать постепенный выпуск этой литературы.

Хотелось бы определенного ускорения темпов издания очередных томов такого капитального труда, как «Очерки истории исторической науки в СССР». Мы вполне сознаем при этом трудности и сложности работы над такими очерками и отнюдь не призываем к излишней торопливости в осуществлении издания, получающего широкий международный резонанс.

И все же нельзя не отметить, что дело с изданием, например, VII тома очерков растянулось на ряд лет. Достаточно сказать, что пореспубликанские макеты этого тома (в том числе по Узбекистану) были выпущены в 1967—1968 гг., а самого тома пока еще нет. А ведь за эти годы содержание тома вновь успело устареть и требует подчас существенного дополнения и освещения. На это уже указывалось в печати, но том не вышел в свет до сих пор³².

Еще в 1965 г. вышла из печати замечательная библиография истории исторической науки в СССР (дореволюционный период), подготовленная к печати Институтом истории АН СССР и Государственной публичной библиотекой РСФСР. С тех пор прошло десять лет, но ни одного из задуманных и давно готовых к изданию последующих выпусков этого ценного издания не появилось.

Коснемся еще одного, на наш взгляд, весьма существенного вопроса. Едва ли нужно доказывать, какое огромное значение для истории исторической науки в СССР, в частности в национальных республиках, может и должно принадлежать наряду с другими материалами мемуарам самих историков, особенно тех, кто, как говорится, стоял у горнила науки и делал ее.

Речь идет о живых свидетельствах современников, данные о которых, кстати сказать, не всегда перекрываются материалами документального характера (архивными и иными).

В качестве примера значения мемуарных материалов можно сослаться на наследие В. О. Ключевского, которое все шире входит сейчас в научный обиход. Воспоминания Ключевского, его статьи и очерки о современных ему деятелях науки и общественной жизни позволяют нам глубже и всесторонне осознать и прочувствовать атмосферу того времени, дополняя наши представления об историках — современниках Ключевского.

Даже трудно себе представить литературу по истории востоковедения в СССР без ставших едва ли не классическими воспоминаний Н. Ю. Крачковского «Над арабскими рукописями», мечтавшего, кстати сказать, о том, что «может быть, и «тени отшедших» когда-нибудь осветятся мягким лучом воспоминаний»³³.

И, вспоминая имена таких ученых, как, скажем, Б. Д. Греков, М. Н. Тихомиров, можно ли не пожалеть, что до нас не дошли (кроме маленьких фрагментов) их мемуары, рассказы о своем бытии в исторической науке.

Вот ведь у нас, в Ташкенте, сейчас одна за другой вышли в свет три брошюры профессора М. Е. Массона, — как его называют у нас, «патриарха среднеазиатской археологии». Это отрывки из воспоминаний. Читая их, убеждаешься, что теперь уже никто, кроме М. Е. Массона, не смог бы пролить дополнительный свет на жизнь и деятельность, живые и характерные черты личности таких видных деятелей советского

³² История СССР, М., 1973, № 5, стр. 14.

³³ И. Ю. Крачковский. Над арабскими рукописями. — М.—Л., Изд-во АН СССР, 1946, стр. 158.

туркестановедения, как профессор Маллицкий, архитектор Мауер, любитель древностей Кастальский и другие, современником которых был М. Е. Массон.

Или, к примеру, достаточно прочесть интереснейшие воспоминания А. А. Семёнова «Нечто о среднеазиатских геммах, их любителях и собирателях» (1957), чтобы почувствовать, какую непреходящую ценность могли бы иметь более пространные мемуары этого замечательного ученого и прекрасного рассказчика, человека сложной и своеобразной судьбы. То же самое можно сказать и в отношении недавно опубликованных небольших воспоминаний Я. Г. Гулямова о покойном В. Л. Вяткине.

Говоря иными словами, обогащение мемуарной литературы по истории исторической науки в СССР, по нашему мнению, несомненно содействовало бы расширению и обогащению наших знаний в этой области.

У нас же дела в этом отношении обстоят пока очень и очень плохо. Едва ли нужно называть здесь имена многих виднейших представителей советской исторической науки — крупных и непосредственных участников ее становления, которые так и не успели запечатлеть на бумаге наиболее существенные страницы своей кипучей научной деятельности, рассказать о самых ярких фактах своей жизни, об условиях, в которых проходила их работа, о примечательных деятелях науки, встречавшихся на их жизненном пути.

Как не вспомнить здесь вещей пушкинских слов: «...Память замечательных людей скоро исчезает по причине недостатка исторических записок»³⁴.

Редкими, очень редкими являются и выступления в печати со своими воспоминаниями ныне здравствующих историков — ученых Москвы, Ленинграда, других городов, союзных республик. А ведь они могли бы поведать нам об очень многом, что так быстро уносит в своем течении река времен.

Нам, как одному из преподавателей историографии КПСС, часто приходится, например, называть имя Исаака Израилевича Мицца, который, начиная с 20-х годов, причастен ко многим важным событиям в истории советской исторической науки и который общался с множеством виднейших ее представителей. Стоит ли доказывать, какой высокий интерес могли бы представить воспоминания академика Мицца и их издание, если, конечно, сам академик Мицца еще не пришел к такому выводу.

Конечно, дело это весьма, что называется, деликатное, и невозможно обязать того или иного историка взяться за писание мемуаров. И вместе с тем многое здесь зависит от общественной атмосферы. Если наши Институты, Ученые советы, кафедры и отделы будут включать в повестку дня выступления видных ученых с фрагментами своих воспоминаний, если редакции наших научных трудов, записок, журналов будут предоставлять энное количество страниц для подобных публикаций, — все это создаст определенные стимулы к оживлению деятельности историков в сфере мемуарной литературы.

Кстати сказать, журналы «Вопросы истории» и «История СССР» проявляли некоторую инициативу в данном направлении, но спорадически и в ограниченных рамках, а потому столь важное и интересное начинание не получило, как нам кажется, должного развития.

И, наконец, почему бы не подумать о том, чтобы работа над мемуарами некоторых виднейших историков составляла часть их плановой научной работы, проектировалась к изданию и т. п. Быть может, мысль об этом не столь уж чуждая и невыполнимая, как это может показаться на первый взгляд. Ведь мемуары (пользуясь известной формулой французских ученых в отношении свидетельств современников) должны создаваться — *pour servir à l'histoire* («ради пользы истории»). Все сказанное в равной мере относится и к другим отраслям науки.

Таковы в кратком изложении некоторые итоги, состояние и задачи работы историографов Узбекистана и дальнейшего развития историографических исследований в республике.

Б. В. Лукин

³⁴ А. С. Пушкин. Полное собрание сочинений, Том VI.—М., Изд-во АН СССР, 1949, стр. 514 (см. также стр. 167—168).

К ПРОБЛЕМЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ТВОРЧЕСКОЙ АКТИВНОСТИ РАБОЧЕГО КЛАССА УЗБЕКИСТАНА В ПЕРИОД РАЗВИТОГО СОЦИАЛИЗМА (1959—1970)

Великий Октябрь, полная и окончательная победа социализма в СССР привели к коренным изменениям в экономической, социально-политической и духовной жизни советского народа, неразрывно связанным с революционно-преобразовательной деятельностью руководимых Коммунистической партией трудящихся, прежде всего советского рабочего класса — ведущей общественно-политической силы современности, творца нового, социалистического строя, новых производственных отношений.

Говоря об авангардной роли рабочего класса в историческом переустройстве общества, В. И. Ленин указывал, что «только этот класс может помочь трудящимся массам объединиться, слиться и окончательно отстоять, окончательно закрепить коммунистическое общество, окончательно его построить»¹. Советский рабочий класс всеми своими замечательными свершениями убедительно подтверждает правоту этих ленинских слов.

«Рабочий класс,— подчеркнул в Отчетном докладе ЦК XXIV съезду партии Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев,— был и остается основой производственной сил общества. Его революционность, дисциплинированность, организованность и коллективизм определяют его ведущее положение в системе социалистических общественных отношений.

Ведущая роль рабочего класса как строителя коммунизма укрепляется по мере того, как растут его осязаемая культура, образованность, его политическая активность»².

Наиболее ярко и многогранно проявляется ведущая роль рабочего класса в период развитого социализма, в активной борьбе за подъем промышленного производства, широкое развитие социалистического соревнования, воспитании новых поколений рабочих, организации новых форм общественного творчества и т. д.

Высокий вклад в осуществление намеченной XXI—XXIV съездами КПСС программы коммунистического строительства вносит рабочий класс Узбекистана — один из осевых отрядов рабочего класса СССР. Изучение роста творческой активности его в период развитого социализма имеет большое научно-теоретическое и практическое значение.

Обобщение практики социалистического соревнования и иных форм творческой активности рабочего класса помогает раскрыть основные закономерности развития социализма, условия перерастания его в коммунизм. Исследование проблемы участия рабочих в борьбе за создание экономического фундамента коммунизма важно и с точки зрения воспитания подрастающего поколения.

Не следует забывать, что в условиях Узбекистана развитие промышленности служит мощным фактором вовлечения в общественное производство женщин, особенно местных национальностей, что имеет большое социально-политическое значение.

Обобщение опыта развития творческой деятельности рабочих Узбекистана представляет безусловный интерес для стран Азии и Африки, вставших на путь независимости и социального прогресса.

Наконец, обобщение конкретно-исторического опыта развития творческой активности рабочего класса способствует разоблачению домыслов буржуазных фальсификаторов советской действительности.

Период развитого социализма стал важным этапом в истории советского рабочего класса, его национальных отрядов и естественно, что история рабочего класса Узбекистана этого периода получила довольно широкое освещение в нашей литературе. Вопросы, связанные с изучением творческой активности рабочего класса на современном этапе, затронуты в работах многих исследователей³, в ряде сборников, материалах научных сессий⁴.

Заметно возросло внимание к изучению истории рабочего класса среднеазиатских республик, в том числе Узбекистана. Созданы многочисленные труды, в которых исследуются основные направления развития рабочего класса, его трудовая и политическая активность на современном этапе, ведущая роль в создании материально-технической базы коммунизма.

¹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 310.

² Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971, стр. 73.

³ См., напр.: А. Осипов, И. Коваленко, И. Е. Петров. Советский рабочий и автоматизация. Технический прогресс и подготовка рабочих кадров, М., 1960; Подъем культурно-технического уровня советского рабочего класса, М., 1961; Рабочий класс и технический прогресс. Исследование изменений в социальной структуре рабочего класса, М., 1965, и др.

⁴ См., напр.: «За глубокое изучение истории советского рабочего класса», Коммунист, 1959, № 8; Д. А. Баевский, С. Р. Гершберг, А. В. Митрофанова. Об изучении истории советского рабочего класса, Вопросы истории, 1959, № 12; А. А. Матюгин. Некоторые вопросы изучения истории советского рабочего класса, Вопросы истории, 1960, № 6; А. В. Митрофанова. Об основных этапах развития советского рабочего класса, в кн. «Научная сессия по истории советского рабочего класса», Л., 1959; С. Гершберг. Движение коллективов и ударников коммунистического труда, М., 1961; В. Дмитриенко, В. Лельчук, И. Остапенко, Л. Рогачевская. Цвет и гордость рабочего класса, М., 1962; Л. С. Рогачевская. Движение за коммунистический труд. История и проблемы, М., 1963; Движение за коммунистический труд в промышленности СССР (1958—1963 гг.). Сборник документов и материалов, М., 1965, и др.

В 1964—1966 гг. коллективом ученых Института истории и археологии АН УзССР (Р. Х. Аминова, К. А. Акилов, М. А. Ахунова, А. Ф. Яцышина, Л. Г. Тетенева, Д. К. Саламов, В. И. Шаповаленко) под редакцией акад. АН УзССР И. М. Муминова издана трехтомная «История рабочего класса Узбекистана (1917—1965 гг.)», авторы которой были удостоены Государственной премии Узбекской ССР им. Беруни. Для нас особый интерес представляет третий том, написанный Р. Х. Аминовой и А. Ф. Яцышиной⁵, где на обширном документальном материале показаны существенные изменения, происшедшие в составе рабочего класса республики за 1956—1965 гг., охарактеризована его творческая деятельность по превращению в жизнь задач социалистического и коммунистического строительства в исследуемый период.

Борьбе рабочего класса Узбекистана за осуществление семилетнего плана посвящены разделы «Борьба рабочего класса за превращение в жизнь решений XXI съезда КПСС», «Борьба рабочего класса за выполнение решений XXII съезда КПСС» (авторы Р. Х. Аминова, М. А. Ахунова) в «Очерках истории Узбекской ССР»⁶.

Участие рабочего класса республики в борьбе за выполнение семилетнего плана показано также во втором разделе четвертого тома «Истории Узбекской ССР»⁷.

Отдельные проблемы истории рабочего класса Узбекистана в 1959—1965 гг., его участие в техническом прогрессе, управлении производством раскрыты в монографии Л. Г. Тетеновой и других авторов⁸.

Полезный вклад в разработку данной проблемы внесла монография М. А. Ахуновой «Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.)»⁹, где приводятся интересные сведения по истории рабочего класса нашей республики, развитию движения за коммунистический труд и других форм социалистического соревнования, росту творческой инициативы передовиков производства.

Небезынтересны и исследования ряда других авторов¹⁰. Имеются также многочисленные брошюры¹¹, статьи в периодической печати¹² о жизни и труде передовых рабочих Узбекистана.

В преддверии 50-летия образования Узбекской ССР и Компартии Узбекистана были изданы новые коллективные труды, обобщающие историю республики, Коммунистической партии и рабочего класса Узбекистана¹³.

Историографический анализ свидетельствует о том, что нашими исследователями проделана уже значительная работа по изучению истории рабочего класса Узбекистана, но многие аспекты этой исключительно важной и многогранной проблемы ждут еще своего глубокого и всестороннего исследования.

Ф. Исхаков

⁵ История рабочего класса Узбекистана, т. III, Ташкент, 1966.

⁶ Очерки истории Узбекской ССР (1959—1965 гг.), Ташкент, 1966.

⁷ История Узбекской ССР, т. IV, Ташкент, 1968.

⁸ Л. Тетенева, А. Ибраимова, Л. Гольденберг, К. Муминов. Вклад трудящихся Узбекистана в создание материально-технической базы коммунизма, Ташкент, 1971.

⁹ М. А. Ахунова. Рабочий класс Узбекистана в период развитого социализма (1959—1973 гг.), Ташкент, 1974.

¹⁰ Т. Р. Абдушукуров. Закономерности и особенности культурно-технического роста рабочего класса Узбекистана, Ташкент, 1971; Н. Бекназаров. Развитие социалистического соревнования в Узбекистане, Ташкент, 1970; И. Искандеров. Проблемы развития текстильной промышленности в Узбекистане, Ташкент, 1969; В. Кудряков. За подъем народного хозяйства, Ташкент, 1969; К. К. Касымов. Деятельность Компартии Узбекистана по развитию текстильной промышленности, Ташкент, 1974.

¹¹ См., напр.: Л. К. Грошева, И. М. Вайнер. Опыт работы А. И. Лобановой — ровничницы Ферганского текстильного комбината им. Ф. Э. Дзержинского, Ташкент, 1968; А. Н. Кудимов. Опержая время, Ташкент, 1961; Мархамат Юлдашева (Герой Социалистического Труда, ткачиха, депутат Ташкентского городского Совета. Биография), в кн. «Новаторы», М., 1972, и др.

¹² См., напр.: Б. Александров. Наставник молодежи (о старейшем работнике Ташкентского текстильного комбината А. И. Туркове), Экономика и жизнь, 1972, № 12; Л. Белов. Трудный шаг (о Герое Социалистического Труда ткачихе М. Юлдашевой). Очерк, Звезда Востока, 1972, № 6; А. Викторов. Счастье семьи Дильбар Тохтахаевой, Партийная жизнь, Ташкент, 1964, № 6, и мн. др.

¹³ Очерки истории Коммунистической партии Узбекистана, Ташкент, 1974; История Узбекской ССР, Ташкент, 1974; История рабочего класса Советского Узбекистана, Ташкент, 1974, и др.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ СОВЕТОВ УЗБЕКИСТАНА

Историография Советского Узбекистана пополнилась новым исследованием — книгой доктора ист. наук Д. Алламурадова, посвященной историческому опыту Советов нашей республики в борьбе за победу социализма¹.

Общезвестна актуальность изучения и обобщения опыта строительства социализма на Советском Востоке, внутренняя и международная значимость этой проблемы. С каждым годом усиливается интерес к изучению и осмысливанию исторического опыта и многогранной деятельности Советов в борьбе за построение социализма в СССР, в частности в Узбекистане. Соответственно возрастают и требования к качеству научных публикаций. Подходя с этих позиций к монографии Д. Алламурадова, следует отметить, что автор в целом справился с освещением основных вопросов изучаемой проблемы.

Исследование написано на серьезной источниковедческой базе, структурно целостно; логически оправданы выводы и заключения, к которым приходит автор в результате анализа и обобщения огромного фактического материала (в значительной мере архивного), большая часть которого впервые введена в научный оборот.

Хронологически монография охватывает историю деятельности Советов Узбекистана в 20—30-х годах. При этом подробно рассмотрены опыт борьбы Советов республики за восстановление народного хозяйства (1921—1927 гг.), их вклад в построение фундамента социалистической экономики (1928—1932 гг.) и последующая деятельность в период победы социализма (1933—1937 гг.).

В работе подчеркивается, что Советы с первых же дней своей организации выступили как органы союза пролетариата и трудового крестьянства Средней Азии. Вызывает интерес попытка автора проследить динамику национального и социального состава местных Советов ТАССР.

При анализе практической работы Советов на всех участках экономической, политической и культурной жизни Туркестана восстановительного периода наглядно показано, что ведущая роль их в строительстве социалистического общества осуществлялась под руководством Коммунистической партии, в строгом соответствии с конституционными нормами и решениями директивных партийных органов.

Автор показывает разносторонний характер деятельности Советов, постепенное улучшение ее вместе с совершенствованием самого советского аппарата, его организационной структуры, количественным и качественным ростом советского актива, укреплением живых связей Советов с массами. Этому во многом способствовали кампании по выборам в Советы, подробно освещенные в работе.

С интересом читается материал о формах организационно-массовой и агитационно-политической работы Советов, позволивших мобилизовать трудящихся республики на успешное осуществление задач национально-государственного строительства, развитие и социалистическое преобразование экономики и культуры.

Автор подробно характеризует трудности в работе Советов, особенно в первые годы социалистического строительства, пути и средства их преодоления.

Деятельность Советов республики рассматривается в монографии как органическая часть деятельности Советов всей страны, внесших под руководством Коммунистической партии неоценимый вклад в реализацию ленинского плана построения социализма.

Широко представлен материал о роли Советов Узбекистана в создании фундамента социалистической экономики (1928—1932 гг.). Здесь анализируются различные формы и методы работы Советов республики по выполнению задач социалистической

¹ Д. Алламурадов. Исторический опыт Советов Узбекистана в борьбе за победу социализма, Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1974, 181 стр.

индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, осуществлению культурной революции. На конкретном материале прослеживаются организационное укрепление Советов, качественное улучшение их социального состава, что способствовало дальнейшему оживлению всей деятельности Советов, расширению их связи с массами.

Все это, помноженное на богатый опыт, накопленный Советами в предшествующий период, позволило направить энергию трудящихся Узбекистана на успешное выполнение задач второго пятилетнего плана, победу социализма.

Деятельность Советов в эти годы характеризуется прежде всего борьбой за подъем промышленности и социалистическую реконструкцию городов УзССР, упрочение колхозного строя и обеспечение хлопковой независимости страны, осуществление культурной революции. В период победы социализма (1933—1937 гг.) происходит дальнейшее совершенствование работы Советов, усиливается партийное руководство их деятельностью. Все это способствовало успеху строительства социализма, величественные итоги которого были закреплены в Советской Конституции 1936 г.

Красной нитью проходит через всю монографию мысль о диалектической взаимосвязи между Советами как самой массовой формой организации трудящихся и осуществлявшимся при их всестороннем участии социалистическим строительством.

Автор убедительно показывает, что советская форма организации государства — самая демократическая форма подлинного народовластия, и именно этим во многом был обеспечен успех грандиозных революционных преобразований в Узбекистане, исторический переход его к социализму, минуя мучительную капиталистическую стадию развития. Приводимый в книге материал наглядно свидетельствует о торжестве ленинской теории некапиталистического пути ранее отсталых народов к социализму, о том, что «идея советской организации проста и может быть применима не только к пролетариям, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям»².

Следует подчеркнуть также большое внимание автора к такой важной сфере деятельности Советов Узбекистана, как юридическое и фактическое расширение женских коренных национальностей, широкое вовлечение тружениц города и села в активную хозяйственную, общественно-политическую жизнь, в борьбу за победу социализма.

Рожденные социалистической революцией, созданные волею трудового народа под руководством ленинской партии коммунистов. Советы Узбекистана выдержали проверку самым суровым критерием — критерием времени: взяв власть в свои руки в октябре 1917 г., они выстояли в суровой борьбе с внутренней и внешней контрреволюцией, мобилизовали широчайшие массы коренных национальностей на построение социализма.

Сегодня, когда завершается распад колониальной системы империализма, взоры народов молодых независимых стран Азии, Африки, Латинской Америки прикованы к республикам Советской Средней Азии, где впервые в мировой истории Востока успешно построено социалистическое общество. Этим и определяется растущее международное значение исторического опыта Советов Узбекистана в строительстве новой жизни.

Д. Алламурадов своей монографией еще раз подтвердил всю важность и плодотворность глубокой разработки проблем советского строительства не только нашими юристами-государствоведами, но и историками.

В то же время хотелось бы высказать автору несколько замечаний и пожеланий. В частности, следовало шире показать зарождение Советов в Узбекистане, их роль в победе над силами внешней и внутренней контрреволюции. Можно было уделить больше внимания советизации узбекского кишлака, еще шире раскрыть разностороннюю деятельность местных Советов по выполнению ответственных задач социалистической индустриализации, коллективизации сельского хозяйства, культурной революции, идейно-политическому воспитанию трудящихся. В работе недостаточно широко показана деятельность отдельных видных советских работников. Во введении можно было дать более глубокое научное обоснование темы, подробнее остановиться на историографии вопроса. Целесообразно было углубить и характеристику международного значения исторического опыта Советов Узбекистана в строительстве социализма.

Но при всех этих замечаниях надо признать, что Д. Алламурадов своим исследованием внес несомненный вклад в историографию актуальной проблемы истории советского строительства и победы социализма в Узбекистане.

Р. Х. Аминова, Р. Г. Рабич

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 245.

В БОРЬБЕ ЗА ВОССТАНОВЛЕНИЕ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА УЗБЕКИСТАНА (1921—1925)

В истории Советского государства есть этапы, составившие целую эпоху в жизни страны. Одним из них было восстановление народного хозяйства молодой Республики Советов (1921—1925 гг.) после огромного ущерба, нанесенного ей империалистической, а затем гражданской войной и иностранной военной интервенцией. Несмотря на сравнительную давность событий этого периода и его относительную разработанность в трудах ряда советских историков, многие аспекты борьбы партии и народа за восстановление народного хозяйства Узбекистана, его переход к социализму, минуя капиталистическую стадию развития, освещены еще недостаточно; отсутствуют капитальные труды, посвященные этой проблеме в целом.

Этот пробел во многом восполняет вышедшая недавно книга Р. Х. Каримова¹ — обстоятельное исследование трудной и сложной борьбы Коммунистической партии и трудящихся республики за новую жизнь, ликвидацию вековой отсталости, создание необходимых политических, социально-экономических и культурных условий для перехода к социализму.

В работе последовательно показаны начальный этап восстановления народного хозяйства в Узбекистане — переход к нэпу, разгром басмачества, восстановление промышленности и хлопководства, развитие торговли и кооперативного строительства, партийное, государственное и культурное строительство в исследуемые годы, роль и значение национально-государственного размежевания Средней Азии и образование Узбекской ССР.

Годы восстановительного периода стали временем новой экономической политики, намеченной ленинским гением, историческими решениями X съезда РКП(б). Переход к нэпу в Узбекистане, как показывает автор, имел ряд особенностей по сравнению с центральными районами страны. Прежде всего они определялись общей отсталостью края, сохранением сложившихся веками феодальных устоев. Узбекистан совершал переход к социализму, минуя капиталистический путь развития. Этот переход осуществлялся под руководством российского пролетариата и его партии, при активной поддержке трудовых масс коренных национальностей бывшего колониального Туркестана, а также Бухары и Хорезма.

Другими особенностями Узбекистана того времени были огромное влияние религии на широкие массы, почти поголовная неграмотность населения, крайняя заботливость и неравноправное положение женщины в семье и обществе. Немаловажную особенность составляли остатки былого колониализма, наличие довольно многочисленных эксплуататоров — ростовщиков и кулаков — из числа переселенцев. Проведение нэпа и осуществление земельной реформы должны были привести к ликвидации остатков колониализма в деревне.

Необходимо было выполнить указания В. И. Ленина, данные им в письме «Товарищам коммунистам Туркестана», об установлении товарищеских отношений с народами края и «доказать им делами искренность нашего желания искоренить следы империализма великорусского»².

Все эти особенности подробно охарактеризованы в рецензируемой монографии. Вместе с тем автор показывает, что наряду с особенностями, усугублявшими трудности проведения политики ленинской партии в Узбекистане, существовали и оказывали решающее воздействие на ход событий факторы, содействовавшие успешному решению поставленных задач. Это — твердая решимость передовых сил республики, активно поддерживавших Советскую власть в годы гражданской войны, покончить с вековой отсталостью и с помощью российского пролетариата построить социализм; мудрая ленинская политика партии по национальному вопросу, сплотившая народы вокруг Советской власти; наличие к тому времени довольно опытной и организованной силы — партийных организаций Туркестана, Бухары, Хорезма, которые под руководством ленинского ЦК РКП(б) возглавили борьбу за проведение нэпа и построение социализма.

Автор правильно подчеркивает, что «директивы ЦК РКП(б) направляли и облегчали осуществление нэпа в конкретных условиях Туркестана и указывали пути ликвидации былого межнационального недоверия, являясь средством укрепления союза русского пролетариата с широкими трудящимися массами Туркестана» (стр. 11).

В книге в неразрывной связи с обстановкой во всей стране дан анализ положения на Советском Востоке накануне введения нэпа — экономическая разруха, нарушение традиционных товарно-обменных связей между Туркестаном и Центром и др. Тяжелое хозяйственное положение Туркестана усугублялось антипартийной деятель-

¹ Р. Х. Каримов. Узбекистан в период восстановления народного хозяйства СССР (1921—1925 гг.), Ташкент, Изд-во «Узбекистан», 1974, 200 стр.

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 304.

ностью великодержавных шовинистов и буржуазных националистов. Обстановка в крае еще более осложнялась активизацией басмачества.

Введение изла коренным образом изменило положение, укрепило смычку города с деревней, союз рабочих и крестьян, диктатуру пролетариата. Замена продразверстки натуральным налогом, наряду с военными мерами, нанесла серьезный удар по басмачеству, помогла укрепить здесь Советскую власть, привлечь на ее сторону широкие массы дехканства, провести в острой борьбе с кулацко-байскими элементами земельную реформу в целях искоренения наследия колониально-феодалного прошлого.

Одно из существенных достоинств монографии — показ выдающейся роли В. И. Ленина, ЦК РКП(б), Советского правительства в укреплении Советской власти в Узбекистане, оказании активной поддержки и помощи партийным и советским органам республики в восстановлении и развитии экономики и культуры, идейном воспитании кадров.

Шаг за шагом в монографии прослеживается сложный процесс восстановления и развития народного хозяйства Узбекистана, исследуется опыт партийных и советских органов в проведении изла, показаны ошибки, недостатки, связанные с малочисленностью и молодостью местных кадров.

Большое внимание автор уделяет анализу деятельности ТуркЭКОСО, положительной роли мероприятий партии по перестройке хозяйственно-политической жизни Узбекистана на основе изла.

Значительное место в монографии занимает исследование хода восстановления сельского хозяйства, особенно хлопководства, и его основы — ирригации, образования и деятельности организации тылового дехканства — Союза «Кошчи». Автор подчеркивает, что «трудящиеся республики с удовлетворением восприняли начало возрождения хозяйственной жизни, целиком поддерживали политику Коммунистической партии» (стр. 55).

Специальный раздел книги посвящен борьбе партии и Советской власти против басмачества, феодально-байской и буржуазной идеологии. Автор дал правильную характеристику классовой сущности басмачества, вскрыл причины его активизации в то время, но, к сожалению, этому важному разделу уделено слишком мало места (15 страниц), и он страдает описательностью. В монографии обстоятельно показаны всемирно-историческое значение ленинской национальной политики Коммунистической партии, огромное влияние образования СССР на судьбы среднеазиатских народов, консолидацию их в социалистические нации, развитие социалистической государственности и создание советских национальных республик в Средней Азии.

В работе последовательно освещены процесс восстановления и развития промышленности Узбекистана, ее социалистическое преобразование, осуществление в республике ленинского плана ГОЭЛРО, рост трудовой и общественно-политической активности дехканских масс, усиление кооперативного движения.

Большое место в книге занимает характеристика громадной работы партии и правительства во главе с В. И. Лениным по восстановлению и развитию хлопководства и водного хозяйства республики.

Специальный раздел второй главы посвящен укреплению финансового хозяйства, совершенствованию налоговой политики, развитию торговли, установлению и укреплению непосредственных экономических связей между промышленностью и сельским хозяйством, смычки города и деревни.

Автор справедливо отмечает, что в годы восстановительного периода Компартия Туркестана добилась существенных результатов в подъеме благосостояния трудящихся, упорядочении заработной платы (стр. 142).

В третьей главе подробно исследуются вопросы укрепления национальной советской государственности, партийного и советского строительства, фактического раскрепощения женщин, возрождения и социалистического преобразования культуры народов Узбекистана.

Специальный раздел посвящен национально-государственному размежеванию в Средней Азии и образованию Узбекской ССР.

Большим достоинством монографии являются анализ состояния партийной и советской работы в республике, показ организационного укрепления Компартии Туркестана, Бухары, Хорезма.

В последнем разделе главы подводятся итоги восстановительного периода в Узбекистане. В заключении сделаны общие выводы по исследуемой теме.

Работе Р. Х. Каримова присущи и определенные недостатки. Во вступительной части книги следовало обосновать хронологические рамки восстановительного периода в Узбекистане. Вызывают возражение наименования некоторых разделов. Вопросы национально-государственного размежевания в Средней Азии надо было выделить в особую главу, показав в ней трудности проведения размежевания и его историческое значение.

В ряде разделов не упоминаются фамилии конкретных деятелей и организаторов социалистического строительства в Узбекистане. Автор пытался сделать это в разде-

ле о раскрепощении женщин, но слишком скупю. Как известно, видными организаторами женского движения в Узбекистане были Т. Ибрагимова, Ж. Абидова, Р. Насырова, И. Финкельштейн, А. Ахметович и др. В Узбекистане в годы восстановления народного хозяйства работали многие выдающиеся партийные и советские деятели, верные ленинцы, и о них следовало сказать в монографии.

Несмотря на отмеченные недостатки, монография Р. Каримова являет собой определенный вклад в историческую науку. Автор ввел в научный оборот ранее не использованные источники, по-новому изложил ряд принципиальных вопросов восстановительного периода в Узбекистане. Исследование Р. Х. Каримова весьма актуально и тесно увязано с современностью. В нем запечатлены героические традиции трудящихся Узбекистана, сумевших в нерасторжимой дружбе с другими народами СССР преодолеть неимоверные трудности и выйти под руководством ленинской партии на широкую дорогу строительства социализма.

Д. И. Сойфер, М. Пулатова

ПОЛЕЗНЫЙ ВКЛАД В ЭТНОГРАФИЮ УЗБЕКСКОГО НАРОДА

Исследование проблем этнической истории народов составляет одно из основных направлений советской этнографической науки. Эти проблемы в течение ряда лет успешно разрабатываются и в Узбекистане.

Известно, что в этногенезе узбеков участвовали различные племена и народы древности и средневековья. Основу их этногенеза составили древние жители среднеазиатского Междуречья и Хорезма (саки, массагеты, согдийцы, хорезмийцы и др.). В этом процессе, помимо коренного оседлого тюркоязычного населения, участвовали кянглы, усунь (уйшун), карлуки, узы и др.

Одной из этнографических групп, вошедших в состав узбекского народа, были кипчаки, принимавшие участие и в формировании многих других тюркоязычных народов — казахов, киргизов, каракалпаков, туркмен, татар, башкир, алтайцев и некоторых народностей Северного Кавказа (ногайцев, калмыков, карачаевцев и др.). Вышедшая недавно монография К. Ш. Шаниязова¹ посвящена кипчакскому компоненту, сыгравшему заметную роль в этнической истории узбекского народа. Здесь освещаются происхождение, расселение, основные этапы этнической истории кипчаков, пути интеграции их с узбекской народностью в дореволюционный период, завершившейся в годы Советской власти слиянием их в единую узбекскую социалистическую нацию.

Основными источниками этнографических сведений автору послужили полевые материалы, собранные опросным путем, и результаты личных наблюдений в процессе экспедиционных работ 1961—1971 гг. Широко привлечены также многочисленные исторические, археологические, лингвистические, антропологические, фольклорные и другие источники и литература, обзор которых дан в обширном введении (стр. 9—41).

Первая (вводная) глава монографии посвящена этнической истории древних и средневековых кипчаков. Автор, основательно изучив этот вопрос по имеющимся источникам, показал, что в X—начале XIII вв. кипчаки играли большую роль в политической жизни Восточной Европы, степей Казахстана и Средней Азии. Их объединения вели непрерывные войны, захватывая чужие территории и обесценивая свое скотоводческое хозяйство лучшими пастбищами. Автор убедительно доказывает, что грабительские набеги кочевников на соседние племена и народы служили средством обогащения феодальной знати.

Как видно из приводимого материала (стр. 60—61), этнический состав кипчакских объединений того времени был весьма пестрым. В них входили остатки некоторых прежних этно-политических объединений (печенеги, кянглы, кимаки, огузы, узы и др.), в том числе и нетюркские элементы (например, угро-финские). Многие из них в течение X—XII вв. постепенно слились с кипчаками или находились в зависимости от них.

Автор пишет, что поскольку указанные объединения были под властью правящей группировки кипчаков, то в «русской летописи и в сочинениях арабо-персидских авторов все эти объединения нередко названы общим именем половцы или кипчаки. Таким образом, термин «половцы» (для Восточной Европы) и «кипчаки» (для восточного Дешт-и-кипчака) выступает (в середине XI — начале XIII вв.) как собирательное политическое наименование многочисленных племен и племенных объединений обширной степи Дешт-и-кипчака».

В XIII — начале XIV вв., как справедливо отмечается в рецензируемой монографии, происходят бурные политические события и активные межплеменные взаимодействия

¹ К. Ш. Шаниязов. К этнической истории узбекского народа, Ташкент, Изд-во «Фан» УзССР, 1974, 342 стр.

ствия кочевников Дешт-и-кипчака, вызывавшие периодические распады и образование новых племенных объединений. Это привело к серьезным изменениям в составе различных племен и племенных союзов, в том числе кипчаков, ставших важным компонентом, а иногда и этнической основой формирования многих народностей.

Автор аргументировано показывает (стр. 336—337), что в этногенезе узбеков X—XVI вв. участвовали две группы кипчаков: восточная (или присырдарьинская), которая была в контакте с населением Мавераннахра и Хорезма еще в X—XI вв., и западная (или восточноевропейская), которая вошла в этническую сферу узбеков в конце XIV в., а отчасти в XV—XVI вв., составив, наряду с другими родоплеменными объединениями наиболее поздний компонент в этногенезе узбекского народа.

В конце XVII — начале XVIII в. в связи с нашествием джунгар на территорию нынешнего Узбекистана переселяется новая волна кипчаков. Здесь они под влиянием земледельческого населения постепенно изменяют кочевой образ жизни, переходя к оседлости и полуседлости. Часть их вплоть до конца XIX — начала XX в. продолжала вести полуседлое хозяйство, сохраняя родоплеменную структуру и некоторые особенности быта. В дальнейшем, за годы социалистического строительства, по мере консолидации узбекской социалистической нации, бывшая обособленность кипчаков исчезает и прочно устанавливается их самосознание как узбеков.

Во второй главе монографии «Кипчаки в составе узбеков (XIX—начало XX в.)» говорится о численности и расселении кипчаков на территории Узбекистана в конце XIX — начале XX в., их родоплеменном делении и некоторых параллелях в родоплеменном делении кипчаков и других узбекских племен, а также каракалпаков, казахов, киргизов и др.

Анализируя имеющийся в его распоряжении материал, автор приходит к выводу (стр. 156), что кипчаки в указанный период представляли собой конгломерат части различных родов, племен, племенных объединений. В их составе прослеживаются древние и средневековые элементы, принадлежавшие разным этническим общностям.

В третьей главе «Хозяйство» подробно освещаются вопросы хозяйственного уклада кипчаков: земельные отношения и система налогового гнета, земледелие, водопользование, скотоводство, домашние промыслы и ремесла.

На основе глубокого анализа этнографических материалов автор констатирует (стр. 213—215), что в конце XIX — начале XX в. основную массу кипчаков Узбекистана составляли оседлые земледельцы. Они успешно освоили технику и способы возделывания различных сельскохозяйственных культур. Переход к оседлости, изменения хозяйственной жизни привели к существенным сдвигам в их производственном, общественном и семейном быту, а также в духовной культуре. Замена одного уклада хозяйства другим происходила постепенно, под влиянием и в процессе тесного взаимодействия с оседлым земледельческим населением оазисов. От последнего кипчаки переняли не только технику и приемы возделывания сельскохозяйственных культур, но и всякого рода обычаи и обряды, связанные с земледелием и орошением. Автор правильно отмечает, что процесс этнической консолидации был связан с хозяйственной деятельностью, экономической жизнью отдельных групп узбекского народа. С проникновением капиталистических отношений процесс консолидации узбекской нации несколько ускорился, но вплоть до Октябрьской революции он не был завершен. Этому препятствовала, наряду с другими причинами, экономическая отсталость дореволюционного Узбекистана, в частности незавершенность перехода в прошлом полуседлых групп узбеков, в том числе кипчаков, к оседлости.

В четвертой главе «Материальная культура» дается подробный анализ поселений, жилища и предметов домашнего обихода, одежды, пищи кипчаков. Автор правильно отмечает, что эти элементы материальной культуры кипчаков, как и других родо-племенных групп узбеков, под влиянием оседлого земледельческого населения в конце XIX — начале XX в. также утратили некоторые черты племенной специфики и обрели облик общеузбекской материальной культуры (стр. 281—282).

О классовой дифференциации населения кипчацких кишлаков К. Ш. Шаниязов пишет много в разных главах монографии, учитывая социальные группировки крестьянства при характеристике хозяйства, жилища, одежды и др. Этому вопросу посвящена в значительной мере и пятая глава «Общественные и семейные отношения». Здесь автор специально останавливается на вопросах социальной структуры и формах эксплуатации, пережитках родо-племенного быта, проблемах семьи и брака, некоторых пережитках домуслыманских верований, играх и увеселениях. На основе анализа исторических источников, литературы, этнографических материалов исследователь показывает, что для кипчаков, как и других групп узбеков, до революции были характерны патриархально-феодалные отношения. Хотя у них существовали и пережиточные формы некоторых общинных институтов, в основном соблюдались лишь внешние атрибуты общинного самоуправления. Фактически всеми делами управляла зажиточная верхушка, бан, которые жестоко эксплуатировали своих сородичей в качестве наемных работников и издольщиков-чайринеров, этимов, навча, карал, кошчи и др. (стр. 284—293). Кипчацкие феодалы часто использовали в своеко-

рыстных целях такие формы традиционной общинной взаимопомощи односельчан, как «хашар», «тегиш» и др.

В работе отмечен ряд пережитков древних форм социального строя в общественной жизни кипчаков, как сохранение рода, племени, общего собрания и др. Но, как справедливо указывает автор, «в условиях глубокого социального неравенства эти древние черты демократизма были лишь внешней традиционной формой общественного быта. В действительности родовой группой управляли полновластно предшественники ее эксплуататорской верхушки» (стр. 300).

Автор подробно останавливается и на семейно-брачных отношениях, обрядах и церемониях, связанных с рождением и браком. В работе отмечается (стр. 334—335), что брак у узбеков, в том числе кипчаков, в дореволюционном прошлом был эндогамным, хотя бытовали и пережитки экзогамного брака (кросс-кузенный брак, левират, сорорат). Автор правильно указывает, что в годы Советской власти левират и сорорат утратили свое социальное и экономическое значение и исчезли. «Пережитки эндогамии, как и другие реликты родовых обычаев, постепенно изживаются и обречены на полное исчезновение, поскольку противоречат устоям и принципам новых форм брака и советской семьи».

Специальный раздел главы (стр. 326—330) посвящен некоторым пережиткам домусульманских верований. Автор замечает, что наряду с официальной религией — исламом — в общественном быту кипчаков сохранялись известные пережитки доисламских верований, особенно шаманизма, которые в тесном переплетении с исламом продолжали бытовать вплоть до начала XX в. Носители первобытной религии (бахши, кушноч), а также гадальщики, знахари, пользуясь неграмотностью населения, обманывали народ и тормозили развитие культурной жизни общества.

Представляет интерес и описание традиционных игр и увеселений кипчаков (стр. 330—334).

Рецензируемая работа не лишена отдельных недостатков и упущений. Не все стороны общественных и семейных отношений кипчаков дореволюционного периода освещены одинаково глубоко и подробно. В частности, очень мало места уделяется пережиткам доисламских верований. Почти ничего не говорится о таких пережитках, как традиционные мужские товарищества и периодические сборища («тукма», «жура», «гап», «йигин» и др.).

Следовало бы несколько сократить историческую часть за счет описания западных групп кипчаков и расширить сведения (с привлечением дополнительных данных из источников) об их восточной группе.

Недостаточно представлен иллюстративный материал. Можно было бы улучшить качество имеющихся иллюстраций (рис. 3, 16, 22). В тексте имеются некоторые опечатки. В книге хотелось бы увидеть в виде приложения карту расселения кипчаков в конце XIX — начале XX в.

В целом же автор поднял большой материал, подверг его всестороннему научному анализу и тем самым внес полезный вклад в исследование этнографии народов Средней Азии, особенно узбекского народа.

Х. Зияев, А. Аскарлов, Ф. Арипов

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ,
ПОСВЯЩЕННАЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ГОДУ ЖЕНЩИНЫ

По решению XXVII сессии Генеральной Ассамблеи ООН, нынешний год отмечается во всех странах мира как Международный год женщины. Этой знаменательной дате была посвящена состоявшаяся 29—30 мая 1975 г. в Институте востоковедения им. Абу Райхана Беруни АН УзССР научная конференция, на которой присутствовали сотрудники академических Институты востоковедения, философии и права, истории, а также представители общественности столицы республики. В конференции приняли участие члены Республиканской комиссии по проведению Международного года женщины, работники Ташкентского обкома КПУз, члены редакции общественно-политического журнала для женщин «Саодат» («Счастье»), представители радио и телевидения.

Всего было заслушано 18 докладов по различным вопросам положения женщин в странах зарубежного Востока.

Первой с докладом «1975 год — Международный год женщины» выступила директор Института востоковедения, доктор ист. наук С. А. Азизджанова. Она отметила, что в наше время женщины производят более трети материальных и духовных ценностей человечества. Они — могучая сила, играющая огромную роль в революционных процессах, национально-освободительном движении, борьбе народов за мир и социальный прогресс. С. А. Азизджанова подробно остановилась на положении женщины в мире капитала, где они подвергаются всякого рода дискриминации, рассказала о борьбе женщин за улучшение условий их труда и жизни, ознакомила слушателей с интересными фактами о проведении Международного года женщины за рубежом.

Затем был заслушан доклад канд. ист. наук Л. В. Валиевой «Женское движение в Иране на современном этапе», в котором охарактеризованы этапы развития женского движения в Иране, показаны трудности, связанные с вовлечением женщин в различные сферы общественно-политической жизни этой страны.

«Женщины Индостана в борьбе за мир и социальный прогресс» — так назывался доклад канд. ист. наук Ф. С. Салимовой. Докладчик рассказала о том, как женщины Индии, Пакистана, Бангладеш вовлекаются в русло важнейших исторических событий, происходящих в этих странах, как проводится там Международный год женщины.

Доклад канд. ист. наук М. Юнусходжаевой был посвящен женщинам Афганистана, все активнее участвующим в промышленной и общественной жизни страны.

Тяжелой доле женщин Саудовской Аравии посвятила свое выступление научный сотрудник ИВ АН УзССР Ю. С. Азизова. О состоянии женского образования в Пакистане рассказала канд. ист. наук Ф. Г. Волохонская.

Деятельность женщин-ученых Института востоковедения АН УзССР была отражена в докладе канд. ист. наук А. Ш. Шамансуровой.

Канд. филол. наук М. Д. Яукачева подготовила доклад на тему: «Женские образы в современной персидской поэзии». Автор показала, что женский вопрос, проблемы социально-экономического положения женщин глубоко волнуют все слои иранского народа, и писатели, поэты, литераторы не остаются в стороне от решения этой важной социальной проблемы.

Как бы продолжением доклада М. Д. Яукачевой явились выступления научного сотрудника ИВ АН УзССР Л. Солуяновой, рассказавшей об эволюции женского образа в творчестве современной иранской поэтессы Жале, а также содержательный доклад канд. филол. наук Р. Н. Джалиловой «Женская тема в творчестве иранского поэта Бахара».

Участники конференции заслушали также доклады канд. филол. наук Е. А. Поляковой «Некоторые сведения о женщинах в средневековых хрониках Востока», научного сотрудника ИВ АН УзССР Г. Астановой — «Документы Бухарского ханства

о положении женщин (хатт-ъ-и-даво) конца XIX—начала XX в.», научного сотрудника ИВ АН УзССР Л. Поляковой — «Законодательные акты, принятые правительствами развивающихся стран Востока по улучшению социально-экономического положения женщин», научного сотрудника ИВ АН УзССР М. Акмаловой «Женская проблема в современной арабской литературе (АРЕ, Сирия, Ирак)».

Доклады канд. филол. наук С. Н. Ермаковой — «Женские образы в творчестве индийской писательницы С. К. Чоухан», канд. ист. наук П. Расульзаде — «Участие женщины в развитии советско-индийских отношений», канд. филол. наук Х. Бабаджановой — «Женские образы в произведениях индийского писателя Илочандра Джоши», канд. филол. наук Л. В. Еремян — «Вклад Амриты Шер-Гил в развитие современного изобразительного искусства Индии» были посвящены женщинам дружественной нам Республики Индии.

Конференция прошла на должном научно-теоретическом уровне и еще раз свидетельствовала о большом внимании наших ученых к проблемам положения женщины на зарубежном Востоке. Участники конференции высказались за издание ее материалов отдельным сборником.

Ф. Салимова

МАХКАМ АБДУРАИМОВИЧ АБДУРАИМОВ (1916—1975)
--

12 июня 1975 г. после тяжелой и продолжительной болезни скончался заведующий сектором позднего феодализма в Узбекистане Института истории АН УзССР, доктор исторических наук М. А. Абдураимов.

М. А. Абдураимов родился в декабре 1916 г. в семье крестьянина-бедняка. Член КПСС с 1940 г.

Научная и преподавательская деятельность М. А. Абдураимова началась по окончании им в 1940 г. исторического факультета Ташкентского государственного педагогического института им. Низами.

Перу М. А. Абдураимова принадлежит ряд книг и статей по истории феодализма в Средней Азии, в том числе на территории Бухарского ханства («Вопросы феодального землевладения и феодальной ренты в письмах эмира Хайдара», «Очерки аграрных отношений в Бухарском ханстве в XVI — первой половине XIX века» и др.).

М. А. Абдураимов — участник Великой Отечественной войны. Был награжден орденами и медалями.

В последние годы жизни М. А. Абдураимов работал над изучением и подготовкой к печати документов из архивного фонда бухарского кушбеги.

Группа товарищей

МУНДАРИЖА

Халқаро хотин-қизлар йили муносабати билан

М. Охунова, Р. Убайдуллаева. Ўзбекистон хотин-қизлари Халқаро хотин-қизлар йили олдидан	3
М. Алимов. Пахта тозалаш саноатида корхоналар реконструкциясини оптималлаш масаласини иқтисодий-математик моделини ишлаб чиқаришга доир	9
К. Файзиёва, С. Холпоева. Нормативларнинг автоматлашган системасини яратиш ва маҳсулотга бўлган эҳтиёжини аниқлаш	15
Ш. Абдуллаев. Ўзбекистон Совет-Чехословакия маданий ҳамкорлигида	19

М. А. Шолохов таваллудининг 70 йиллигига

М. Қ. Нурмуҳамедов. Шолохов ҳақида сўз	24
М. Расули. Атоқли совет ёзувчиси	27
Х. Еқубов. М. Шолохов ва ўзбек адабиёти	30

Фаробийнинг 1100 йиллигига

А. Ирисов. Ибн Халлиқон Фаробий ҳақида	32
--	----

Илмий ахборот

П. С. Маргулис. Товар етказиб беришда корхоналарнинг ҳисоб-китоб муносабатлари ҳақидаги қонуний такомиллаштириш	40
С. А. Алиев. Меҳнат жасорати — шахсни тарбиялаш омили	43
С. Воҳидова. Ўзбекистон колхозчи деҳқонларининг маданий-техника савиясини ошириш	45
И. Муртазов. Ўзбекистон ҳунар-техника таълими системасида саккизинчи беш йилликда қишлоқ хўжалик кадрлари тайёрлаш ҳақида	47
М. Жўраев. Ўзбекистон қишлоқ хўжалигини техника билан қайта қуролантириш тарихида (1933—1941).	49
Б. Эшонов. Революциядан илгариги Туркистонда шахсий мулк ҳуқуқи масаласига доир	52
Х. Алиқулов. Мажид Хавофий ва унинг «Равозати худд» рисоласи	55
Ш. Р. Пидеев. Мирзакултепадан топилган Кушан даври сопол идишлари	59
С. А. Абдалиева. Иборавий бўлинмайдиган рема инфодасининг интонация воқитлари (Инглиз тили материали асосида).	63

Историография

Б. В. Лунин. Ўзбекистонда историографик тадқиқотлар: дастлабки натижалар, ҳозирги аҳвол, вазифалар	69
Ф. Исҳоқов. Ривожланган социализм даврида Ўзбекистон ишчилар синфининг ижодий активлигини тадқиқ қилиш проблемасига доир	77

Танқид ва тақриз

Р. Ҳ. Аминова, Р. Г. Рабиш. Совет Ўзбекистонининг тарихий тажрибаси. Д. И. Соيفер, М. Пўлатова. Ўзбекистон халқ хўжалигини тиклаш учун курашда (1921—1925)	80
Ҳ. Зиёев, А. Асқаров, Ф. Орипов. Ўзбек халқи этнографиясига қўшилган фойдали ҳисса	84

Илмий ҳаёт хроникаси

Ф. Салимова. Халқаро хотин-қизлар йилдига бағишланган илмий конференция	87
<u>Маҳкам Абдураимович Абдураимов (1916—1975)</u>	89

СОДЕРЖАНИЕ

К Международному году женщины

М. Ахунова, Р. Убайдуллаева. Женщины Узбекистана навстречу Международному году женщины	3
М. Алимов. К разработке экономико-математической модели задачи оптимизации реконструкции предприятий в хлопчатобумажной промышленности. К. Файзиева, С. Халпаева. О создании автоматизированной системы нормативов и определения потребностей в продукции	9
Ш. Абдуллаев. Узбекистан в советско-чехословацком культурном сотрудничестве	15
	19

К 70-летию со дня рождения М. А. Шолохова

М. К. Нурмухамедов. Слово о Шолохове	24
М. Расули. Выдающийся советский писатель	27
Х. Якубов. М. Шолохов и узбекская литература	30

К 1100-летию Фараби

А. Ирисов. Ибн Халликон о Фараби	32
--	----

Научные сообщения

П. С. Маргулис. Совершенствование законодательства о расчетных отношениях предприятий при поставках товаров	40
С. А. Алиев. Трудовой подвиг как фактор воспитания личности	43
С. Вахидова. Подъем культурно-технического уровня колхозного крестьянства Узбекистана	45
И. Муртазев. О подготовке кадров сельского хозяйства в системе профессионально-технического образования Узбекистана в годы восьмой пятилетки	47
М. Журсаев. Из истории технического перевооружения сельского хозяйства Узбекистана (1933—1941)	49
Б. Ишанов. К вопросу о праве собственности в дореволюционном Туркестане. Х. Аликулов. Маджид Хавафи и его трактат «Равзати худд»	52
Ш. Р. Пидаев. Кушанская терракота из Мирзакултела	55
Е. А. Абдалиева. Интонационные средства выражения фразовой неотчлененной ремы (На материале английского языка).	59
	63

Историография

Б. В. Лунии. Историографические исследования в Узбекистане: первые итоги, состояние, задачи	69
Ф. Исхаков. К проблеме исследования творческой активности рабочего класса Узбекистана в период развитого социализма (1959—1970)	77

Критика и библиография

Р. Х. Аминова, Р. Г. Рабиш. Исторический опыт Советов Узбекистана	80
Д. И. Сойфер, М. Пулатова. В борьбе за восстановление народного хозяйства Узбекистана (1921—1925)	82
Х. Зияев, А. Аскарлов, Ф. Арипов. Полезный вклад в этнографию узбекского народа	84

Хроника научной жизни

Ф. Салимова. Научная конференция, посвященная Международному году женщины	87
<u>Махкам Абдураимович Абдураимов (1916—1975)</u>	89

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЖУРНАЛ

«ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАУКИ В УЗБЕКИСТАНЕ»

на второе полугодие 1975 г.

Подписка принимается всеми отделениями «Союзпечати» и связи,
а также общественными распространителями печати.

Подписная цена на полугодие — 2 р. 40 к.

Редактор И. А. Маркман
Технический редактор Х. У. Карабаева

Р08511 Сдано в набор 5/VIII-75 г. Подписано к печати 28/VIII-75 г. Формат 70×108 1/16. Бумага
тип. №1. Бум. л. 2,88. Печ. л. 8,16. Уч.-изд. л. 9,0. Изд. № 1580. Тираж 1418.
Цена 40 к. Заказ 178.

Типография издательства «Фан» УзССР: Ташкент, проспект М. Горького, 79.
Адрес Издательства: г. Ташкент, ул. Гоголя, 70.

Цена 40 к.

Индекс
75349